Марко ПОЛО

КНИГА О РАЗНООБРАЗИИ МИРА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Далекие неведомые страны и города, религия, обычаи и быт людей, их населявших, – об этом рассказал в своей знаменитой «Книге о разнообразии мира» Марко Поло, венецианский купец, совершивший путешествие по Азии и проживший 15 лет в Китае при дворе императора Хубилая. «Книга» Марко Поло принадлежит к числу редких средневековых сочинений, которые с интересом читаются и перечитываются в настоящее время.

- Марко Поло
  - Книга I
    - Глава XX
    - Глава XXI
    - Глава XXII
    - Глава XXIII
    - Глава XXIV
    - Глава XXV
    - Глава XXVI
    - Глава XXVII
    - Глава XXVIII
    - Глава XXIX
    - Глава XXX
    - Глава XXXI
    - Глава XXXII
    - Глава XXXIII
    - Глава XXXIV
    - Глава XXXV
    - Глава XXXVI
    - Глава XXXVII
    - Глава XXXVIII
    - Глава XXXIX
    - Глава XL
    - Глава XLI
    - Глава XLII
    - Глава LXV
    - Глава LXVI
    - Глава LXVII
    - Глава LXVIII
    - Глава LXIX
    - Глава LXX
    - Глава LXXI
    - Глава LXXII

- Глава LXXIII
- Глава LXXIV
- Глава LXXV

○ Книга II

- Глава LXXVI
- Глава LXXVII
- Глава LXXVIII
- Глава LXXIX
- Глава LXXX
- Глава LXXXI
- Глава LXXXII
- Глава LXXXIII
- Глава LXXXIV
- Глава LXXXV [А]
- Глава LXXXV [Б]
- Глава LXXXVI
- Глава LXXXVII
- Глава LXXXVIII
- Глава LXXXIX
- Глава XC
- Глава XCI
- Глава XCII
- Глава XCIII
- Глава XCIV
- Глава XCV
- Глава XCVI
- Глава XCVII
- Глава XCVIII
- Глава XCIX
- Глава C
- Глава CI
- Глава CII
- Глава CIII
- Глава CIV[А]
- Глава CIV [Б]
- Глава CIV [В]
- Глава CV
- Глава CVI
- Глава CVII
- Глава CVIII
- Глава CIX
- Глава CX
- Глава CXI
- Глава CXII

- Глава CXIII
- Глава CXIV
- Глава CXV
- Глава CXVI
- Глава CXVII
- Глава CXVIII
- Глава CXIX
- Глава CXX
- Глава CXXI
- Глава CXXII
- Глава CXXIII
- Глава CXXIV

○ Книга III

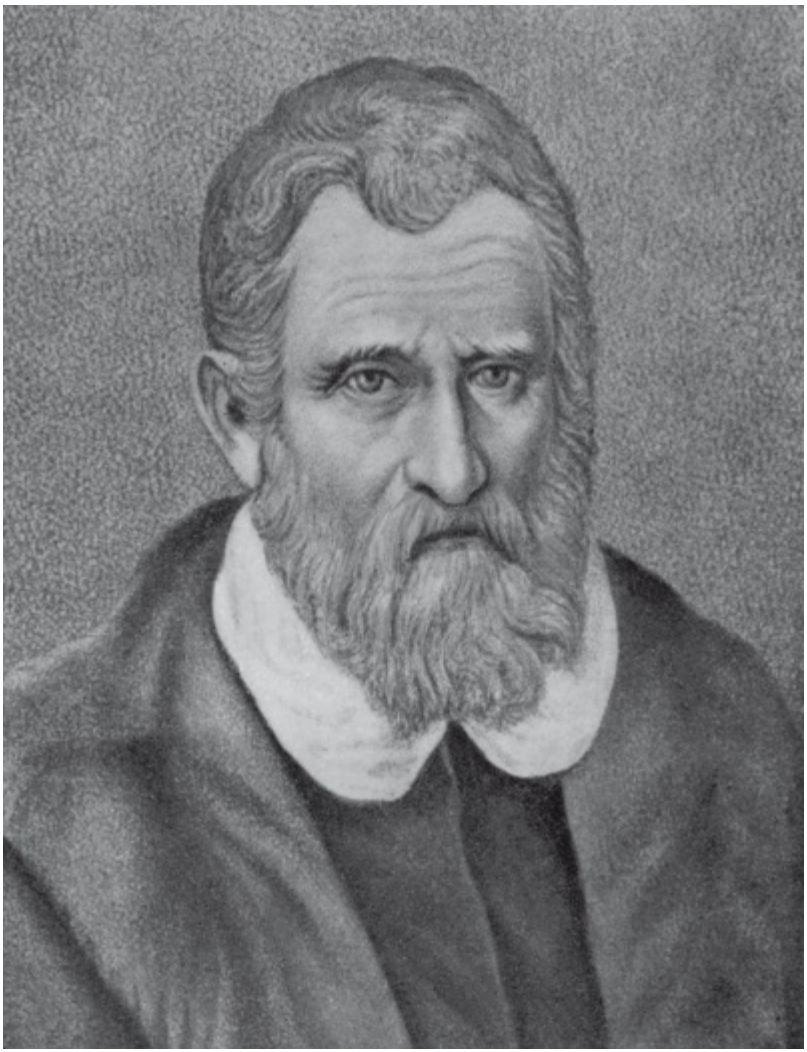
- Глава CLVIII
- Глава CLIX
- Глава CLX
- Глава CLXI
- Глава CLXII
- Глава CLXIII
- Глава CLXIV
- Глава CLXV
- Глава CLXVI
- Глава CLXVII
- Глава CLXVIII
- Глава CLXIX
- Глава CLXX
- Глава CLXXI
- Глава CLXXII
- Глава CLXXIII
- Глава CLXXIV
- Глава CLXXV
- Глава CLXXVI
- Глава CLXXVII
- Глава CLXXVIII
- Глава CLXXIX
- Глава CLXXX
- Глава CLXXXI
- Глава CLXXXII
- Глава CLXXXIII
- Глава CLXXXIV
- Глава CLXXXV
- Глава CLXXXVI
- Глава CLXXXVII
- Глава CLXXXVIII

- Глава CLXXXIX
- Глава CXC
- Глава CXCI
- Глава CXCII
- Глава CXCIII
- Глава CXCIV
- Глава CXCV
- Глава CXCVI
- Глава CXCVII
- Глава CXCVIII
- Глава CXCIX
- Глава CC
- Глава CCI
- Глава CCII
- Глава CCIII
- Глава CCIV
- Глава CCV
- Глава CCVI
- Глава CCVII
- Глава CCVIII
- Глава CCIX
- Глава CCX
- Глава CCXI
- Глава CCXII
- Глава CCXIII
- Глава CCXIV
- Глава CCXV
- Глава CCXVI
- Глава CCXVII
- Глава CCXVIII
- Глава CCXIX
- Глава CCXX
- Глава CCXXI
- Глава CCXXII
- Глава CCXXIII
- Глава CCXXIV
- Глава CCXXV
- Глава CCXXVI
- Глава CCXXVII
- Глава CCXXVIII
- Глава CCXXIX
- Глава CCXXX
- Глава CCXXXI
- Глава CCXXXII

○ Заключение

Марко Поло
Книга о разнообразии мира

Книга I



Глава XX

Здесь описывается Малая Армения

Нужно знать, что есть две Армении: Малая и Великая. Царь Малой Армении правит своей страной по справедливости и подвластен татарам.

Много тут городов и городищ, и всего вдоволь, а от охоты на зверей и на птиц потехи много. Но, скажу вам, страна сильно нездоровая. В старину здешние дворяне были храбры и воинственны; теперь они слабы и ничтожны и только пьянствуют.

Есть тут на берегу моря торговый город Лаяс [Аяс]. По правде сказать, так все пряности и все ткани с Евфрата привозятся в этот город, все дорогие товары, и товары из Венеции, Генуи свозятся сюда и здесь покупаются. Отсюда идут к Евфрату и купцы, и путешественники.

Рассказали вам о Малой Армении, теперь опишем Туркмению [Турцию].

Глава XXI

Здесь описывается Туркмения [Турция]

В Туркмении три народа: туркмены [турки], чтут Мухаммеда и следуют его закону; люди простые, и язык у них грубый. Живут они в горах и в равнинах, повсюду, где знают, что есть привольные пастбища, так как занимаются скотоводством. Водятся здесь, скажу вам, добрые туркменские лошади и хорошие, дорогие мулы.

Есть тут еще армяне и греки; живут вперемешку по городам и городищам; занимаются они торговлей и ремеслами.

Выделываются тут, знайте, самые тонкие и красивые в свете ковры, а также ткутся отменные богатые материи красного и другого цвета, много и других вещей изготовляется здесь.

Города тут зовутся: Комо, Кассери, Севасто; много и других городов и городищ; перечислять их всех было бы долго; принадлежат они все татарам левантским [восточным], что здесь

царят.

Оставим эту область и поговорим о Великой Армении.

Глава XXII

Здесь описывается Великая Армения

Великая Армения – страна большая; начинается она у города Арзинга, где выделывается лучший в свете бокаран. Есть тут также отличные бани и самые лучшие в мире источники. Живут там армяне, и подвластны они татарам. Много там городов и городищ.

Самый отменный город – Арзинга [Эрзинджан]. Там живет архиепископ. Есть еще города Аргирон и Дарзизи.

Страна большая, и летом, скажу вам, приходят сюда толпы левантских татар, потому что во все лето тут привольные пастбища для скота; и живут здесь татары с своими стадами летом, а зимой их нет; большого холода и снега скотина не выносит, и на зиму татары уходят туда, где тепло, есть трава и пастбища для скота.

В Великой Армении, скажу вам еще, на высокой горе Ноев ковчег.

На юго-востоке Великая Армения граничит с Мосулом. Народ там христианский, якобиты и несториане. О них расскажу потом. К северу грузины, и о них будет говорено далее. На грузинской границе есть источник масла [нефти], и много его – до сотни судов можно зараз нагрузить тем маслом. Есть его нельзя, а можно жечь или мазать им верблюдов, у которых чесотка и короста. Издалека приходят за тем маслом, и во всей стране его только и жгут.

Оставим Великую Армению и расскажем о грузинской земле.

Глава XXIII

Здесь описываются грузинские цари и их дела

В Грузии царь всегда называется Давид-Мелик, что [по-французски] значит царь Давид; подчинен он татарам. В прежнее время здешние цари рождались со знаком орла на правом плече.

Грузины красивы, мужественны, отменные стрелки и бойцы в сражениях. Они христиане греческого исповедания. Волосы стригут коротко, как [католические] духовные.

Это та страна, чрез которую Александр [Македонский], идя на запад, не мог пройти, потому что дорога тут узка и опасна: с одной стороны море, а с другой – высокие горы, и верхом по ним не проехать. Между горами и морем дорога очень узка, и теснина тянется на четыре лье, несколько человек тут устоят против всего света; поэтому-то Александр и не мог здесь пройти. Он выстроил тут башню, заложил крепость, чтобы враг не прошел и не напал на него сзади; место то назвал он Железными вратами. В книге «Александрия» о том месте говорится, что тут между двух гор Александр заключил татар; то были не татары, а куманы и другие племена. Татар в то время не было.

Городов, городищ здесь довольно-таки; много тут шелку; выделывают здесь шелковые и золотые ткани; таких красивых нигде не увидишь. Лучшие в мире кречеты здесь водятся. Всего тут много. Народ занимается торговлей и ремеслами. Гор, ущелий, крепостей здесь много, и татары не могли подчинить эту страну вполне.

Есть здесь женский монастырь Св. Леонарда, и творится в нем вот какое чудо: есть там большое озеро, куда вода набирается с гор; возле стоит церковь Св. Леонарда. В воде той, что с гор набирается, нет ни малой, ни большой рыбы; как настанет первый день поста и во весь пост до Святой субботы, до заутрени Пасхи, во все это время рыбы много, а в другое время рыбы нет.

А море, о котором вам рассказывал и что находится у самых гор, называется Глевешелан; в длину почти что семьсот миль; а другое море отсюда добрых двенадцать дней. Евфрат и много других рек сюда текут; а кругом со всех сторон горы и суша. Генуэзские купцы стали плавать туда недавно; перевезли сюда свои суда. Отсюда идет тот шелк, что зовется желл.

Рассказали вам о границах Армении к северу, теперь опишем границы на юго-восток.

Глава XXIV

Здесь описывается Мосул

Мосул – большое царство, живут тут многие народы, и вот какие: есть здесь арабы-мусульмане, и еще другой народ, исповедует христианскую веру, но не так, как повелевает римская церковь, а во многом отступает. Называют этих людей несторианами и якобитами. Есть у них патриарх; зовут они его жатоликом. Патриарх этот назначает архиепископов, епископов, аббатов [настоятелей монастырей] и других прелатов [духовных лиц]. Он же рассылает во все страны Индии, Катая [Китая], в Бодак [Багдад], совершенно так же, как это делает римский апостол [Папа]. Все христиане здешних мест, о которых я вам говорил, – несториане и якобиты.

Все шелковые ткани и золотые, что называются мосулинами, делаются здесь. Скажу вам еще, из этого же царства – все богатые купцы, что гуртом привозят дорогие пряности и называются мосулинами.

В здешних горах живут карды; они христиане-несториане и якобиты; но есть между

ними и сарацины, Мухаммеду молятся. То люди храбрые и злые, ограбить купца они не задумаются.

Оставим Мосул и поговорим о Бодаке, большом городе.

Глава XXV

Здесь описывается, как взяли большой город Бодак [Багдад]

Бодак – большой город. Точно так же, как в Риме – глава всех в мире христиан, так и здесь живет калиф всех в мире сарацин. Посреди города большая река [Тигр]; по ней можно спуститься в Индийское море [Персидский залив]; купцы с товарами плавают по той реке взад и вперед. От Бодака до Индийского моря, знайте, добрых осьмнадцать дней пути. Купцы, что идут в Индию, спускаются по той реке до города Киси и здесь вступают в Индийское море. На этой самой реке, скажу вам еще, между Бодаком и Киси, есть большой город Басра, а кругом него рощи, и родятся тут лучшие в мире финики.

В Бодаке выделывают разные шелковые и золотые материи: нассит, нак, кремози; по ним на разный манер богато вытканы всякие звери и птицы.

Во всей стране это самый знатный и большой город. У бодакского [багдадского] калифа, по истинной правде, золота, серебра и драгоценных камней более, нежели у кого-либо. Вот в 1255 г. по Р. Х. Алау [Хулагу], великий царь татар, брат того хана, что ныне царствует, набрал большую рать, напал на Бодак да и взял его силой. Великое то было дело. В Бодаке, не считая пеших, было сто тысяч одних конных. И когда Алау взял город, открыл он калифскую башню, и была она полна золотом, серебром и другими богатствами; никогда, нигде не видено было зараз столько богатства. Посмотрел Алау на эти богатства и подивился. Позвал он к себе калифа да и говорит ему:

«Калиф, на что ты собрал столько богатства? Что ты задумал с ним делать? Или ты не знал, что я твой враг и иду с большой ратью уничтожить тебя? Если же ты это знал, так почему не ро́здал ты этого богатства конной и пешей рати, чтобы они защищали и тебя, и твой город?»

Молчал калиф и не знал, что отвечать. Сказал тогда Алау опять:

«Вижу я, калиф, что любишь ты свое богатство, отдаю его тебе, кормись им».

Приказал Алау заключить калифа в ту самую башню с казной и запретил давать ему есть и пить.

«Калиф, – говорит он ему потом, – ешь свое богатство, сколько хочешь, полюбилось оно тебе сильно, и не будет тебе никогда другой еды!»

Умер калиф через четыре дня после того, как посадили его в

башню.

И было бы калифу лучше, если бы ро́здал свое богатство воинам, чтобы защитили они и страну, и народ, и не погиб бы он, ограбленный, вместе со всеми своими.

После него не было более калифа. Мог бы я вам еще порассказать об их делах и обычаях, да было бы это слишком долго, а потому сокращу мою повесть, с тем чтобы порассказать о другом, как вы услышите, примечательном и диковинном.

Глава XXVI

Здесь описывается величественный город Торис [Тебриз]

Торис – большой город в стране Ирак; много там и других городов и городищ, но Торис самый лучший в целой области, о нем поэтому и расскажу вам.

Народ в Торисе торговый и занимается ремеслами; выделываются тут очень дорогие, золотые и шелковые ткани. Торис на хорошем месте; сюда свозят товары из Индии, из Бодака [Багдада], Мосула, Кремозора и из многих других мест; сюда за чужеземными товарами сходятся латинские купцы. Покупаются тут также драгоценные камни, и много их здесь. Вот где большую прибыль наживают купцы, что приходят сюда.

А здешний народ делами мало занимается, и много тут всяких людей; есть и армяне, и несториане, и якобиты, грузины и персияне, и есть также такие, что Мухаммеду молятся; а те, что в городе живут, тауризами прозываются. Кругом города прекрасные сады, и много там разных вкусных плодов. Сарацины из Ториса – народ нехороший, злой.

Глава XXVII

О великом чуде в Бодаке [Багдаде] и о горе

Хочу вам рассказать о великом чуде, что свершилось между Бодаком и Мосулом. Нужно знать, что в 1275 г. по Р. Х. в Бодаке был калиф и ненавидел он сильно христиан; днем и ночью раздумывал, как бы обратить всех христиан своей страны в сарацинов, а не то перебить их всех. Каждый день совещался он об этом с своими муллами и кази; все они ненавидели христиан; по правде сказать, так все в мире сарацины ненавидят христиан.

Случилось, что калиф вместе с своими мудрецами нашел к чему придраться, и вот что: отыскал он, что в одном Евангелии говорится, если у христианина веры с горчичное зерно, так по его молитве к

Господу Богу две горы сойдутся. Отыскал это и очень обрадовался: чрез это, говорил он, все христиане или в сарацинов обратятся, или все будут перебиты.

Созвал калиф христиан, несториан и якобитов, всех, что были в его стране, а было их много. Пришли они к нему, а он показал им то Евангелие и заставил прочесть.

«Что же, правда ли это?» – спросил калиф христиан, когда те прочли.

«Воистину то правда!» – отвечали христиане.

«Так вы говорите, – спрашивал калиф, – что если у христианина веры с горчичное зерно, то по его молитве к Господу Богу две горы сойдутся?»

«Мы это воистину говорим», – отвечали христиане.

«Так я же вас испытаю, – сказал калиф. – Вот вы все христиане, и между вами должен же быть хоть один с малой верою. Объявляю же вам: или вы подвинете гору, что видите там, – и указал он им на гору невдалеке, – или я всех без жалости перебью. Если вы не сдвинете горы́, так значит нет у вас веры, и я вас всех перебью, не то все вы обратитесь в нашу святую веру, что даровал нам Мухаммед, наш пророк. Имейте веру, будьте мудры; даю вам десять дней сроку; коли в это время вы этого не сделаете, всех перебью».

Замолчал калиф и отпустил христиан.

Глава XXVIII

Как христиане испугались слов калифа

Услышали христиане калифовы речи и очень перепугались; хотя и боялись они смерти, а все-таки твердо верили, что Творец не оставит их без помощи в такой трудности. Стали они совещаться с мудрыми из христиан, со своими прелатами; было там много и епископов, и архиепископов, и священников. Не придумали они ничего другого, как помолиться Господу Богу, чтобы он по своему милосердию и благости помог им в этом деле и избавил от той жестокой смерти, какую определил им калиф, коли не исполнят они его требования.

И что же? Днем и ночью христиане, по истине, служили молебны, усердно молили Господа Бога, чтобы он, по своей благости, помог им в этой великой опасности. Восемь дней и ночей все христиане, мужчины и женщины, взрослые и малолетние, служили молебны и молились. И вот когда они молились, ангел, посланник от Бога, явился в видении одному епископу, человеку святой жизни.

Говорил ангел епископу: «Ступай ты к такому-то кривому, и если он скажет горе двинуться, она двинется тотчас же!»

А об этом башмачнике скажу, что был он человек разумный, честный и праведный; не грешил, постился; ходил каждый день в церковь, к обедне, и каждый же день, Христа ради, раздавал хлеб. Был он чистой и святой жизни; не найти было лучшего человека ни вблизи, ни вдали.

Расскажу вам об одном из его дел, и говорит то дело, что был он человек добрый, веры искренней и жизни хорошей. Слышал он много раз, как читали в Евангелии: если око твое соблазняет тебя на грех, вырви его из главы, ослепи его, да не вводит оно тебя в грех.

Вот раз в дом этого башмачника пришла красавица покупать башмаки; сначала хозяин, не глядя на ноги, стал примерять башмаки, а потом попросил взглянуть на ноги, и красавица показала их ему, и, говоря по правде, ноги были так хороши, что лучше и желать нельзя было. И вот как увидел ногу той женщины этот, как я вам сказал, добродетельный человек, соблазнился он, любовались его глаза ногами. Отослал он красавицу, не захотел продавать ей башмаков.

Как ушла женщина, стал он про себя думать: «О чем ты помышляешь, о беззаконник и изменник? Глазам, что меня соблазняют, следует отомстить!» Взял он потом шило, наточил

его, да и воткнул в самую средину глаза; выковырнул его так, что потом никогда им больше не видел.

Вот так-то, как вы слышали, попортил башмачник себе глаза. Был он, по правде сказать, добрый и святой человек.

А теперь вернемся к нашему рассказу.

Глава XXIX

Как епископу было видение о том, чтобы башмачник молился

То же видение было епископу, знайте, не один раз; и рассказал он христианам о том видении, что было ему много раз; стали тут христиане просить, чтобы позвал епископ башмачника, и призвали его. Пришел он, и говорят ему христиане, чтобы умолил он Господа Бога подвинуть гору. Выслушал башмачник речи епископа и христиан и сказал, что не такой он святой человек, не по его молитве Господь Бог или Пресвятая Дева сотворят великое чудо. А христиане все-таки слезно упрашивали его помолиться Богу. И что же? Упрашивали они долго, и согласился башмачник по их желанию помолиться Творцу.

Глава XXX

Как молитва христиан сдвинула гору

Наступил срок, рано утром поднялись христиане, мужчины и женщины, старые и малые. Пошли в церковь и отслужили обедню; отслужили обедню, покончили службу

Господу Богу и пошли вместе по дороге к той равнине, где была гора, а крест Спасителя несли перед собою. Сошлись все христиане на той равнине; больше ста тысяч было их там; стали они все перед крестом Господа нашего. Был тут и калиф, и многое множество сарацин; сошлись христиан убивать, не верили они, чтобы гора сдвинулась; и христиане, большие и малые, побаивались и сильно сомневались, но все-таки искренно уповали на своего Творца.

Собрался на равнине весь народ, христиане и сарацины, стал тут башмачник на колени перед крестом и простер руки к небу; много молился он Спасителю, чтобы гора та сдвинулась и не погибло бы жестокой смертью столько христиан. Кончил он молиться, не прошло и получаса, гора тронулась и стала двигаться. Увидели это калиф и сарацины и диву дались; многие обратились в христианство, и калиф стал христианином, и только когда он умер, на шее у него нашли крест. Сарацины не похоронили его вместе с другими калифами, а в ином месте.

Так-то свершилось это чудо. По закону, что дал им Мухаммед, должны они творить всякое зло тем, кто не их закона, вредить во всем, и в этом для них нет греха; если бы не власти их, много зла наделали бы они; и все другие сарацины повсюду злодействуют точно так же.

Оставим Таурис [Тебриз] и Бодак [Багдад], начнем о Персии.

Глава XXXI

Здесь начинается о большой области Персии

Большая страна Персия, а в старину она была еще больше и сильнее, а ныне татары разорили и разграбили ее. Есть тут город Сава, откуда три волхва вышли на поклонение Иисусу Христу. Здесь они и похоронены в трех больших прекрасных гробницах. Над каждой могилой квадратное здание, и все три одинаковы и содержатся хорошо. Тела волхвов совсем целы, с волосами и бородами. Одного волхва звали Белтазаром [Балтазаром], другого – Гаспаром, третьего – Мельхиором.

Марко спрашивал у многих жителей города, кто были эти волхвы. Никто ничего не знал, и только рассказывали ему, что были они царями и похоронили их тут в старые годы.

Но вот еще что узнал он все-таки: впереди, в трех днях пути, есть крепость Кала Атаперистан, а по-французски «крепость огнепоклонников», и это правда, тамошние жители молятся огню, и вот почему почитают они огонь: в старину, говорят, три тамошних царя пошли поклониться новорожденному пророку и понесли ему три приношения: злато, ливан и смирну; хотелось им узнать, кто этот пророк: Бог ли, царь земной, или врач. Если он возьмет злато, говорили они, то это царь земной, если ливан, – то Бог, а если смирну, – то врач.

Пришли они в то место, где родился младенец; пошел посмотреть на него самый младший волхв и видит, что младенец на него самого похож и годами, и лицом; вышел он оттуда и дивуется. После него пошел второй и увидел то же: ребенок и летами, и лицом такой же, как и он сам; вышел и он изумленный. Пошел потом третий, самый старший, и ему показалось то же самое, что и первым двум; вышел он и сильно задумался.

Сошлись все трое вместе и порассказали друг другу, что видели; подивились, да и решили идти всем трем вместе. Пошли вместе и увидели младенца, каким он был на самом деле, а было ему не более тринадцати дней. Поклонились и поднесли ему злато, ливан и смирну. Младенец взял все три приношения, а им дал закрытый ящичек. Пошли три царя в свою страну.

Глава XXXII

Здесь рассказывается о трех волхвах, что ходили поклоняться Господу

Проехали они немного дней, и захотелось им посмотреть, что дал им младенец; открыли они ящичек и видят, что там камень. Дивились они, что бы это значило. А младенец дал им камень в знамение того, чтобы вера их, которую они восприяли, была тверда, как камень. Как увидели три царя, что младенец принял все приношения, тут все и сказали, что он Бог, царь земной и врач. А младенец знал, что все трое одной веры, и дал он им камень в знамение того, чтобы были тверды и постоянны в своей вере.

Взяли три царя тот камень да бросили его в колодезь, не понимали они, зачем он им был дан, и как только бросили они его в колодезь, с неба нисшел великий огонь прямо в кладезь, к тому месту, куда был камень брошен. Увидели цари то чудо и диву дались; жалко им стало, что бросили они тот камень; был в нем великий и хороший смысл.

Взяли они тогда от этого огня и понесли в свою землю, поставили его в богатом прекрасном храме. Поддерживают его постоянно и как Богу молятся ему; этим огнем совершают они все жертвы и возжения. Если случится, что огонь тут потухнет, идут они к тем, кто держит тот же огонь и также молится ему; у них из их церкви просят они огня и возжигают свой; возжигают только от того огня, о котором я вам рассказывал; иной раз, чтобы найти такой огонь, ходят по десяти дней. Так-то здешние люди молятся огню. Много людей рассказывало Марку Поло и об этом, и о замке, и все то правда. Один из трех волхвов, скажу еще, был из Савы, другой из Авы, а третий из того замка, где огню поклоняются.

Рассказал вам все подробно, расскажу потом и о других городах Персии, об их делах, обычаях.

Глава XXXIII

Здесь описываются восемь царств [областей] Персии

Персия – страна большая; в ней, знайте, восемь областей; они зовутся вот как: в самом начале Персии первая область называется Казум, вторая к югу – Кардистан, третья – Лор, четвертая – Сиельтан, пятая – Истанит, шестая – Сераци, седьмая – Сукара, восьмая – Тунакан, она на краю Персии. Все эти области на юге, одна – Тунакан, что подле древа сухого, – на востоке.

Много здесь добрых коней; вывозят их в Индию на продажу, и кони эти, знайте, дорогие; иной конь продается за двести торнайзских ливров; на эту цену немало коней. Водятся здесь самые красивые в свете ослы; продаются по тридцати марок за штуку, и иноходью бегают, и вскачь отлично. Этих лошадей, о которых вам рассказывал, здешние люди водят в Кизи и в Курмоз [Ормуз]; оба города на берегу Индийского моря; там их скупают купцы и везут в Индию, где и продают их по дорогой цене, как я вам рассказывал.

В этих землях злых людей и разбойников много; убийства случаются ежедневно; боятся они восточных татар, своих правителей, и если бы не это, так много зла наделали бы они купцам; и при этой власти купцы все-таки часто терпят от них убытки. Купцов без оружия, без луков они убивают или грабят без жалости.

Все они, скажу вам по правде, закона Мухаммедова, их пророка. В городах есть купцы и ремесленники; торгуют, ремеслами занимаются; изготовляют золотые ткани и всех родов шелковые. Родится тут хлопок. Пшеницы, ячменя, пшена, всякого хлеба, вина и всяких плодов у них много.

Оставим это царство; расскажу вам о большом городе Язди [Йезд], о тамошних делах и обычаях.

Глава XXXIV

Здесь описывается город Язди [Йезд]

Язди в самой Персии; это красивый город, большой, торговый. Много шелковых тканей тут выделывается; называют их язди; купцы торгуют ими с большой прибылью по разным странам. Народ молится Мухаммеду. Когда отсюда поедешь вперед, то семь дней дорога по равнине, и только в трех местах поселки, где можно остановиться. Лесов хороших тут много, и дорога по ним хорошая; охоты там много на куропаток и фазанов. Купцы, когда тут проезжают, так много охотятся. Есть здесь еще очень красивые дикие ослы.

Через семь дней пути царство Крерман [Керман].

Глава XXXV

Здесь описывается царство Крерман [Керман]

Крерман – древнее царство в самой Персии, им владели цари по наследству, но с тех пор, как его покорили татары, нет тут наследственных владетелей; татары кого пожелают, того в цари и ставят. В этом царстве водятся камни бирюзы, и много их тут; находятся они в горах, и вырывают их изнутри скал. Есть тут также жилы стали и онданика вдоволь. Конскую сбрую работают тут отлично: узды, седла, шпоры, мечи, луки и колчаны; всякое их вооружение у них на собственный образец.

Замужние женщины и девки славно вышивают зверей и птиц и всякие другие фигуры по шелковым разноцветным тканям. Работают для князей и знатных людей занавески так хорошо и искусно, что не надивишься; вышивают также прекрасно перины, подушки, подушечки.

В тамошних горах водятся лучшие соколы, самые быстрые в свете; они меньше сокола пилигрима; по брюшку красны и под шейкой, между ляжками. Летают они, скажу вам, очень быстро, не уйти от них никакой птице.

Из города Крермана первые семь дней едешь все крепостцами, городами, поселками; хорошо и весело тут ехать; дичи много, вдоволь куропаток. Как пройдешь семь дней по равнине, тут гора большая и спуск; под гору едешь два дня; всяких плодов тут повсюду вдоволь. В старину были там поселки, а теперь их нет, и народ, что живет там, скот пасет.

Между Крерманом и этим спуском зимою такой холод, еле спасешься под одеялами и шубами.

Глава XXXVI

Здесь описывается город Камади [Камадин]

После двухдневного спуска, о чем я вам рассказал, – опять большая равнина, а вначале город Каменди; в старину он был большой и славный, а ныне и невелик, да и некрасив. Разоряли его несколько раз татары из других стран. В равнине той, скажу вам, очень жарко. Область, что тут начинается, зовется Реобарл.

Есть там финики, райские яблоки, фисташки и другие плоды; в наших холодных местах таких нет.

В этой равнине есть особенные птицы, зовут их лесными куропатками (франколинами), но на куропаток других стран они не похожи; они пестры, и черны, и белы; ножки и клюв у них красные. Разные тут также звери; расскажу вам прежде всего о быках. Быки очень велики и как снег белы. Шерсть у них короткая, гладкая, и это происходит от здешней жары; рога небольшие, толстые и не острые. Между лопаток круглый горб в две ладони. С виду они самые красивые в свете. Когда их навьючивают, они ложатся, как верблюды, а как навьючат, они встанут и вьюки носят отлично, потому что очень сильны. Овцы с осла; хвосты у них толстые, большие; в ином весу фунтов тридцать. Славные, жирные овцы; мясо вкусное.

Городов, крепостей тут много. Города обнесены земляными валами, высокими, толстыми, в защиту от каранов, что бродяжничают по здешним местам и грабят всех. Зовут их так, потому что матери у них индианки, а отцы татары. Когда они задумают напасть на страну и разграбить ее, от их наговоров и дьявольских наваждений среди дня делается мрак, вдали ничего не видно; и темь эту нагоняют на семь дней. Места они знают хорошо; нагнав темноту, едут рядом; бывает их тут до десяти тысяч, иногда больше, иной раз меньше. А как заберут равнину, что задумали разграбить, ничему там не спастись, ни людям, ни скотине; нет той вещи, которой они не забрали бы. Полонив народ, стариков убивают, а молодых уводят с собой и продают в рабство.

Царь их называется Ногодар. Этот Ногодар [Негудер] отправился с десятитысячною ратью ко двору Жагатая [Чагатая], родного брата великого хана, и жил у него. Жагатай приходился ему дядей и был сильным царем. Живя у дяди, Ногодар замыслил измену и предал его.

Вот так это было: когда Жагатай был в Великой Армении, Ногодар бросил дядю и бежал с десятью тысячами своих лютых

злодеев, прошел через Бадасиан, через ту область, что зовется Пашиай, и еще через другую – Шессиемюр; погибло у него много людей и скота; дороги там по теснинам, дурные. Забрал он те земли и перешел в Индию, на границу страны Деливар. Завладел там Деливаром городом [Дели] и поселился там, а царя, славного и богатого султана Асидиу, сместил. Поживал тут Ногодар со своими и никого не боялся; со всеми другими татарами вокруг своего царства он воевал.

Вот и рассказал вам об этой равнине и о людях, что напускают тьму для грабежа. Сам Марко, скажу вам, был полонен ими, да бежал в крепость Каносальми; немало и товарищей его было забрано; иных продали в рабство, а других побили.

Расскажу вам теперь о другом.

Глава XXXVII

Здесь описывается великий спуск

Равнина, что к югу, тянется, нужно знать, на пять дней пути; а потом начинается другой спуск по дурной дороге двадцать миль [около 30 км]; бродят тут злые разбойники, и дорога тут опасная. За этим спуском начинается новая равнина, прекрасная, и называется она Формоз. В длину она два дня пути, славные тут реки; есть финиковые дерева и много птиц; водятся франколины, попугаи и иные, на наших не похожие птицы.

А через два дня езды – море-океан [Персидский залив]; на берегу город Кормоз, тут пристань. Сюда, скажу вам, приходят на своих судах купцы из Индии; привозят они пряности и драгоценные камни, жемчуг, ткани, шелковые и золотые, слоновые зубы и другие товары; все это продают они другим купцам, а те, перепродавая, развозят по всему свету. В городе большая торговля; ему подчинены другие города и замки, а он – главный в царстве. Царь зовется Руемедан-Акомат.

Превеликая тут жара; солнце печет сильно; страна нездоровая. Если умрет здесь иноземный купец, все его имущество царь берет себе. Из фиников вместе с другими пряностями гонят здесь вино, и вино то очень хорошо; людей, непривычных к нему, сильно слабит и очищает, а потом они чувствуют себя хорошо и толстеют. Нашей пищи тут не едят; народ тут от пшеничного хлеба и мяса хворает; чтобы не болеть, едят они финики да соленую рыбу тунец; еще едят они лук. Вот что они едят, чтобы не болеть.

Суда у них плохие, и немало их погибает, потому что сколочены они не железными гвоздями, а сшиты веревками из коры индийских орехов. Кору эту они бьют до тех пор, пока она не сделается тонкой, как конский волос, и тогда вьют из нее веревки и ими сшивают суда; веревки эти прочны и от соленой воды не портятся. У судов одна мачта, один парус и одно весло; они без покрышки [палубы]. Нагрузят суда и сверху товары прикроют кожей, а на это поставят лошадей, которых везут на продажу в Индию. Железа для выделки гвоздей у них нет, болты делают из дерева, суда сшивают веревками; плавать в таких судах опасно; бури в Индийском море часты, и много их гибнет.

Народ здесь черный; молится Мухаммеду. В городах летом не живут; там очень жарко, и от жары много народу помирает; народ уходит в сады, где реки и много воды; и там не спастись бы от жары, если бы не одно средство, и вот какое: летом, нужно знать,

несколько раз поднимается ветер со стороны песков, что кругом равнины; этот ветер жаркий, человека убивает; как только люди почуют, что поднимается жара, входят в воду и этим спасаются от жаркого ветра.

Пшеницу, ячмень и всякий другой хлеб сеют они, скажу вам, еще в ноябре; а в марте уборка; тогда же и другие плоды собирают, и они поспевают в марте; на земле не остается ни былинки, только одни финики держатся до мая. Сильная жара сушит все.

Об их судах скажу еще, что они не осмолены, а смазаны рыбьим жиром.

Помрет мужчина или женщина, родные, скажу вам, очень убиваются. Жены плачут по мужьям четыре года. По смерти мужа, по крайности раз в день, собирают родных и соседей и много плачут; громко вскрикивают, жалеючи покойника.

Оставим этот город. Об Индии теперь не стану говорить; расскажу вам о ней потом, в другой книге, когда придет время и место. Вернемся к ней с севера и расскажем.

А теперь пойдем иною дорогой к городу Крерман [Керман], о котором уже вам говорил. Только через город Крерман можно попасть в те страны, о которых хочу вам порассказать. И царь Маимоди Акомат, от которого мы теперь уезжаем, скажу вам, под царем Крермана.

От Кремоза [Ормуза] по дороге до Крермана много прекрасных равнин и всякой еды вдоволь. Теплых ключей тут много; много куропаток; большие тут рынки, где плодов и фиников вдоволь. Пшеничный хлеб здесь горек, без привычки его есть нельзя, и это оттого, что вода тут горькая.

Ключи, о которых я сейчас говорил, горячие, от многих болезней и от чесотки они очень полезны.

Теперь о странах к северу; назову их в моей книге вот в каком порядке.

Глава XXXVIII

Как по дикой стране путешествуют

Из Крермана [Кермана] семь дней едешь по скучной дороге, и вот как: три дня то совсем нет воды, или ее совсем мало, да и та, что попадается, горька и зелена, как трава на лугу; никто не может ее пить, до того она горька. Кто выпьет глоток той воды, того прослабит более десяти раз; есть в той воде соль, и кто съест хотя бы маленький кусочек той соли, того также сильно прослабит. Всякий, кто идет сюда, берет с собою воду для питья. Скотина и та пьет эту воду нехотя, и только от великой жажды; и скот, скажу вам, от воды сильно слабит. Жилья нет во все три дня; все пустошь да сушь. Зверей тут нет, нечего им там есть.

Через три дня начинается другая страна, и тянется она на четыре дня пути; она также пустынна и бесплодна; вода тоже горькая; нет тут ни деревьев, ни скота; водятся одни ослы. Через четыре дня пути кончается царство Крерман, и стоит город Кобинан [Кухбенан].

Глава XXXIX

Здесь описывается большой город Кабана [Кухбенан]

Кобинан – большой город; народ молится Мухаммеду. Есть тут железо, сталь, онданик. Выделываются здесь из стали большие и очень хорошие зеркала. Изготовляют здесь туцию, очень полезную для глаз. Делают тут сподию, и вот как: выкладут ту землю в печь, где разведен огонь, а поверх печи железная решетка. Дым и пар, что поднимается от земли, осаживается на решетке, и это туция, а что остается от земли в огне, то сподия.

Оставим этот город и пойдем вперед.

Глава XL

Как странствуют по пустыне

Из Кобиана [Кухбенана] восемь дней едешь пустыней; сушь тут великая; нет ни плодов, ни деревь, а вода горькая и скверная; еду и питье можно с собой везти; только скотина пьет охотно здешнюю воду.

Через восемь дней приезжаешь в область Тонокаин.

Городов, замков тут много; здесь же северная граница Персии. Большая тут равнина, и стоит на ней древо сол; христиане прозвали его Сухим деревом. Расскажу вам, что это за дерево. Оно и велико, и очень толсто; листья у него с одной стороны зеленые, а с другой белые. На нем орехи, словно каштаны, но внутри пусты. Дерево твердо и желто, как букс. На сто миль кругом нет других дерев.

В одну только сторону, в десяти милях, есть дерева. Рассказывают здешние люди, что было тут сражение между Александром и Дарием. Много всякого добра в городах и в замках, и нет тут ни большой жары, ни большого холода; все в меру. Народ молится Мухаммеду. Мужчины очень красивы, но в особенности – женщины.

Оставим эту страну; расскажем о другой, Милект [Мульхид], где горный старец обитает.

Глава XLI

Здесь описывается горный старец и его асасины

В стране Мулект в старину жил горный старец. Мулект [Мульхид] значит (жилище) арамов. Все, что Марко рассказывал, то и вам передам; а слышал он об этом от многих людей. Старец по-ихнему назывался Алаодин. Развел он большой отличный сад в долине, между двух гор; такого и не видано было. Были там самые лучшие в свете плоды. Настроил он там самых лучших домов, самых красивых дворцов, таких и не видано было прежде; они были золоченые и самыми лучшими в свете вещами раскрашены. Провел он там каналы; в одних было вино, в других – молоко, в третьих – мед, а в иных – вода.

Самые красивые в свете жены и девы были тут; умели они играть на всех инструментах, петь и плясать лучше других жен.

Сад этот, толковал старец своим людям, – есть рай. Развел он его таким точно, как Мухаммед описывал сарацинам рай: кто в рай попадет, у того будет столько красивых жен, сколько пожелает, и найдет он там реки вина и молока, меду и воды. Поэтому-то старец развел сад точно так, как Мухаммед описывал рай сарацинам; и тамошние сарацины верили, что этот сад – рай. Входил в него только тот, кто пожелал сделаться асасином. При входе в сад стояла неприступная крепость; никто в свете не мог овладеть ею; а другого входа туда не было.

Содержал старец при своем дворе всех тамошних юношей от двенадцати до двадцати лет. Были они как бы стражею и знали понаслышке, что Мухаммед, их пророк, описывал рай точно так, как я вам рассказывал. И что еще вам сказать? Приказывал старец вводить в этот рай юношей, смотря по своему желанию, по четыре, по десяти, по двадцати, и вот как: сперва их напоят, сонными брали и вводили в сад; там их будили.

Глава XLII

Как горный старец воспитывает и делает послушными своих асасинов

Проснется юноша и как увидит все то, что я вам описывал, поистине уверует, что находится в раю, а жены и девы во весь день с ним: играют, поют, забавляют его, всякое его желание исполняют; все, что захочет, у него есть; и не вышел бы оттуда по своей воле. Двор свой горный старец держит отлично, богато, живет прекрасно; простых горцев уверяет, что он пророк; и они этому поистине верят.

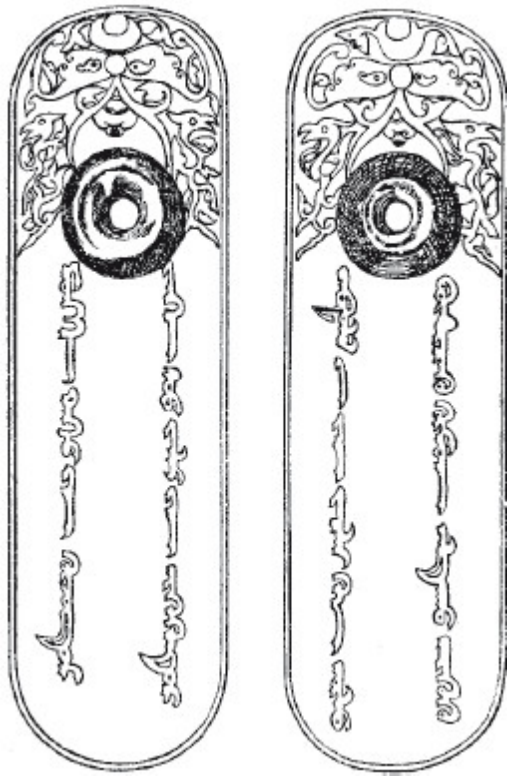
Захочет старец послать куда-либо кого из своих убить кого-нибудь, приказывает он напоить столько юношей, сколько пожелает, когда же они заснут, приказывает перенести их в свой дворец. Проснутся юноши во дворце, изумляются, но не радуются, оттого что из рая по своей воле они никогда не вышли бы. Идут они к старцу и, почитая его за пророка, смиренно ему кланяются; а старец их спрашивает, откуда они пришли. Из рая, отвечают юноши и описывают все, что там, словно как в раю, о котором их предкам говорил Мухаммед; а те, кто не был там, слышат все это, и им в рай хочется; готовы они и на смерть, лишь бы только попасть в рай; не дождутся дня, чтобы идти туда. Захочет старец убить кого-либо из важных, прикажет испытать и выбрать самых лучших из своих асасинов; посылает он многих из них в недалекие страны с приказом убивать людей; они идут и приказ его исполняют; кто останется цел, тот возвращается ко двору; случается, что после смертоубийства они попадаются в плен и сами убиваются.

Глава LXV

Как Чингиз [Чингисхан] стал первым ханом татар

Случилось, что в 1187 г. татары выбрали себе царя, и звался он по-ихнему Чингисхан, был человек храбрый, умный и удалой; когда, скажу вам, выбрали его в цари, татары со всего света, что были рассеяны по чужим странам, пришли к нему и признали его своим государем.

Великий хан дает золотую пайцзу братьям Поло (миниатюра XIV в.)



Серебряная пайцза с монгольской надписью уйгурского письма из Эрмитажа (найдена у Днепра в 1 4 г.)

Страною этот Чингисхан правил хорошо. Что же вам еще сказать? Удивительно даже, какое тут множество татар набралось. Увидел Чингисхан, что много у него народу, вооружил его луками и иным ихним оружием и пошел воевать чужие страны. Покорили они восемь областей; народу зла не делали, ничего у него не отнимали, а только уводили его с собою покорять других людей. И так-то, как вы слышали, завоевали они множество народу. А народ видит, что правление хорошее, царь милостив, и шел за ним охотно. Набрал Чингисхан такое множество народу, что по всему свету бродят, да решил завоевать побольше земли.

Вот послал он своих послов к попу Ивану, и было то в 1200 г. по Р. Х.; наказывал он ему, что хочет взять себе в жены его дочь. Услышал поп Иван, что Чингисхан сватает его дочь, и разгневался.

«Каково бесстыдство Чингисхана! – стал он говорить. – Дочь мою сватает! Иль не знает, что он мой челядинец и раб! Идите к нему назад и скажите: сожгу дочь, да не выдам за него; скажите ему от меня, что следовало бы его как предателя и изменника

своему государю смертью казнить!»

Говорил он потом послам, чтобы они уходили и никогда не возвращались. Выслушали это послы и тотчас же ушли. Пришли к своему государю и рассказывают ему по порядку все, что наказывал поп Иван.

Глава LXVI

Как Чингисхан снаряжает свой народ к походу на попа Ивана

Услышал Чингисхан срамную брань, что поп Иван ему наказывал, надулось у него сердце и чуть не лопнуло в животе; был он, скажу вам, человек властный. Напоследок заговорил, да так громко, что все кругом услышали; говорил он, что и царствовать не захочет, коли поп Иван за свою брань, что ему наказывал, не заплатит дорого, дороже, нежели когда-либо кто платил за брань, говорил, что нужно вскорости показать, раб ли он попа Ивана. Созвал он свой народ и зачал делать приготовления, каких и не было видано и не слышано было. Дал он знать попу Ивану, чтобы тот защищался, как мог, идет-де Чингисхан на него со всею своею силою; а поп Иван услышал, что идет на него Чингисхан, посмеивается и внимания не обращает. Не военные они люди, говорил он, а про себя решил все сделать, чтобы, когда Чингисхан придет, захватить его и казнить. Созвал он своих отовсюду и из чужих стран и вооружил их; да так он постарался, что о такой большой рати никогда не рассказывали.

Вот так-то, как вы слышали, снаряжались тот и другой. И не говоря лишних слов, знайте по правде, Чингисхан со всем своим народом пришел на большую славную равнину попа Ивана, Тандук, тут он стал станом; и было их там много, никто, скажу вам, и счету им не знал. Пришла весть, что идет сюда поп Иван; обрадовался Чингисхан; равнина была большая, было где сразиться, поджидал он его сюда, хотелось ему сразиться с ним.

Но довольно о Чингисхане и об его народе, вернемся к попу Ивану и его людям.

Глава LXVII

Как поп Иван с своим народом пошел навстречу Чингисхану

Говорится в сказаниях, как узнал поп Иван, что Чингисхан со всем своим народом идет на него, выступил и он со своими против него; и все шел, пока не дошел до той самой равнины Тандук, и тут, в двадцати милях от Чингисхана, стал станом; отдыхали здесь обе стороны, чтобы ко дню схватки быть посвежее да пободрее. Так-то, как вы слышали, сошлись на той равнине Тандук [Тендук] две величайшие рати.

Вот раз призвал Чингисхан своих звездочетов, христиан и сарацинов и приказывает им угадать, кто победит в сражении – он или поп Иван. Колдовством своим знали то звездочеты. Сарацины не сумели рассказать ему правды, а христиане объяснили все толком; взяли они палку и разломали ее пополам; одну половинку положили в одну сторону, а другую в другую, и никто их не трогал; навязали они потом на одну половинку палки чингисханово имя, а на другую – попа Ивана.

«Царь, – сказали они потом Чингисхану, – посмотри на эти палки; на одной твое имя, а на другой попа Ивана; вот кончили мы волхование, и чья палка пойдет на другую, тот и победит».

Захотелось Чингисхану посмотреть на то, и приказывал он звездочетам показать ему это поскорее. Взяли звездочеты-христиане псалтырь, прочли какие-то псалмы и стали колдовать, и вот та самая палка, что с именем была Чингисхана, никем не тронутая, пошла к палке попа Ивана и влезла на нее; и случилось это на виду у всех, кто там был.

Увидел то Чингисхан и очень обрадовался; а так как христиане ему правду сказали, то и уважал он их завсегда и почитал за людей нелживых, правдивых.

Глава LXVIII

Здесь описывается большая битва между попом Иваном и Чингисханом

Вооружились через два дня обе стороны и жестоко бились; злее той схватки и не видано было; много было бед для той и другой стороны, а напоследок победилтаки Чингисхан. И был тут поп Иван убит.

С того дня пошел Чингисхан покорять свет. Процарствовал он, скажу вам, еще шесть лет от той битвы и много крепостей и стран покорил; а по исходе шести лет пошел на крепость Канги, и попала ему тут стрела в коленку; от той раны он и умер. Жалко это, был он человек удалой и умный.

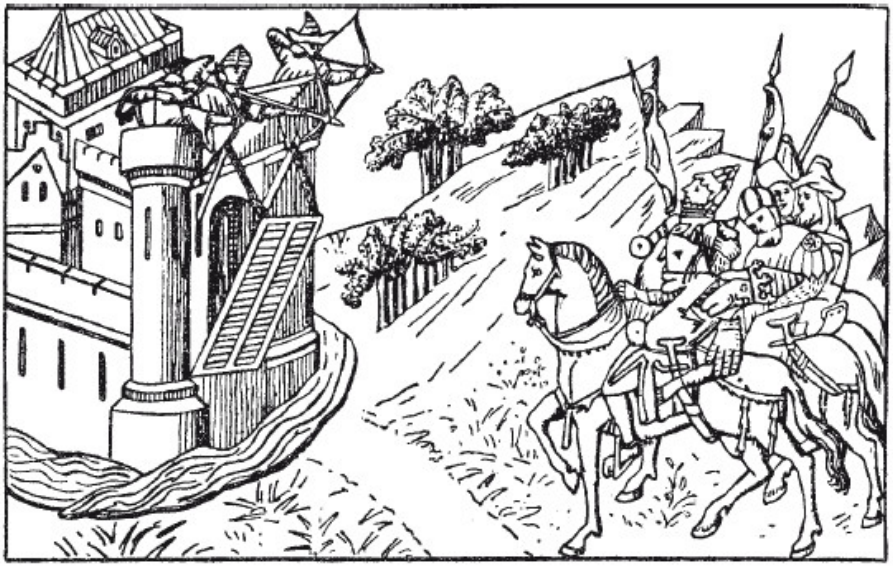
Описал вам, как у татар был первым государем Чингисхан, рассказал вам еще, как вначале они победили попа Ивана, теперь расскажу об их нравах и обычаях.

Глава LXIX

Здесь говорится о ханах, что царствовали после Чингисхана

После Чингисхана государем был Куи-хан, третьим ханом – Бакуи-хан, четвертым – Алтон-хан, пятым – Монгу-хан, шестым – Кублай-хан, самый большой и самый сильный из всех; у всех пяти вместе не было столько сил, сколько у этого Кублая; да скажу вам еще, что у всех императоров вместе и у всех христианских и сарацинских царей нет той силы, и не могут они сделать того, что этот Кублай [Хубилай], великий хан, может сделать. Все это доподлинно расскажу в нашей книге.

Всех великих государей, потомков Чингисхана, знайте, хоронят в большой горе Алтай; и где бы ни помер великий государь татар, хотя бы за сто дней пути от той горы, его привозят туда хоронить. И вот еще какая диковина: когда тела великих ханов несут к той горе, всякого, кого повстречают, дней за сорок, побольше или поменьше, убивают мечом провожатые при теле да приговаривают: «Иди на тот свет служить нашему государю!» Они воистину верят, что убитый пойдет на тот свет служить их государю. С конями они делают то же самое. Когда государь умирает, всех его лучших лошадей они убивают, на тот конец, чтобы были они у него на том свете. Когда умер Монгу-хан [Мункэ], так знайте, более двадцати тысяч человек, встреченных по дороге, где несли его тело хоронить, было побито. Начал о татарах, так порасскажу вам и еще кое-что.



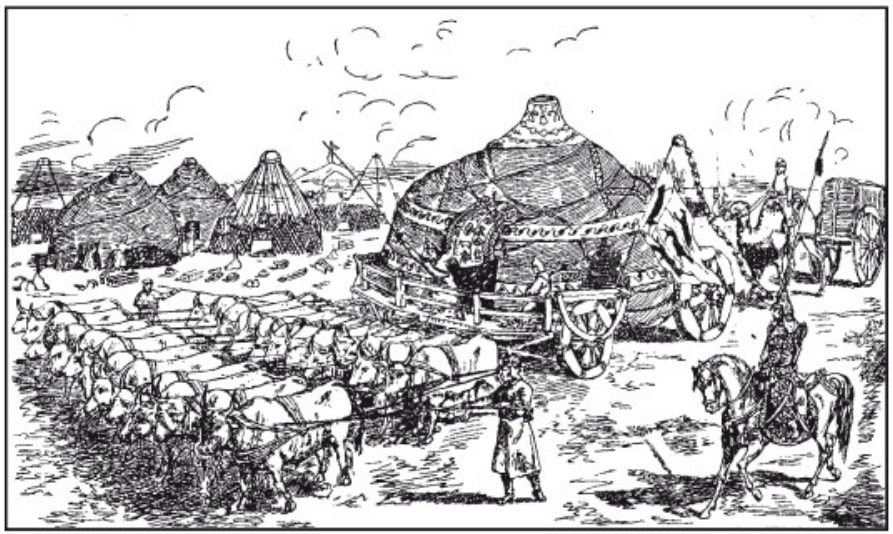
Смерть Чингисхана (миниатюра XIV в.)

Зимою татары живут на равнинах, в теплых местах, где есть трава, пастбища для скота, а летом в местах прохладных, в горах да равнинах, где вода, рощи и есть пастбища. Дома у них деревянные, и покрывают они их веревками; они круглы; всюду с собой их переносят; переносить их легко, перевязаны они прутьями хорошо и крепко, а когда дома расставляют и устанавливают, вход всегда приходится на юг.

Телеги у них покрыты черным войлоком, да так хорошо, что хоть бы целый день шел дождь, вода ничего не подмочит в телеге; впрягают в них волов и верблюдов и перевозят жен и детей. Жены, скажу вам, и продают, и покупают все, что мужу нужно, и по домашнему хозяйству исполняют. Мужья ни о чем не заботятся; воюют да с соколами охотятся на зверя и птицу.

Портрет Хубилайхана (китайская гравюра)

Едят они мясо, молоко и дичь; едят они фараоновых крыс; много их по равнине и повсюду. Едят они лошадиное мясо и собачье и пьют кобылье молоко [кумыс]. Всякое мясо они едят.



Средневековые татарские юрты и повозка

С чужою женой ни за что не лягут и считают это за дело нехорошее и подлое. Жены у них славные, мужьям верны, домашним хозяйством занимаются хорошо. А женятся они вот как: всякий берет столько жен, сколько пожелает, хотя бы сотню, коли сможет их содержать. Приданое отдается матери жены, а жена мужу ничего не приносит. Первую жену они, знайте, почитают за старшую и самую милую; а жен у них, как я говорил, много. Женятся они на двоюродных сестрах; умрет отец, старший сын женится на отцовой жене, коли она ему не мать; по смерти брата на его жене. На свадьбах пир бывает большой.

Глава LXX

Здесь описываются татарский бог и татарская вера

А вера у них вот какая: есть у них бог, зовут они его Начигай и говорят, что то бог земной; бережет он их сынов и их скот да хлеб.

Почитают его и молятся ему много; у каждого он в доме. Выделывают его из войлока и сукна и держат по своим домам; делают они еще жену того бога и сынов. Жену ставят по его левую сторону, а сынов перед ним; и им также молятся. Во время еды возьмут да помажут жирным куском рот богу, жене и сынам, а сок выливают потом за домовою дверью и говорят, проделав это, что бог со своими поел, и начинают сами есть и пить. Пьют они, знайте, кобылье молоко; пьют его, скажу вам, таким, словно как бы белое вино, и очень оно вкусно, зовется шемиус.

Одежда у них вот какая: богатые одеваются в золотые да в шелковые ткани, обшивают их перьями, мехами – собольими, горностаем, чернобурой лисицей, лисьими. Упряжь у них красивая, дорогая.

Вооружение у них лук, меч и палица; всего больше они пускают в дело лук, потому что ловкие стрелки; а на спине у них панцирь из буйволовой или другой какой кожи, вареной и очень крепкой. Бьются отлично и очень храбро.

Странствуют более других, и вот почему: коль случится надобность, татарин зачастую уйдет на целый месяц без всякой еды; питается кобыльим молоком да той дичью, что сам наловит, а конь пасется на траве, какая найдется, и не нужно ему брать с собою ни ячменя, ни соломы. Государю своему очень послушны, случится надобность, всю ночь простоит на коне вооруженным, а конь пасется завсегда на траве. В труде и лишениях они выносливы более нежели кто-либо, трат у них мало, покорять землю и царства самый способный народ.

Вот какие у них порядки: когда татарский царь идет на войну, берет он с собою сто тысяч верховых и устраивает такой порядок: ставит он старшину над десятью человеками, другого над сотней, иного над тысячью, а иного над десятью тысячами; сносится он только с десятью человеками, а старшина над десятью тысячами сносится также с десятью человеками, кто над тысячью поставлен, также с десятью, кто над сотнею, также с десятью. Так-то, как вы слышали, всякий отвечает своему старшине.

Когда государь ста тысяч пожелает послать куда-нибудь кого-либо, приказывает он старшине над десятью тысячами, чтобы тот

дал ему тысячу, а тот наказывает тысячнику поставить свою часть, тысячник сотнику, сотник приказывает десятнику, чтобы всякий поставил свою часть тому, кто над десятью тысячами; всякий, сколько ему следует дать, столько и дает. Приказу повинуются лучше, нежели где-либо в свете. Сто тысяч, знайте, называются тут, десять тысяч томан, тысяча…, сотня…, десяток…

Когда рать идет за каким-либо делом по равнинам или по горам, за два дня перед тем отряжаются вперед двести человек разведчиков, столько же назад и по стольку же на обе стороны, то есть на все четыре стороны, и делается это с тем, чтобы невзначай кто не напал. Когда отправляются в долгий путь, на войну, сбруи с собой не берут, а возьмут два кожаных меха с молоком для питья да глиняный горшок варить мясо. Везут также маленькую палатку укрываться на случай дождя. Случится надобность, так скачут, скажу вам, дней десять без пищи, не разводя огня, и питаются кровью своих коней; проткнет жилу коня да и пьет кровь. Есть у них еще сухое молоко, густое, как тесто; возят его с собою; положат в воду и мешают до тех пор, пока не распустится, тогда и пьют.

В битвах с врагом берут верх вот как: убегать от врага не стыдятся, убегая, поворачиваются и стреляют. Коней своих приучили, как собак, ворочáть во все стороны. Когда их гонят, на бегу дерутся славно да сильно, так же точно, как бы стояли лицом к лицу с врагом; бежит и назад поворачивается, стреляет метко, бьет и вражьих коней, и людей; а враг думает, что они расстроены и побеждены, и сам проигрывает, оттого что кони у него перестреляны, да и людей изрядно перебито. Татары, как увидят, что перебили и вражьих коней, и людей много, поворачивают назад и бьются славно, храбро, разоряют и побеждают врага. Вот так-то побеждали они во многих битвах и покоряли многие народы.

Такая вот жизнь и такие обычаи, как вам рассказывал, у настоящих татар; ныне, скажу вам, сильно они испортились; в Катае живут, как идолопоклонники, по их обычаям, а свой закон оставили, а левантские татары придерживаются сарацинских обычаев.

Суд творят вот как: кто украдет, хоть бы и немного, – тому за это семь палочных ударов, или семнадцать, или двадцать семь, или тридцать семь, или сорок семь, и так доходят до трехсот семи, увеличивая по десяти, смотря по тому, что украдено. От этих ударов многие помирают. Кто украдет коня или что-либо другое, – тому за это смерть; мечом разрубают его; а кто может дать выкуп, заплатить против украденного в десять раз, того не убивают.

Всякий старшина или у кого много скота метит своим знаком жеребцов и кобыл, верблюдов, быков и коров и всякий крупный скот; с меткой пускает их пастись без всякой стражи в равнины и в горы; если скотина смешается, отдают ее тому, чья метка; овец, баранов, козлов пасут люди. Скот у них крупный, жирный, славный.

Есть у них чудной обычай, забыл о нем записать. Если у двух людей помрут, у одного сын лет четырех или около того, а у другого дочь, они их женят; мертвую девку дают в жены мертвому парню, потом пишут уговор и сжигают его, а когда дым поднимется на воздух, говорят, что уговор понесло на тот свет, к их детям, чтобы те почитали друг друга за мужа и жену. Играют свадьбу, разбросают еду там и сям и говорят, что это детям на тот свет. Делают вот еще что: нарисуют на бумаге на себя похожих людей, коней, ткани, бизанты, сбрую, а потом все это сжигают и говорят – все, что рисовали и сожгли, будет у их детей на том свете. А как кончат все это, почитают себя за родных и родство блюдут так же, как бы их дети были живы.

Рассказал вам, описал ясно татарские обычаи и права, а о великих делах великого хана, великого государя всех татар, и об его великом императорском дворе ничего не говорил. Об этом будет говорено в этой книге в свое время и в своем месте. Много диковинного позаписать.

А теперь вернемся к нашему рассказу, в большую равнину, туда, где были, когда стали говорить о татарских делах.

Глава LXXI

Здесь описывается равнина Бангу [Баргу] и разные обычаи народа

На север от Каракорона [Каракорума] и от Алтая, от того места, где, как я рассказывал, хоронят татарских царей, есть равнина Бангу, тянется она на сорок дней. Народ тамошний дикий и зовется мекри, занимаются скотоводством, много у них оленей; на оленях, скажу вам, они ездят. Нравы их и обычаи те же, что и у татар; они великого хана. Ни хлеба, ни вина у них нет. Летом у них есть дичь, и они охотятся и на зверей, и на птиц; а зимой от великого холода там не живут ни зверь, ни птица.

Через сорок дней – море-океан [Северный Ледовитый океан]; там же горы, где соколы-пилигримы вьют гнезда. Нет там, знайте, ни мужчины, ни женщины, ни зверя, ни птицы, а только одна птица, зовут ее баргкенлак; соколы ею кормятся; она с куропатку, а ножки, как у попугая, хвост, как у ласточки, летает быстро. Когда великому хану понадобятся такие соколы, он посылает за ними туда. В том море острова, где водятся кречеты. Место то, скажу вам по правде, так далеко на север, что северная звезда остается позади, к югу. Птиц этих, что водятся на том острове, скажу вам еще, великое множество; у великого хана их столько, сколько он пожелает, и не думайте, чтобы те, которых приносят из христианских стран к татарам, доставались ему; тех несут в Левант, к Аргуну и к другим левантским князьям.

Рассказал вам все ясно об этой северной стране, что к морю-океану, а теперь поговорим о других областях и вернемся к великому хану. Вернемся к той области, которую уже описывали в нашей книге, и называется она Канпитуи.

Глава LXXII

Здесь описывается великое царство Ергинул [Эргюль?]

От того Канчипу [Ганьчжоу], о котором уже вам рассказывал, едешь пять дней, и много тут духов, по ночам они зачастую разговаривают; а через пять дней на восток царство Ергинул великого хана; входит оно в Тангутскую большую область, где много царств. Живут тут христиане-несториане, идолопоклонники, есть и такие, что Мухаммеду молятся. Довольно тут городов, а главный город Ергигул; от него на юго-восток есть дорога в Катай, и по той дороге на юго-восток есть город Фингуи; городов, поселений тут много, страна Тангутская и великого хана. Народ – идолопоклонники, мусульмане и христиане.

Есть тут дикие быки со слона, на вид очень красивые. Шерсть у них повсюду, только не на спине; бывают черные и белые, а шерсть у них длинная, пяди в три. Любо смотреть, так они хороши! Есть и ручные; ловят диких и пускают их на племя, и наплодилось их много; на них и вьюки возят, и пашут, они и сильны, и работают вдвое.

Самый лучший и самый тонкий в свете мускус водится здесь. Добывают его вот как: есть тут зверек с газель и на вид такой: шерсть у него толстая, как у оленя, а ноги, как у газели; рогов нет, хвост, как у газели; четыре у него клыка, два внизу, два вверху, тонкие и пальца три в длину, два торчат кверху, а два вниз. Красивый зверек. Мускус же добывается вот как: поймают зверька, а у него посреди живота, у пупка, между кожей и мясом кровяной нарыв; его-то и вырезывают вместе с кожей, а кровь выпускают, кровь та и есть мускус, что так сильно пахнет; его тут много; как я говорил, он отличный.

Народ здешний торговый; занимаются ремеслами, много у них хлеба. Страна эта большая, тянется дней на двадцать.

Есть тут еще фазаны вдвое больше наших, с павлина или немного поменьше; хвост у них длинный, пядей в десять, а у иных в девять, в восемь, в семь и поменьше, есть фазаны и с наши, и с виду такие же. Есть и другие разные птицы, разноцветные и с красивыми перьями.

Народ поклоняется идолам; люди толсты, курносы, волосы черны; без бород и без усов. У женщин волосы только на голове, а в других местах волос нет; они статны. Народ, знайте, сладострастный; жен берет много; по их закону и обычаям это не воспрещено; жен можно иметь столько, сколько сможешь

содержать; и, скажу вам, красивую девку, хоть бы и низкого роду, возьмет за красоту и князь, и большой человек в жены, а матери, смотря по уговору, дает большие деньги.

Пойдем отсюда и расскажем о другой области на восток.

Глава LXXIII

Здесь описывается область Егрегайа [Иргай]

От Ергинула на восток, через восемь дней, область Егрегайа. Городов и замков тут довольно; и эта область Тангутская; главный город Калачиан. Жители – идолопоклонники; есть там три христианских церкви несториан; и они подданные великого хана. В том городе ткут лучшее в свете сукно из верблюжьей шерсти; прекрасное сукно; ткут его также из белой шерсти; белого сукна, красивого, добротного, выделывают много и развозят его отсюда по Катаю [Китаю] и по другим странам света.

Пойдем отсюда на восток, в Тендук, в земли попа Ивана.

Глава LXXIV

Здесь описывается большая область Сендук

Сендук [Тендук] – область на восток; много там городов и замков; принадлежит она великому хану, потому что потомки попа Ивана его подданные. Главный город называется Тендук. Царь здесь из роду попа Ивана, и сам он поп Иван, а зовется Георгием; страной правит от имени великого хана, но не всею, что была у попа Ивана, а только одной частью. Великие ханы, скажу вам, всегда выдавали своих дочерей и родственниц за царей из рода попа Ивана.

Водятся тут камни, из которых лазурь добывается [ляпис-лазурь]; много их тут, и они отличные. Есть тут прекрасное сукно из верблюжьей шерсти. Народ занимается скотоводством и земледелием; кое-кто торгует и ремеслами занимается. Тут, как я уже говорил, властвуют христиане, но и идолопоклонников довольно, есть и мусульмане.

Есть здесь народ, называется аргон, что по-французски значит Guasmul; происходит он от двух родов, от рода аргон тендук и от тех тендуков, что Мухаммеду молятся, из себя красивее других жителей и поумнее, торговлею занимается побольше. Здесь главным образом пребывал поп Иван, когда властвовал над татарами и владел этими областями и соседними царствами; потомки его жили тут же и тот Жор [Георгий], кого я уже называл; и он из роду попа Ивана, шестой государь после попа Ивана. Место это то самое, что у нас зовется страною Гог и Магог, а здесь Ун и Могул; в каждой области свой народ, в стране Ун живет Гог, а в Могуле – татары.

На восток отсюда, к Катаю, семь дней едешь по городам и замкам; живут тут мусульмане, идолопоклонники, а также христиане-несториане. Народ торговый, занимается ремеслами, ткут тут золотые сукна нашизи и нак и разные шелковые ткани; как у нас есть разные шерстяные ткани, так и у них разные золоченые сукна и шелковые ткани. Народ подвластен великому хану.

Есть тут город Синдакуи, занимаются там всякими ремеслами, изготовляется сбруя для войска.

В горах той области есть место Идифу, где отличные серебряные копи, и много там добывается серебра. Всякой охоты, и на зверя, и на птиц, тут вдоволь.

Оставим и эту область, и эти города и пойдем вперед, через три дня найдем там город Чиаганнор. Тут большой дворец

великого хана. В том городе и в том дворце великий хан любит жить: много здесь озер и рек, и много судов по ним плавают; есть здесь прекрасная равнина, где много журавлей, фазанов, куропаток и всяких других птиц. И вот оттого, что много тут птиц, великий хан любит здесь жить; живет он там в свое удовольствие; охотится с соколами да кречетами, ловит много птиц, пирует и веселится.

Журавли тут пяти родов: есть черные, как вороны, очень большие; иные белые с прекрасными крыльями; под перьями круглые глаза, как у павлинов, золотые и очень блестят; головка у них красная, а кругом белая и черная; эти журавли самые большие. Третий вид – как наш, четвертый – маленький; у ушей длинные красивые перья, красные и черные. Пятый вид совсем черный; голова красная и черная, очень красивая; эти очень велики.

Подле этого города есть долина, где великий хан настроил много домиков; многое множество каторов, по-нашему больших куропаток, содержит он там.

Смотреть за ними он приставил много людей. Диву даешься, глядя на птиц, столько их тут. Когда великий хан приезжает сюда, сколько ни понадобилось бы ему птиц, столько их есть.

Пойдем отсюда на северо-восток и север, за три дня.

Глава LXXV

Здесь описывается город Чианду [Шанду] и чудный дворец великого хана

От того города, что я вам называл выше, через три дня приходишь к городу Чианду. Его выстроил великий хан Кублай [Хубилай], что теперь царствует. В том городе приказал он выстроить из камня и мрамора большой дворец. Залы и покои золоченые; чудесные, и прекрасно вызолочены; а вокруг дворца на шестнадцать миль стена, и много тут фонтанов, рек и лугов; великий хан держит тут всяких зверей: оленей, ланей и антилоп; ими он кормит своих соколов в клетках. Раз в неделю сам ходит их смотреть. В эту равнину, что обнесена стеной, великий хан ездит часто на коне, с собою везет леопарда и выпускает его на оленя, лань или на антилопу, а что поймает, то соколам в клетках. Развлекается он так в свое удовольствие.

В той равнине за стеной великий хан, знайте, выстроил большой дворец из бамбука; внутри он вызолочен и расписан зверями и птицами тонкой работы. Крыша тоже из бамбука, да такая крепкая и плотная, никакой дождь ее не попортит. Строился дворец из бамбука вот как: бамбуки эти, знайте по правде, толщиной в три пяди, а в длину от десяти до пятнадцати шагов. Разрезают их по узлам, а как разрежут, куски такие толстые и большие, и крышу крыть, и на все поделки они годятся. Дворец тот, как я выше говорил, весь бамбуковый; великий хан построил его так, чтобы можно его по желанию переносить; более двухсот шелковых веревок поддерживали его. Великий хан живет здесь три месяца: июнь, июль и август; живет он в это время потому, что здесь не жарко, а очень приятно; в эти месяцы бамбуковый дворец великого хана собран, а в остальные он разобран. Построен он так, что можно по желанию и разобрать, и собрать.

Двадцать осьмого августа, всегда в этот день, великий хан уезжает из того города и из того дворца, и вот почему: есть у него порода белых коней и белых кобыл, белых, как снег, без всяких пятен, и многое их множество, более десяти тысяч кобыл. Молоко этих кобыл никто не смеет пить, только те, кто императорского роду, то есть роду великого хана; то молоко могут пить еще гориаты; был им такой почет от Чингисхана за то, что раз помогли ему победить. А когда белые кони проходят, кланяются [им] как бы большому господину, дороги им не пересекают, а ждут, чтобы они прошли, или забегают вперед. Сказали великому

хану звездочеты и идолопоклонники, что должен он каждый год 28 августа разливать то молоко по земле и по воздуху – духам пить, и духи станут охранять его добро, мужчин и женщин, зверей и птиц, хлеб и все другое.

Поэтому-то выезжает великий хан из этого города и едет туда.

Чуть не забыл рассказать вам о чуде: когда великий хан живет в своем дворце и пойдет дождь, или туман падет, или погода испортится, мудрые его звездочеты и знахари колдовством да заговорами разгоняют тучи и дурную погоду около дворца; повсюду дурная погода, а у дворца ее нет. Знахари эти зовутся тибетцами и кашмирцами; то два народа идолопоклонников; заговоров и дьявольского колдовства знают они больше, нежели кто-либо; все их дела – дьявольское колдовство, а народ уверяют, что творят то с Божьей помощью и по своей святости. Есть у них вот такой обычай: кого присудят к смерти и по воле государя казнят, берут они то тело, варят его и едят, а кто умрет своей смертью, того никогда не едят. Бакши эти, о которых вам рассказывал, по правде, знают множество заговоров и творят вот какие великие чудеса: сидит великий хан в своем главном покое за столом; стол тот повыше осьми локтей, а чаши расставлены в покое по полу, шагах в десяти от стола; разливают по ним вино, молоко и другие хорошие напитки. По наговорам да по колдовству этих ловких знахарей-бакши полные чаши сами собою поднимаются с полу, где они стояли, и несутся к великому хану, и никто к тем чашам не притрагивался. Десять тысяч людей видели это; истинная то правда, без всякой лжи. В некромантии сведущие скажут вам, что дело то возможное.

Когда настают идольские празднества, бакши те, скажу вам, идут к великому хану и говорят: «Государь, наступает праздник такого-то нашего идола» – и какого захотят, того идола и назовут, а потом говорят: «Известно тебе, доброму государю, что такой-то идол, коль ему даров не давать и жертв не приносить, может и дурную погоду ниспослать и добру вашему, скоту и хлебу, вред учинить; а потому и просим мы у тебя, добрый государь, прикажи нам дать столько-то овец с черными головами, столько-то ладану, столько-то алоэ, столько-то того и другого, станем мы чествовать нашего идола, принесем ему большую жертву, а он побережет и нас, и наш скот, и наш хлеб». И говорят то же бакши князьям, у кого сила и кто около великого хана, а те великому хану; так-то они и получают все, что просят на праздник своего идола. А как получат бакши все, что просили, устраивают великий пир с великим пением в честь своего идола; жгут курения из всех самых лучших пряностей, нажарят мяса и ставят его перед идолами,

повсюду разливают сок: пусть, говорят, идолы съедают сколько захотят. Такой-то почет оказывают они в праздничные дни своим идолам; у всякого идола, знайте по правде, словно как у нас, – свои именины.

Монастыри и аббатства у них большие: есть здесь, скажу вам, большой монастырь с маленький город, там более двух тысяч ихних монахов; одеваются монахи благороднее прочего народа. Голову и бороду бреют. Идолам своим устраивают большие празднества с великим пением и с великим, никогда не виданным освещением. Между бакши есть такие, которым разрешено жен брать, они это и делают, женятся, и детей у них много.

Есть и другие еще духовные, зовут их сенси, люди по-своему очень воздержанные; живут они вот как: всю жизнь едят одни отруби: возьмут отрубей, положат их в воду, подержат там да так и едят. Постятся они много раз в году, а кроме отрубей, как я сказал, ничего не едят. Много у них больших идолов, а иной раз огню поклоняются. А другие бакши о тех, кто так воздержан, говорят, что они еретики, потому-де что идолам молятся не так, как они. Есть между теми и другими большая разница: одни ни за что в мире не женятся. Голову и бороду бреют; одеваются в бумажные материи, белые и черные, или в шелковые тех же цветов, как сказано. Спят на циновках – переносных кроватях. Их жизнь самая суровая в свете. Их идолы женского пола, то есть у всех имена женские.

Оставим это и расскажем о великих делах и диковинах величайшего государя всех татарских князей, доблестного великого хана Кублая.

Книга II

Глава LXXVI

Здесь описываются дела ныне царствующего великого хана Кублая [Хубилая], его двор, справедливое правление и говорится о других его делах

Начну повесть о всех великих делах и великих диковинах ныне царствующего великого хана Кублая, по-нашему «великого государя». И воистину он зовется так; да знает всякий, от времен Адама, нашего предка, и доныне не было более могущественного человека, и ни у кого в свете не было стольких подвластных народов, столько земель и таких богатств. Ясно расскажу вам в этой книге, что все это правда, и всякий признает, что не было в свете прежде и нет теперь более могущественного государя, и вот почему.

Глава LXXVII

Здесь описывается большая битва между великим ханом и его дядей Нояном [Ная]

Происходит он, знайте, по прямой царской линии от Чингисхана, и только тот, кто происходит по прямой линии от Чингисхана, может быть государем всех татар. Кублай-хан [Хубилай] шестой великий хан, это значит, шестой великий государь всех татар. Получил он государство в 1256 г. по Р. Х.; в этом году начал царствовать; за храбрость да за удаль, да за ум большой получил он государство; родня и братья спорили с ним из-за этого. За удаль он получил государство, и по справедливости оно ему досталось. С его воцарения до настоящего года, 1298-го, прошло сорок два года. Лет ему теперь восемьдесят пять. До своего воцарения воевал он много раз, был храбр и начальствовал отлично; а как воцарился, воевал всего раз в 1286 г., и вот почему.

Был у Кублай-хана дядя Наян; был он молод и многими землями да областями владел; до четырехсот тысяч всадников мог выставить. Предки его, да и он сам, исстари подчинялись великому хану; но был он, как я сказал, молод, лет тридцати, и вздумал о себе, что [он] великий царь, четыреста тысяч всадников может выставить в поле, и решил не подчиняться великому хану, а буде возможно, так и государство у него отнять. Отрядил Наян посланцев к Кайду; то был также великий, сильный царь, великому хану приходился племянником, да бунтовал против него и замышлял недоброе; наказывал ему Наян, чтобы шел он на великого хана с одной стороны, а Наян пойдет с другой отнимать земли и государство; отвечал Кайду, что согласен, к назначенному сроку приготовится и пойдет со своим народом на великого хана. Сделать это, знайте, он мог, мог сто тысяч конных выставить в поле.

Что же вам еще сказать? Стали два князя, Наян и Кайду [Хайду], готовиться к походу на великого хана, набирали многое множество пеших и конных.

Глава LXXVIII

Как великий хан пошел на Наяна [Нал]

А великий хан узнал об этом и не изумился нисколько, а стал, как умный и храбрый человек, готовить свою рать и говорил, что если не казнит этих двух предателей и изменников, так не захочет венца носить и страной править. Приготовился великий хан дней в десять-двенадцать, да так тайно, никто, кроме его совета, и не знал об этом. Набрал он триста шестьдесят тысяч конных да сто тысяч пеших. Собрались тут только близкие войска, оттого и было их так мало; было у него многое множество и других, да воевали они далеко, покоряли страны в разных частях света, и не мог он созвать их вовремя в нужное место. Собери он все свои силы, было бы всадников такое множество, о каком и не слыхано, да и поверить трудно; а те триста шестьдесят тысяч человек, что он собрал, были его сокольничие и ближние люди.

Собрал великий хан эту малость людей и спросил потом звездочетов, победит ли своих врагов и все ли для него кончится подобру; а те отвечали, что расправится он с врагами по своему желанию.

Пошел великий хан со своей ратью в поход и дней через двадцать пришел на равнину, где был Наян со своим войском; четыреста тысяч конных было у него. Ранним утром подошел великий хан, а враг ничего не знал; захватил великий хан все дороги, ловили там всех прохожих, оттого-то враг и не ждал его прихода. Пришли они, а Наян, скажу вам, лежит с женою в шатре да наслаждается, очень он ее любил.

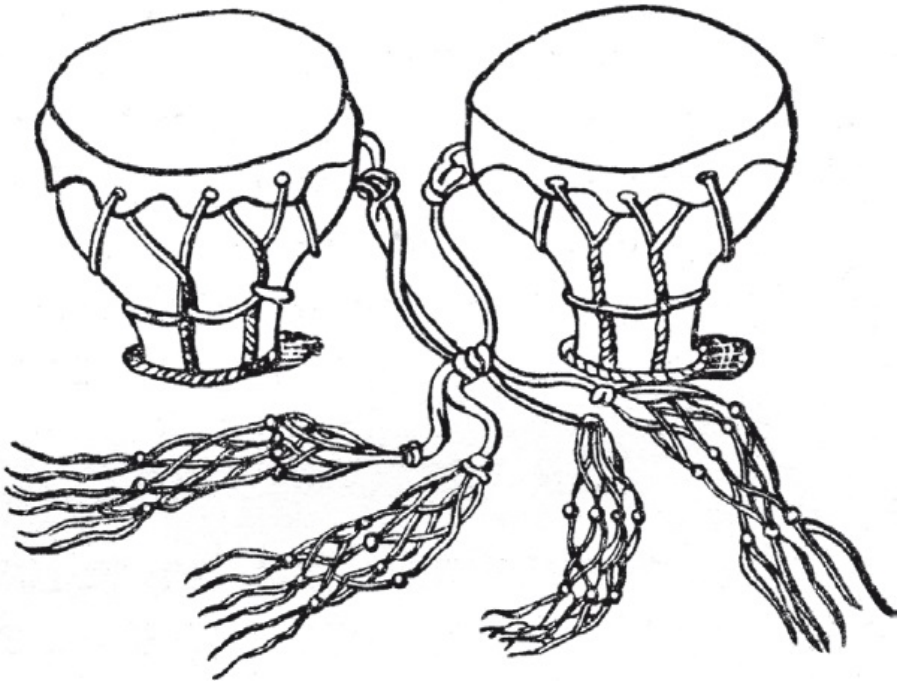
Глава LXXIX

Здесь начинается о битве великого хана с Наяном [Ная], его дядей

Что же вам сказать? Занялась заря, и великий хан показался на холме, у той равнины, а Наян в своем шатре спокоен и уверен, что некому напасть на него; потому что был спокоен, не велел он и стана сторожить, и не было стражи ни впереди, ни назади. Великий хан, как я сказал, стал на возвышении, в теремце на четырех слонах; высоко поднялось его знамя, отовсюду было видно, а войска были расставлены отрядами по тридцати тысяч и в один миг окружили стан; за каждым конным был пеший с копьем. Вот так-то, как вы слышали, окружил великий хан своими войсками стан Наяна и напал на него.

Увидел Наян со своими воинами, что вокруг стана рать великого хана, и перепугались все; бегут к оружию; скоро-наскоро вооружаются и толком, по порядку расставляют отряды. Снарядились обе стороны, и оставалось только схватиться; заслышались тут многие инструменты, многие трубы и громкое пение. У татар вот такой обычай: когда их приведут и расставят биться, пока не прозвучит накар начальника, они не начинают брани и все то время играют на инструментах и поют; вот поэтому-то обе стороны так много играли и пели.

Изготовились обе стороны, и забил большой накар великого хана; как забил он, тут уже не мешкают, друг на друга бегут с луками, мечами, палицами, копьями, а пешие с самострелами и другими вооружениями.



Накары (с китайского оригинала)

Что же вам сказать? Начался жесточайший и свирепый бой. Стрелами, как дождем, воздух переполнился. Мертвые всадники и кони падали на землю. За криком великим и бранью и грома было не расслышать.

Наян, знайте, был крещеный христианин, и в ту же битву Христов крест был на его знамени. Без лишних слов, по правде сказать, такой жестокой и страшной битвы и не бывало; в наши дни столько народу, особенно конных, и не видано в стане и в битве. Сколько народу погибло с той и другой стороны, так это просто диво! С утра до полдня длилась схватка, а под конец великий хан одолел.

Увидел Наян со своими, что им не выдержать, и побежал, да проку-то им не было в том; Наяна взяли в полон, а князья его и люди с оружием в руках сдались великому хану.

Глава LXXX

Как великий хан велел убить Наяна [Ная]

Узнал великий хан, что Наян взят в плен, и приказал его умертвить. Убили его вот как: завернули в ковер да так плотно свили, что он и умер. Умертвили его так, потому что не хотели проливать на землю крови царского роду на виду у солнца и неба.

После этой победы весь народ Наяна и все его князья покорились великому хану; были они из четырех стран, и вот из каких: из страны Чиорчиа, во-первых, из Занли [Корея], во-вторых, из Барскола [Баркуль], в-третьих, из Сишинтинги [?], в-четвертых. А после того как великий хан отличился и победил, тамошние люди сарацины, идолопоклонники, жиды и многие другие, что в Бога не веруют, насмехались над крестом, что был у Наяна на знамени, и тамошним христианам говорили: «Вот посмотрите, как крест вашего Бога помог Наяну-христианину!» Дошло до великого хана, что они радуются и насмехаются, и бранил их великий хан, а христиан тамошних позвал к себе, стал утешать и говорил:

«По справедливости крест вашего Бога не помог Наяну; крест благ и творит только доброе и справедливое; Наян был изменник и предатель, пошел против своего государя, и то, что случилось, справедливо, и крест вашего Бога сотворил благое, не помог неправому делу. Крест благ и творит только благое».

Отвечали христиане великому хану: «Великий государь, истину ты говоришь; ни зла, ни беззакония крест не похочет делать; а Наян был предатель и изменник своего государя, и было ему по делам его».

Такие были речи между великим ханом и христианами о кресте на знамени Наяна.

Глава LXXXI

Как великий хан вернулся в город Канбалу [Ханбалык]

После этой победы великий хан вернулся в свой главный город Канбалук. Было там большое веселье и великие пиры. А другой царь Кайду [Хайду], как услышал, что Наян [Ная] разбит и казнен, не пошел воевать, побоялся, чтобы и с ним не случилось того же.

В этот раз великий хан, как вы слышали, ходил сам на войну, в других случаях посылает он на войну своих сыновей и князей, а в этот раз сам захотел идти на войну: нехорошим и важным делом показалась ему эта наглость Наяна.

Оставим это и вернемся к великим делам великого хана.

Рассказывали об его роде и об его летах, а теперь скажем, как он наградил тех, кто на войне отличился, и наказал подлых трусов. Сотников, кто отличился, он сделал тысячниками, одарил их серебряной посудой, роздал им господские дщицы [пайцзы]. У сотника дщица серебряная, а у тысячника золотая или серебряная вызолоченная, а у того, кто над десятью тысячами поставлен, она золотая с львиною головой, а вес у них вот какой: у сотников и тысячников они весят сто двадцать saies, а та, что с львиною головой, весит двести двадцать; на всех них написан приказ: «По воле великого бога и по великой его милости к нашему государю, да будет благословенно имя хана, и да помрут и исчезнут все ослушники». На дщице, скажу вам, еще написаны права того, кому она дана, что он может делать в своих владениях.

Добавлю еще к этому: у того, кто поставлен над ста тысячами или начальствует главным, большим войском, дщица золотая и весит четыреста saies; написано на ней то же, что я сказал; внизу нарисован лев, а наверху изображены солнце и луна; даны им права на великую власть и на важные дела; а когда тот, у кого эта важная дщица, едет, то над головой у него всегда теремец, и значит это, что важный он господин, а сидит он всегда на серебряном стуле. А некоторым великий хан дает дщицу с кречетом, дает ее только большим князьям, чтоб была у них та же власть, как и у него; они приказы отдают, а когда гонцов посылают, то, коль пожелают, лошадей забирают у царей; говорю – у царей, потому что у всех других людей могут также забирать лошадей.

Оставим это и расскажем, каков великий хан с виду и какого он росту.

Глава LXXXII

Здесь описывается, каков великий хан с виду

Великий государь царей Кублай-хан [Хубилай-каан] с виду вот каков: росту хорошего, не мал и не велик, среднего роста; толст в меру и сложен хорошо; лицом бел и, как роза, румян; глаза черные, славные, и нос хорош, как следует. Законных жен у него четыре, и старший сын от них станет по смерти великого хана царствовать в империи; называются они императрицами и каждая по-своему; у каждой свой двор, и у каждой по триста красивых славных девок. Слуг у них много, евнухов и всяких других, и служанок; у каждой жены при дворе до десяти тысяч человек.

Всякий раз, как великий хан пожелает спать с какою женой, призывает ее в свой покой, а иной раз сам идет к ней.

Есть у него и другие подруги, и скажу вам что: нужно знать, что есть татарский род миграк; народ красивый; выбирают там самых красивых в роде сто девок и приводят их к великому хану; великий хан приказывает дворцовым женщинам смотреть за ними, а девкам спать с теми вместе на одних постелях, для того чтобы разведать, хорошо ли у девок дыхание, девственны ли они и совсем ли здоровы. После этого начинают они прислуживать великому хану вот каким образом: три дня и три ночи по шести девок прислуживают великому хану и в покое, и в постели; всякую службу исправляют, а великий хан все, что пожелает, то делает с ними. Через трое суток приходят другие шесть девок, и так во весь год, через каждые три дня и три ночи меняются шесть девок.

Глава LXXXIII

Здесь описываются сыновья великого хана

У великого хана от четырех жен, знайте, двадцать два сына. Старшего в память доброго Чингисхана назвали Чиншином; ему бы владеть всею империей и быть великим ханом, но он умер; от него остался сын Темур; этот Темур и будет великим ханом и государем, потому что сын старшего сына великого хана. Темур, скажу вам, и умен, и честен, а в битвах много раз отличался. У великого хана, знайте, еще двадцать пять сынов от подруг; и они храбрые воины, и каждый – великий князь.

Семеро из сынов от четырех жен царят в больших областях и царствах и хорошо правят, потому что и умны, и честны, да и понятно: отец их, великий хан, умнейший человек, проницательный, лучшего царя и нет, храбрее его не бывало у татар.

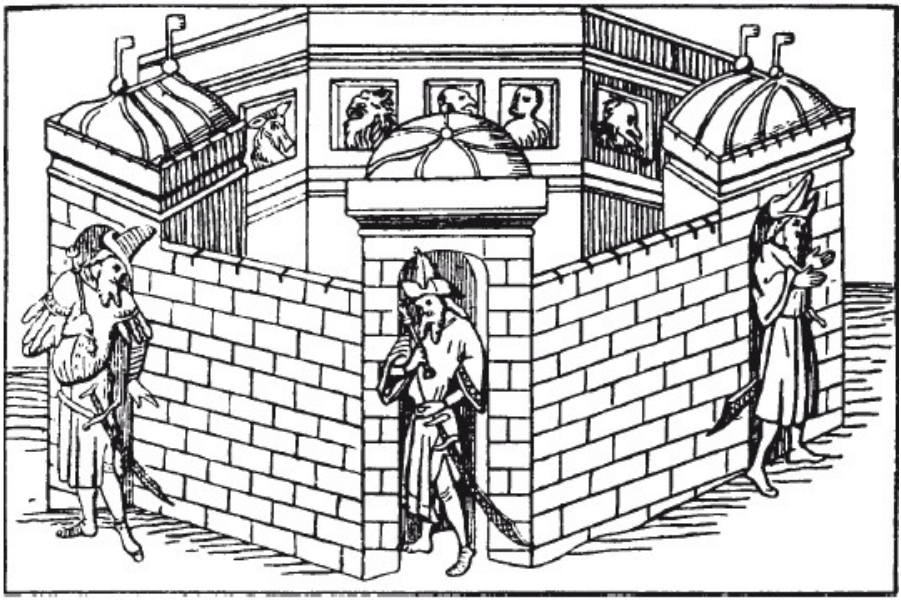
Описал вам великого хана и его сыновей, расскажу теперь о его дворе и обычаях.

Глава LXXXIV

Здесь описывается дворец великого хана

Три месяца в году, декабрь, январь и февраль, великий хан живет в главном городе Катая Кабалут; там его большой дворец, и вот он каков: прежде всего квадратная стена; каждая сторона миля в длину, а в округе, значит, четыре мили; стена толстая, в вышину добрых десять шагов, белая и кругом зубчатая; в каждом углу по красивому богатому дворцу; в них хранится сбруя великого хана, луки, колчаны, седла, конские узды, тетивы – все, что нужно на войне; есть еще по дворцу у каждой стены, такие же, как угловые; всего по стенам восемь дворцов, и во всех сбруя великого хана; в каждом, знайте, одно что-нибудь: в одном луки и ничего иного, в другом только одни седла, и так в каждом одно что-нибудь. В стене на юг пять ворот; посередине большие, открываются только, когда великий хан выезжает или въезжает; после них с двух сторон по воротам; ими входят все прочие люди; а по углам есть еще по большим воротам, ими входит всякий.

За стеной этой есть другая, в поперечнике поменьше, нежели в длину; и тут восемь дворцов, таких же, как и первые, и в них также хранится сбруя великого хана. На юг в этой стене, как и в первой, пять ворот; и по углам ворота, так же, как и там; посередине дворец великого хана, выстроен он вот как: такого большого нигде не видано; второго этажа нет, а фундамент над землей десять пядей; крыша превысокая. Стены в больших и в малых покоях покрыты золотом и серебром, и разрисованы по ним драконы и звери, птицы, кони и всякого рода звери, и так-то стены покрыты, что, кроме золота и живописи, ничего не видно. Зала такая просторная, более шести тысяч человек может там быть.



Дворец в Ханбалыке (французская миниатюра XIV в.)

Диву даешься, сколько там покоев, просторных и прекрасно устроенных, и никому в свете не выстроить и не устроить покоев лучше этих. А крыша красная, зеленая, голубая, желтая, всех цветов, тонко да искусно вылощена, блестит, как кристальная, и светится издали, кругом дворца. Крыша эта, знайте, крепкая, выстроена прочно, простоит многие годы.

Между первой и второй стеной – луга и прекрасные дерева, и всякого рода звери; есть тут и белые олени, и зверьки с мускусом, антилопы и лани и всякие другие красивые звери, и за стенами только по дорогам, где люди ходят, их нет, а в других местах и там много красивых зверей.

В северо-западном углу большое озеро и много там разных рыб. Великий хан велел напустить туда рыб, и всякий раз, когда захочется ему рыбы, сколько нужно, там и есть. Берет там начало и вытекает из озера, скажу вам, большая река, рыбе выход железными и стальными сетями загорожен.

От дворца на север, скажу вам, на один выстрел из лука великий хан приказал устроить холм. Холм в вышину сто шагов, а в округе тысячу; весь он покрыт деревами; они всегда в зелени, никогда не бывают без листьев. Когда кто великому хану расскажет о каком-нибудь красивом дереве, он приказывает вырыть то дерево с корнями и с землей и на слонах привезти к тому холму; как бы велико ни было дерево, его привозят, и самые красивые в свете дерева тут.

Холм этот великий хан приказал покрыть лазуриком

зеленым; и дерева тут зеленые, и гора зеленая, и все зеленое, и зовется возвышенность Зеленым холмом. На вершине, посредине – дворец, большой, красивый и весь зеленый. Так это все: и гора, и деревья, и дворец – с виду прекрасно, смотришь, и сердце веселится. Оттого-то и устроил все это великий хан, чтобы было на что порадоваться.

Глава LXXXV [A]

Здесь описывается дворец сына и наследника великого хана

Возле своего дворца великий хан приказал выстроить другой, совсем похожий на него, для сына, когда он будет царствовать и властвовать; поэтому-то второй дворец выстроен совершенно таким же, как и первый; такой же он большой, и столько же кругом стен, как и кругом дворца великого хана. А сын Чиншин [Чимким], кого я называл прежде, должен быть царем; живет он по тем же обычаям и делает те же дела, что и великий хан, потому что, как только великий хан помрет, его выберут в цари; у него и печать императорская, но не совсем такая же, как у великого хана, пока тот жив.

Рассказал вам о дворцах и описал их, теперь расскажу о великом граде Катая, где эти дворцы; расскажу, зачем он был выстроен и как тут стоял большой и знатный старый город; назывался он Ганбалу [Хан-балык], а по-нашему царский город.

Узнал великий хан через звездочетов, что поднимется этот город и станет бунтовать против него, и велел он выстроить поблизости к нему другой город; между двумя городами была только река; из старого города великий хан выселил жителей в новый и назвал его Тайду.

А величиной этот город вот какой: он квадратный, в округе двадцать четыре мили; все четыре стороны равны; обнесен он земляным валом, в вышину шагов двадцать, а в толщину внизу шагов десять; наверху стена не так толста, как внизу; чем выше, тем тоньше, на самом верху шага три в ширину. Стена зубчатая, белая; в ней двенадцать ворот, и у каждых ворот по большому и красивому дворцу; на каждой стороне по трое ворот и по пяти дворцов, потому что тут в каждом углу еще по дворцу. В дворцах большие покои, куда складывается оружие городской стражи.

Улицы в городе, скажу вам, широкие, прямые, из конца в конец все видно, из одних ворот в другие. Много там прекрасных дворцов, отличных гостиниц, и много славных домов. Посреди города большой дворец с великим колоколом; звонит тот колокол ночью, чтобы никто не смел ходить по городу после третьего боя; пробьет колокол по указанному три раза, никто и не смеет ходить по городу, разве только те, кто к роженицам да к больным идут, да и те идут с фонарями. Каждые ворота, скажу вам, указано сторожить тысяче людей, не потому чтобы народа боялись, а ради почета великому хану, когда он там живет, да чтобы воры не бесчинствовали в городе.

Рассказал вам о городе, теперь расскажу, какой у великого хана двор, и о всех других делах.

Глава LXXXV [Б]

О предательском замысле возмутить город Камбалу [Ханбалык] и о том, как зачинщики были пойманы и казнены

Ниже будет говорено, что назначаются там двенадцать человек и могут они по своему усмотрению распоряжаться землями, управлением и другим всем. Между ними был некий сарацин по имени Ахмах [Ахмед], муж мудрый и способный. Был он у великого хана в силе; любил его великий хан и позволял ему все. Открылось после его смерти, что околдовал Ахмах великого хана, так что тот верил всякому его слову, слушался его и делал по его желанию. Он распоряжался всем управлением и назначениями, наказывал преступников; всякий раз, когда он желал погубить, по делам или несправедливо, ненавистного ему, шел он к великому хану и говорил ему:

«Такой-то заслуживает казни, оскорбил он ваше величество так-то».

Великий хан говорил ему: «Делай как знаешь», – а он тотчас же казнил его.

Народ, видя его полномочия, а также доверие великого хана к его словам, не осмеливался противоречить ему ни в чем. Не было такого сильного и могущественного человека, кто не боялся бы его. Обвиненный им в государственном преступлении при всем желании оправдаться не мог этого сделать, не находя ни в ком поддержки, так как никто не осмеливался противоречить Ахмаху; и таким-то образом многих погубил он несправедливо.

Кроме того, не было красивой женщины, которой, если только она ему понравилась, он не овладел бы; незамужнюю он брал в жены, а то иначе принуждал отдаваться его желаниям. Как прослышит он, что у такого-то красивая дочка, были у него его сводники, шли они к отцу девушки и говорили ему: «Что скажешь? Вот у тебя дочь, отдай ее замуж за баило, т. е. за Ахмаха (называли его баило, по-нашему наместник), а мы устроим, что даст он тебе такое-то управление или такое-то назначение на три года».

Таким-то образом тот человек отдавал ему свою дочь. Шел тогда Ахмах к великому хану и говорил ему: «Такая-то должность свободна, или будет свободна тогда-то, такого-то можно бы назначить», – а великий хан отвечал: «Делай как знаешь», – и тотчас же назначался на ту должность тот человек. Из-за честолюбия или же из-за страха все красивые женщины или делались его женами, или же подчинялись его желаниям.

Было у него около двадцати сынов; занимали они высокие должности; некоторые из них под прикрытием отцовского имени были прелюбодеями, подобно отцу, и другие злодейства совершали.

Этот Ахмах скопил большое богатство: всякий, кто добивался какой-либо должности, приносил ему большой подарок.

Властвовал он так-то двадцать два года. Наконец туземцы, то есть катайцы [китайцы], видя безмерную несправедливость и гнусные злодеяния, содеянные женам их и им самим, не могли больше стерпеть, порешили убить его и восстать против правительства.

Между ними был некий катаец по имени Ченху [Чжаньи?]; он командовал тысячью человек. Сказанный Ахмах изнасиловал его мать, дочь и жену. Разгневанный против него Ченху сговорился об его истреблении с другим катайцем по имени Ванху; последний командовал десятью тысячами человек. Сговорились привести свое намерение в исполнение в то время, когда великий хан, проведя три месяца в Камбалу, отправлялся оттуда в город Ксанду, где пребывал также три месяца. Сын великого хана Чингис [Чимким] уезжал также в свое обычное местопребывание. В городе для охраны оставался Ахмах; когда случалась надобность, он посылал доклад хану в Ксанду [Шанду], а тот отдавал оттуда приказания.

Ванху [Ванчжу] и Ченху сговорились, сообщили свое решение знатным катайцам, с общего согласия передали то решение в другие города своим друзьям, и положено было в назначенный день по данному огнем знаку перебить всех бородатых, подать такой же знак другим городам и там то же сделать.

А перебить бородатых хотели потому, что катайцы по природе без бород, татары же, сарацины и христиане носят бороды.

Нужно знать, что все катайцы не любят управления великого хана, потому что поставил он над ними татар и всего чаще сарацин; а этого катайцы не выносили, так как обходились с ними, как с рабами. Великий хан овладел Катаем не по праву, а силой и не доверял катайцам, а отдал страну в управление татарам, сарацинам и христианам, людям из его рода, верным и не туземцам.

Упомянутые Ванху и Ченху в условленное время взошли ночью во дворец. Ванху сел и приказал осветить. Послал он потом к Ахмаху-баило, жившему в старом городе, гонца, как бы от Чингиса [Чимкима], сына великого хана, будто бы приехавшего в эту ночь и звавшего Ахмаха к себе. Изумленный Ахмах поспешил во дворец, потому сильно боялся Чингиса. В воротах города он

повстречал татарина по имени Когатай, начальника над двенадцатью тысячами солдат, постоянно сторожевших город.

Когатай [Турхан] спросил Ахмаха, куда он идет так поздно.

«К Чингису, только что приехавшему», – ответил тот.

«Как мог он приехать незамеченно и без моего ведома!», – сказал Когатай и пошел за Ахмахом с несколькими солдатами. Катайцы думали, лишь бы справиться с Ахмахом, а остального нечего бояться. Как только Ахмах вошел во дворец, видя великое освещение, он преклонил колена перед Ванху, принимая его за Чингиса, а Ченху, бывший тут же с мечом наготове, отрубил ему голову.

«Предательство!» – закричал при виде этого Когатай, стоявший у входа во дворец, тотчас пустил стрелу в Ванху и убил его на месте; затем позвал своих и пленил Ченху; по городу он объявил, что всякий, кого найдут вне дома, будет убит.

Катайцы, видя, что татары открыли заговор, а у них нет заправил, один убит, а другой взят в плен, остались по домам и не могли дать знак другим городам, чтобы они возмутились, как было условлено. Когатай тотчас же послал гонцов к великому хану с извещением обо всем случившемся. Великий хан приказал ему тщательно расследовать и наказать сообразно с виною. Наутро Когатай допросил всех катайцев и казнил главных зачинщиков заговора. То же было сделано в других городах, когда их участие в заговоре было узнано.

Великий хан, вернувшись в Камбалу, пожелал знать причину этого происшествия и нашел, что сей проклятый Ахмах с сыновьями, как это было выше рассказано, натворил много зла и безобразий; было дознано, что он и семь его сынов (не все его сыновья были злые) захватили множество жен, не считая тех, кого изнасиловали. Потом великий хан приказал снести в новый город все богатство, собранное Ахмахом в старом, и присоединить к своей казне, и было того богатства много. Тело Ахмаха он приказал вырыть из могилы и выбросить на улицу собакам на растерзание; с сынов же его, которые злодействовали, подобно отцу, он приказал заживо содрать кожу.

Стал великий хан размышлять об этой проклятой секте сарацин, считавшей позволительным всякий грех и даже убийство человека не их закона, – оттого-то и Ахмах с сынами не почитал содеянного им за грех, – и возненавидел сарацин великий хан. Позвал их к себе и запретил им многое, их законом повелеваемое. Приказал им жениться по татарскому закону, животных убивать в пищу, не перерезывая горла, а распарывая брюхо. В то время, когда все это происходило, Марко Поло находился там.

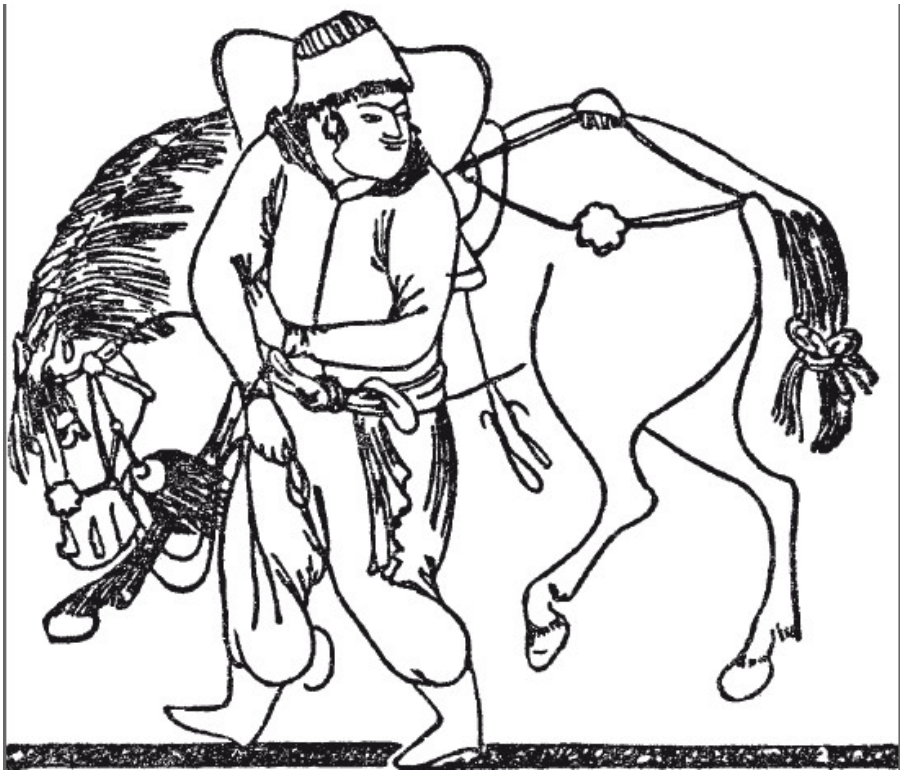
Глава LXXXVI

Как великий хан приказывает двенадцати тысячам всадников сторожить себя

Великий хан, знайте, ради важности держит около себя охрану из двенадцати тысяч всадников; зовут этих всадников quesitam [читается кезитам], что по-французски значит всадник, верный государю. А держит их великий хан не потому, чтобы боялся кого-нибудь; над ними четыре начальника, а над [под] каждым начальником по три тысячи человек. Три дня и три ночи каждые три тысячи всадников живут во дворце великого хана; там они едят и пьют; а через трое суток они уходят; приходят другие и сторожат три дня и три ночи; и так меняются, пока все не отслужат, а тогда начинают сначала, и так во весь год.

На пиру великий хан за столом сидит вот как: его стол много выше других столов; садится он на северной стороне, лицом на юг; с левой стороны возле него сидит старшая жена, а по правую руку, много ниже, сыновья, племянники и родичи императорского роду; а головы их приходятся у ног великого хана; а прочие князья садятся за другие столы, еще ниже. Жены рассаживаются точно так же. Жены сыновей великого хана, его племянников и родичей с левой стороны, пониже, а за ними, еще ниже, садятся жены баронов и рыцарей. Всякий знает свое место, где он должен сидеть по порядку, установленному великим ханом. Столы расставлены так, что великий хан может видеть всех, а столов многое множество. А вне этого покоя угощаются более сорока тысяч человек; приходят сюда с большими припасами, приходят из иноземных стран с диковинными вещами; тут и такие, у кого есть владения, да хотят побольше; приходят они в те дни, когда у великого хана большой выход и пир.

В том покое, где великий хан сидит, посредине стоит чаша из чистого золота; входит в нее бочка вина; кругом нее, по углам, чаши поменьше. Из большой чаши вино или другой напиток разливается по золотым сосудам; а в каждом из них вина хватит человек на восемь или десять; один такой сосуд ставится на стол между двух человек; а у каждого есть своя чарка с ручкой, ею он и черпает вино из золотого сосуда. Все равно так же между двух жен ставится по большому сосуду и по две чарки. Сосуды те и чарки, знайте, дорогие. Золотой и серебряной посуды у великого хана, знайте, много; кто не видел, тот и не поверит, сколько.



Монгол с конем (старинный персидский рисунок)

Еду и питье великому хану подают многие князья, а рты и носы у них, скажу вам, прикрыты прекрасными шелковыми да золотыми тканями, чтобы дух и запах не касались пищи и питья великого хана. Когда великому хану пить, инструменты играют, а их тут многое множество; а возьмет великий хан чарку в руки, все князья и все, кто там, становятся на колени и низко кланяются. После того великий хан пьет, и всякий раз, когда великий хан пьет, повторяется то же самое. О еде ничего не скажу; что много ее тут, всякий поверит. Скажу вам, нет тут князя или рыцаря без жены, а жены их едят вместе.

Поедят все, столы убирают; приходит тут в тот покой перед великого государя и к его гостям многое множество скоморохов и плясунов, представляют и потешают великого хана, и все веселятся и смеются. А как кончится все это, расходятся и возвращаются по домам.

Глава LXXXVII

Здесь описывается большой пир, что великий хан задает в день своего рождения

Все татары празднуют день своего рождения. Великий хан родился в 28-й день сентябрьской луны. День рождения празднуют они все равно так же, как и Новый год, о чем расскажу потом.

В день рождения великий хан облачается в сукно, вытканное золотом; в тот же цвет и точно так же, как великий государь, одеваются двенадцать тысяч князей и рыцарей; сукно у них не такое дорогое, а того же цвета, шелковое, с золотом; у каждого большой золотой пояс. Одежду эту дарит им великий хан; а иная одежда по своим драгоценным камням и жемчугу стоит более десяти тысяч бизантов; и много таких. Этим двенадцати тысячам князей и рыцарей великий хан дарит дорогие одеяния тринадцать раз в году; одеяния такие же, как его собственные, и очень дорогие. Что все это дорого – нетрудно понять; нет в свете другого государя, кто мог бы то же самое делать.

Глава LXXXVIII

Еще о том же

В день рождения великого хана все татары в свете, из всех областей и стран, у кого от великого хана земли и страны, приносят ему великие дары, всякий что ему следует, по установленному. С большими подношениями приходят сюда и те, кому желательно, чтобы великий хан дал им земли в управление. А великий хан выбрал двенадцать князей; они раздают земли по заслугам.

В тот день идолопоклонники, христиане, сарацины и все народы служат молебны и молятся, всяк своим идолам и своим богам, чтоб берегли те великого хана и ниспослали ему долгую жизнь, радость и здоровье.

Во весь день так-то веселье и пиршество. Довольно об этом: рассказал все хорошо, теперь опишу другой большой праздник, в начале их года, зовется он белым праздником.

Глава LXXXIX

Здесь описывается большой праздник, что великий хан задает в начале года

Год у них начинается в феврале; великий хан и все его подданные празднуют вот как: по обычаю все одеваются в белое, и мужчины и женщины, всякий как может. Белая одежда почитается у них счастливой, поэтому они и делают это, одеваются в белое, чтобы во весь год было счастье и благополучие. В этот день весь народ, все страны, области и царства и все, у кого от великого хана земли в управлении, приносят ему большие дары, золото и серебро, жемчуг и драгоценные камни, множество дорогих белых тканей; и все это делают, чтобы во весь год у великого хана богатства было много и было бы ему радостно и весело. Скажу вам еще, князья и рыцари, да и весь народ друг другу дарят белые вещи, обнимаются, веселятся, пируют, и делается это для того, чтобы счастливо и подобру прожить весь год.

В этот день, знайте еще, дарят великому хану более ста тысяч славных и дорогих белых коней. В этот же день выводят пять тысяч слонов под белыми, зверями и птицами вышитыми, попонами; у каждого слона на спине по два красивых и дорогих ларца, а в них посуда великого хана и богатая сбруя для этого белого сборища.

Выводят еще многое множество верблюдов; они также под попонами и навьючены всем нужным для дара. И слоны, и верблюды проходят перед великим ханом, и такой красоты нигде не видано!

Утром, в праздник, к государю в большой покой, пока столы не расставлены, приходят цари, герцоги, маркизы, графы, бароны, рыцари, звездочеты, врачи, сокольничие и все другие чины, управляющие народами, землями, военачальники, а те, кому нельзя взойти, становятся вне дворца, в таком месте, где великий государь мог бы их видеть. Строятся вот в каком порядке: сперва сыны, племянники и те, кто императорского роду, потом цари, а там герцоги, затем все другие, в том порядке, как им следует.

Когда все рассядутся по своим местам, встает старейший духовный и громко говорит: «Преклонитесь и почтите», – и как только он это скажет, все преклоняются челом до земли, славословят и молятся великому хану, как богу. Четыре раза поклоняются ему так точно. Потом идут к разукрашенному алтарю; стоит на нем красная дщица с именем великого хана да прекрасная курильница; благоговейно воскуряют той дщице, а

после того возвращаются на свои места. Сделав все это, приносят свои богатые и дорогие дары. А когда великий хан пересмотрит все дары, расставляются столы, и все садятся за них в том порядке, как я говорил прежде: великий хан садится за свой большой стол, а по левую его руку старшая жена, и никто более тут не сидит; все прочие садятся в том порядке, как я вам говорил; все жены, как я вам говорил, на стороне императрицы. Обедают точно так, как я говорил вам в ином месте. А после обеда приходят фокусники и потешают двор, что вы уже прежде слышали; когда все это кончится, идут все к себе домой.

Рассказал вам о белом празднике, опишу теперь щедрость великого хана, как он дарит некоторым баронам одежду для учрежденных им же праздников.

Глава XC

Здесь описываются двенадцать тысяч баронов, что приходят на пиры

Набрал великий хан двенадцать тысяч баронов; зовутся они кеситэн [кэшиктэн], а значит это: близкие и верные слуги государя; подарил он каждому из них тринадцать одеяний разных цветов, дорогих, расшитых жемчугом, камнями и всякими драгоценностями, дал по дорогому красивому золотому поясу, да еще сапоги из верблюжьей кожи, шитые серебром, дорогие и красивые; точно цари, как облекутся в эти красивые и знатные наряды. Установлено, в какой праздник в какую одежду наряжаться. У великого хана тоже тринадцать одежд, как и у баронов, того же цвета, да только подороже и величественнее. Как бароны, так и он наряжается.

Описал вам тринадцать одежд, что двенадцать тысяч баронов получили от своего государя, всего сто пятьдесят шесть тысяч дорогих одеяний; без записи и не сосчитаете, что они стоят; больших денег стоит обувь. Устроил все это великий хан для того, чтобы пиры его были почетнее и величественнее.

Расскажу вам еще о превеликом чуде: приводят перед великим государем большого льва, завидит лев великого хана и смиренно ложится перед ним, словно как бы признает его за своего государя, и лежит без цепей. Есть чему подивиться!

Довольно об этом, расскажем о большой охоте великого хана.

Глава XCI

Как великий хан установил, чтобы приносили ему дичь

Во все время, пока великий хан живет в катайской столице, то есть в декабре, январе, феврале, приказывает он, чтобы в окружности, на шестьдесят дней пути, охотились на зверя и на птиц. Установлено и приказано, чтобы те, кто владеют людьми и землями, приносили великому хану больших зверей, кабанов, оленей, антилоп, ланей, медведей и других, знатную часть из того, что наловят. Так-то охотятся все.

А у зверей, что посылают к великому хану, выпускают из живота все внутренности, кладут потом на телеги, так и отсылают к великому хану. Это делают те, кто за тридцать дней [пути], и таких многое множество. А те, кто за шестьдесят дней, мяса не посылают, оттого что далеко: отсылают ему выделанные кожи, а великий хан употребляет их на вооружение и для войска.

Рассказал вам об охоте, опишу вам диких зверей, что великий хан держит.

Глава XCII

Здесь описываются львы, леопарды, волки, выученные зверей ловить, да еще кречеты, соколы и другие птицы

Много у великого хана леопардов, приученных к охоте и зверей ловить; и волков у него многое множество, и они славно приучены ловить зверей. Много у него львов больших, покрупнее тех, что в Вавилоне. Прекрасная на них шерсть, отличной масти, черными, рыжими и белыми полосами. Приучены они ловить диких кабанов, диких быков, диких ослов, оленей, ланей и других зверей. Залюбуешься, когда везут они дикого зверя в клетке, на телеге, а подле маленькая собачка. Орлов, приученных ловить волков, лисиц, антилоп, ланей, у него также много, ловят они всех зверей вдоволь; а те орлы, что приучены волков ловить, – большие и сильные; нет такого большого волка, которого не поймал бы этот орел.

Рассказал все, что вы слышали, опишу вам теперь, какое множество отличных собак великий хан держит.

Глава XCIII

Здесь говорится о двух братьях, что за охотничьими собаками смотрят

Есть у великого хана два князя, родные братья, один зовется Баян, а другой Минган. Называют их cunici [читается куничи], что значит смотрители собак меделянок; у каждого под началом десять тысяч человек; одни десять тысяч человек одеты одинаково в красный цвет, а другие – в голубой, и завсегда одеваются так, когда идут на охоту с великим ханом. У каждого из двух тысяч, из этих десяти тысяч, под присмотром по одной, по две или по более собак мордашек; всех их, значит, много. Когда великий хан едет на охоту, по одну его сторону едет один брат со своими десятью тысячами ловчих и со своими пятью тысячами собак, а по другую – другой со своими десятью тысячами и со своими собаками. Идут вплотную, один за другим, растянутся на целый день пути и всякого зверя излавливают. Любо посмотреть и на охоту, и на собак, и на охотников, заглядишься, скажу вам, на великого хана, когда он и князья кругом его скачут с кречетами по равнине, а собаки, смотришь, гонят с той и с другой стороны медведей, оленей и всяких зверей!

Рассказал вам о том, как собак держат, опишу, как великий хан проводит остальные три месяца.

Глава XCIV

Здесь описывается, как великий хан отправляется на охоту ловить зверей и птиц

Пожив в том городе три месяца, декабрь, январь и февраль, великий хан уезжает оттуда в марте и едет на юг, за два дня пути, к морю-океану [Желтому морю].

Берет он с собою десять тысяч сокольников, да пятьсот кречетов, да соколов-пилигримов, да сероголовых соколов во множестве; берет еще с собою ястребов ловить водяную птицу. Всех их он не держит в одном месте; расставит их там и сям, так они и охотятся, а птиц, что наловят, по большей части несут великому хану.

Когда великий хан отправляется на охоту со своими соколами и другими птицами, добрых десять тысяч человек с ним; расставляет их он парами; называются они тоскаор, а по-нашему сторож; они сторожат; а как станут парами там и сям, так места займут много; у всякого есть свисток и колпачок, могут и призвать птицу, и держать ее; а когда великий хан прикажет запустить птиц, тому, кто выпускает, нет нужды идти за ними следом, потому что, как я вам сейчас говорил, всюду расставлены люди и сторожат птиц, и куда бы они ни полетели, они за ними, и коль нужно им помочь, помогают. У птиц великого хана, а также у птиц других князей, к ноге привязана серебряная бляха, а на ней написано имя того, чья птица и кто ее держит; как поймают птицу, тотчас же знают, чья она, тому и отдают. А когда не знают, чья птица, несут ее к князю буларгей; зовут так того, кто стережет добро без хозяина.

Найдут ли коня, или меч, или птицу, или что другое, и коли не знают, чья вещь, несут ее к тому князю, а он сторожит и бережет найденное; а кто нашел, коли тотчас не принесет, почитается за вора; а кто потерял, идет к тому князю, и тот приказывает отдать потерянное. Завсегда тот князь пребывает со своим знаменем в самом высоком месте стана, чтобы те, кто что-либо утерял, тотчас же видели его. Так-то ничего не теряется, а все находится и по принадлежности возвращается.

А по той дороге, по которой, как я говорил, идет великий хан к морю-океану, много прекрасных мест, охоты на зверей и птиц много: нигде в свете нет такого удовольствия.

Ездит великий хан всегда в прекрасном деревянном покое, на четырех слонах; внутри покой обит сукном, вытканным золотом, а снаружи обтянут львиной кожей. Берет он с собой дюжину

лучших из своих кречетов, да сидят с ним для компании и развлечения несколько князей. Так-то едет он в том покое на слонах, а другие князья скачут кругом. «Царь, – скажут они ему, – журавли летят», – и тотчас же приказывает он раскрыть сверху покой и видит журавлей. Выберет, какого захочет, кречета и пустит его, и зачастую тот излавливает журавля; а великий хан видит все это со своего ложа, и великая ему потеха и удовольствие. А все другие князья и рыцари скачут кругом великого хана. Никто не поверит, чтобы у кого на свете было столько потех и удовольствий, как у великого хана.

А придет великий хан в Каччар модун, там уже расставлены палатки, и все сыновья, и князья, и жены, больше десяти тысяч тут красивого да богатого народу. А палатка у него вот какая: в той, где бывают собрания, поместится тысяча всадников; а двери у нее на юг. Сюда сходятся князья и другие люди; рядом, на запад, другая; там пребывает великий хан. Сюда он призывает того, с кем желает поговорить; а за большой залой просторный и красивый покой; здесь великий хан опочивает. Есть еще и другой покой и другие палатки, но не рядом с большой палаткой.

А две залы и тот покой, о котором я говорил, выстроены вот как: в каждой зале три прекрасно сработанных столба из благовонного древа; снаружи покрыты очень красивыми львиными кожами, полосатыми, черными, белыми и красными. Построены они так прочно, что ни дождь, ни ветер не повредят и не попортят их. Внутри они обиты горностаем и соболем; то самые лучшие меха, самые дорогие и богатые из мехов. Хороший соболий мех, по правде, на мужскую шубу стоит две тысячи безантов, а попроще – тысячу. Татары зовут его царским мехом, а зверь с куницу. Диву даешься, глядя, как этими двумя мехами хорошо обиты и тонко убраны обе залы великого хана. Опочивальня великого хана, что тут же рядом, снаружи обита также львиными кожами, а внутри – горностаевыми и собольими мехами; убрано все прекрасно, на славу. Веревки в покоях и в залах – шелковые, дорогие. Маленькому царю и не уплатить того, что стоят три палатки.

Вокруг этих палаток другие, так же хорошо выстроенные и прекрасно убранные. У жен великого хана также палатки богатые. Для кречетов, соколов, для птиц и зверей есть многое множество палаток. В этой ставке просто диво, сколько народу. Она кажется самым многолюдным на свете городом. Отовсюду сошелся сюда народ, да еще с домочадцами. За великим ханом сошлось сюда множество его врачей, звездочетов, сокольничьих и других чинов. А устроено тут все так же хорошо, как в столице.

Живет великий хан в том месте до весны, которая начинается

там около нашей Пасхи; и во все это время он охотится по соседству, много ловит журавлей, лебедей и других птиц; а люди его, что расставлены по разным местам, приносят ему всякой дичи. Живет он все время там весело, в свое удовольствие, кто сам не видел его великолепия, его дел и потех, тот и не поверит тому, что я говорил.

Скажу вам еще: кругом тех мест, где живет великий хан, на двадцать дней пути, никто, ни один купец, ни один ремесленник, ни один крестьянин не смеет держать соколов, или ловчих птиц, или охотничьих собак. А в других областях и землях могут держать собак и ловчих птиц, а коль пожелают, так и охотиться. Во всех местах, где великий хан властвует, знайте еще, по истинной правде, никакой царь, никакой князь и ни один человек не смеет охотиться на зайцев, оленей, ланей и антилоп, на всех зверей, что плодятся с марта по октябрь; а кто противное учинит, жестоко раскается.

Великий хан установил так, и приказу его, скажу вам, повинуются; зачастую зайцы, лани и другие звери, что я называл, идут прямо к человеку и никто их не трогает и зла им никакого не делает.

Живет великий хан в том месте так-то, как вы слышали, до Пасхи, а потом уезжает со всеми своими той же дорогой, что приехал, прямо в Канбалу, и во весь путь в свое удовольствие тешится охотой.

Глава XCV

Как великий хан устраивает большие выходы и задает великие пиры

Придет великий хан в свою столицу Камбалу [Ханбалык] и поселяется в главном дворце на три дня, не более; устраивает большой выход и задает великий пир. Веселится и пирует со своими женами. И во все три дня не надивишься пышности великого хана.

Домов и народу в этом городе, и внутри, и вне, превеликое множество. Что ни ворота, то предместье; двенадцать, значит, больших предместий, а народу в них не сосчитать; в предместьях жителей более, нежели в городе, там пристают и живут и купцы, и все, кто приходит по делам; а приходит многое множество ради великого хана; и купцы, и другие люди приходят сюда по своим делам, потому что город торговый.

Дома и дворцы тут [в предместьях], скажу вам, так же хороши, как и в городе, хоть и не такие, как великого хана.

Мертвых в городе не хоронят, а умрет идолопоклонник, несут его в такое место, где тела сжигают, а это за предместьями; и других хоронят за предместьями.

Грешницы, мирские, значит, жены, что за деньги людям служат, в городе жить не смеют; живут они по предместьям, и не поверите, сколько их тут! Добрых двадцать тысяч их тут! И все за деньги служат, и все заняты, потому что каждый день многое множество купцов и иностранцев приходит и уходит. Если столько мирских жен, легко понять, сколько народу в Канбалу.

Ни в какой другой город в свете не свозится столько дорогих и богатых вещей. Скажу вам прежде всего, что привозится из Индии: везут сюда драгоценные камни, жемчуг и всякие другие дорогие вещи. Все хорошие и дорогие вещи из Катая и других областей привозят сюда; и все это для государей, что живут здесь, для их жен, для князей, для великого множества военных людей и для тех, что приходят сюда, ко двору великого хана. Потому-то свозят сюда, как я вам рассказывал, самые богатые вещи, самой дорогой цены, да в таком обилии, как ни в какой другой город в свете; много здесь товаров продается и покупается. Каждый день, знайте, приезжает сюда более тысячи телег с шелком; ткутся тут сукна с золотом и шелковые материи. Кругом этого города, и близко, и далеко, двести городов, и оттуда сходятся сюда за покупками; все нужное находят тут; неудивительно, что в Канбалу доставляется все, что вам рассказывал. Теперь это вам

понятно.

Опишу вам монетный двор в этом самом городе Канбалу и покажу ясно, как великий хан может тратить более, нежели рассказано или расскажется в этой книге.

Глава XCVI

Как великий хан вместо монет тратит бумажки

В Канбалу [Ханбалык] монетный двор великого хана, да такой, что про великого хана сказать можно – алхимию он знает вполне, и вот почему. Приказывает он изготовлять вот какие деньги: заставит он набрать коры от тутовых деревьев, листья которых едят шелковичные черви, да нежное дерево, что между корой и сердцевиной, и из этого нежного дерева приказывает изготовить папку, словно как бумагу; а когда папка готова, приказывает он из нее нарезать вот как: сначала маленькие [кусочки], сто́ящие половину малого ливра, или малый ливр, иные ценой в пол серебряный грош, а другие – в серебряный грош; есть и в два гроша, и в пять, и в десять, и в безант, и в три и так далее до десяти безантов; и ко всем папкам приложена печать великого хана. Изготовляется по его приказу такое множество этих денег, что все богатство в свете можно ими купить. Приготовят бумажки так, как я вам описал, и по приказу великого хана распространяют их по всем областям, царствам, землям, всюду, где он властвует, и никто не смеет, под страхом смерти, их не принимать. Все его подданные повсюду, скажу вам, охотно берут в уплату эти бумажки, потому что, куда они ни пойдут, за все они платят бумажками, за товары, за жемчуг, за драгоценные камни, за золото и за серебро: на бумажки все могут купить и за все ими уплачивать; бумажка стоит десять безантов, а не весит ни одного.

Приходят много раз в году купцы с жемчугом, с драгоценными камнями, с золотом, с серебром и с другими вещами, с золотыми и шелковыми тканями; и все это купцы приносят в дар великому хану. Сзывает великий хан двадцать мудрых, для того дела выбранных и сведущих, и приказывает им досмотреть подношения купцов и заплатить за них, что они стоят. Досмотрят мудрецы все вещи и уплачивают за них бумажками, а купцы берут бумажки охотно и ими же потом расплачиваются за все покупки в землях великого хана. Много раз в году, сказать по правде, приносят купцы вещей тысяч на четыреста безантов, и великий хан за все расплачивается бумажками.

Скажу вам еще, много раз в году отдается приказ по городу, чтобы все, у кого есть драгоценные камни, жемчуг, золото, серебро, сносили все это на монетный двор великого хана; так и делают, сносят многое множество всего этого; и уплачивается всем бумажками. Так-то великий хан владеет всем золотом,

серебром, жемчугом и драгоценными камнями всех своих земель.

Скажу вам еще о другом, о чем следует упомянуть: когда бумажка от употребления изорвется или попортится, несут ее на монетный двор и обменивают, правда, с потерей трех на сто, на новую и свежую. И другое еще следует рассказать в нашей книге: если кто пожелает купить золота или серебра для поделки какой-нибудь посудины, или пояса, или чего другого, то идет на монетный двор великого хана, несет с собой бумажки и ими уплачивает за золото и серебро, что покупает от управляющего двором.

Рассказал вам, как и почему великий хан должен иметь и имеет богатства более, нежели кто-либо в свете. А вот что еще изумительнее: у всех царей в свете нет столько богатства, сколько у великого хана.

Рассказал вам и описал, как великий хан изготовляет бумажки, а теперь порасскажу о великих господах, что по приказу великого хана из этого города Канбалу распоряжаются.

Глава XCVII

Здесь описываются двенадцать баронов, что все дела великого хана исполняют

Выбрал великий хан двенадцать знатных князей и им поручил все дела в тридцати четырех областях. Обычаи у них и порядки вот какие.

Прежде всего скажу вам, двенадцать князей живут в городе Канбалу [Ханбалыке] в одном дворце. Дворец большой, прекрасный; много в нем покоев и отдельных домов.

Во всякой области есть свой судья и свои писцы; живут они во дворце, каждый в своем доме, и ведают все дела той области, куда приставлены; исполняют их по воле и приказу двенадцати князей, а о них я уже говорил.

А власть у двенадцати князей вот какая: правителей областей они выбирают; выберут достойного и доложат об этом великому хану; великий хан избранного утверждает и дарует ему, какую следует, золотую дщицу. Куда войскам следует идти, об этом также заботятся те же князья; куда покажется, что нужно, туда князья и шлют войска, и сколько пожелают, столько и шлют, но всякий раз с ведома великого хана. Также они распоряжаются и в других областных делах. Зовут их scieng, что значит великий суд, выше их только великий хан. Кому захотят, много добра тому могут сделать.

Не стану перечислять поименно областей; ясно расскажу об этом в нашей книге. Оставим это и расскажем вам, как великий хан посылает своих гонцов и как им заготовляют лошадей.

Глава XCVIII

Как от Канбалу [Ханбалыка] в разные области идут многие дороги

От Канбалу, знайте поистине, много дорог в разные области, то есть одна в одну область, другая в другую; и на всякой дороге написано, куда она идет, и всем это известно. По какой бы дороге ни выехал из Канбалу гонец великого хана, через двадцать пять миль [около 40 км] он приезжает на станцию, по-ихнему янб, а по-нашему конная почта; на каждой станции большой прекрасный дом, где гонцы пристают. Богатые постели с роскошными шелковыми одеялами в этих постоялых дворах; все, что нужно гонцу, там есть; и царю пристать тут хорошо.

На каждой станции по четыреста лошадей; так великий хан приказал; лошади всегда тут наготове для гонцов, когда великий хан куда-либо посылает их. По всем главным областным дорогам через двадцать две мили, а где через тридцать, есть станции; на каждой станции от трехсот до четырехсот лошадей всегда наготове для гонцов; тут же дворцы, где гонцы пристают. Вот так-то ездят по всем областям и царствам великого хана.

В местах пустынных, где нет ни жилья, ни постоялых дворов, и там великий хан для гонцов приказал устроить станции, дворцы и все нужное, как на других станциях, и коней, и сбрую; гоньба только подальше; есть станции в тридцать пять миль, а в ином месте более сорока. Вот так-то, как вы слышали, ездят гонцы великого хана, и на всякой гоньбе есть им где пристать, и лошади готовы.

Такого величия, такой роскоши не было ни у какого императора, ни у одного короля, да и ни у кого. На этих всех станциях, знайте по правде, более двухсот тысяч лошадей готовы для гонцов, а дворцов, скажу вам, более десяти тысяч, и во всех них, как я уже говорил, богатая сбруя. И такая тут изумительная роскошь, что еле под силу рассказывать или описывать это.

Забыл я рассказать об одном, что сюда же относится: между каждыми двумя станциями через каждые три мили есть поселки домов в сорок; живут тут пешие гонцы великого хана и исполняют они службу вот как: у них большие пояса с колокольчиками, для того чтобы издали слышно было, как они бегут; бегут они вскачь, и не более трех миль; а через три мили стоит смена; издали слышно, что гонец идет, и к нему уже готовятся; придет он, от него отбирается, что он принес, а от писца лоскуток бумаги, и новый гонец пускается вскачь, бежит три мили, а потом сменяется

так же, как и первый гонец. Великий хан таким-то образом, через этих пеших гонцов, в одни сутки получает вести из-за десяти дней пути; проходят эти пешие гонцы в одну ночь и в один день десять дней пути; в двое суток приносят вести из-за двадцати дней расстояния. Часто в один день великому хану они доставляют плоды из-за десяти дней расстояния. Податей с них великий хан не берет, а еще им дарит из своей казны, да лошадей, что на станциях для гонцов.

Устроены эти станции вот как: приказывает великий хан спросить у города, что близ какой-нибудь станции, сколько лошадей он может поставить; отвечает город, что сто; великий хан и приказывает выставить на эту станцию сто; потом опрашивает другие города и замки, сколько лошадей они могут выставить, столько и приказывает выставить на станцию. Так устроены все станции, и они ничего не стоят великому хану; только на станциях в местах нежилых он приказывает выставлять своих собственных лошадей.

Когда нужно поскорее доложить великому хану о какой возмутившейся стране или о каком князе, или о чем важном для великого хана, гонцы скачут по двести миль в день, а иной и по двести пятьдесят миль, и скажу вам, как это делается: когда гонцу нужно ехать скоро столько-то миль, как я рассказывал, для этого дается ему дщица [пайцза] с кречетом. Если гонцов двое, оба пускаются с места на добрых, сильных скакунах; перевязывают себе животы, обвязывают головы и пускаются сколько мочи вскачь, мчатся до тех пор, пока не проедут двадцать пять миль на станцию, тут им готовы другие лошади, свежие скакуны. Садятся

они на них, не мешкая, тотчас же, и как сядут, пускаются вскачь, сколько у лошади есть мочи; скачут до следующей станции; тут им готовы новые лошади, на них они садятся и едут дальше, и так до вечера.

Вот так-то, как я рассказывал, гонцы проезжают двести пятьдесят миль и доставляют великому хану вести, а коли нужно и весть важная, так и по триста миль проезжают.

Довольно о гонцах; рассказал о них все ясно, а теперь расскажу о великой милости великого хана, что дважды в год он оказывает своим подданным.

Глава XCIX

Как великий хан помогает тем, у кого нет хлеба или скотины

Рассылает великий хан гонцов по всем своим землям, царствам и областям узнавать, не погиб ли где хлеб от непогоды, града или другого какого бедствия. Узнает, кто пострадал, без хлеба; с таких не приказывает брать податей за год, а еще приказывает дать им своего хлеба для

прокормления и на обсеменение. И великая та милость великого хана! Это делается летом, а зимой раздает скотину: как узнает, что у такого-то пал скот, приказывает дать ему скотину, помогает ему и тот год податей с него не берет.

Так-то, как вы слышали, помогает и поддерживает своих подданных великий хан.

Описал вам это, а теперь поговорим о другом.

Глава C

Как великий хан сажает деревья по дорогам

По большим дорогам, где гонцы скачут, купцы и другой народ ездит, великий хан приказал через каждые два шага насадить деревья. Деревья эти, скажу вам, теперь велики так, что видны издали. А сделал это великий хан для того, чтобы всякому дорога видна была и заблудиться нельзя было. И по пустынным дорогам есть дерева; для купцов и для гонцов великое от того удобство; и во всех царствах и областях есть дерева по дорогам.

Рассказал вам о деревьях по дорогам, опишу теперь иное.

Глава CI

Здесь описывается вино, что пьют подданные великого хана

Весь почти народ в области Катай пьет вот какое вино: приготовляют его из риса с другими хорошими пряностями, и питье выходит лучше всякого другого вина; и чисто, и вкусно; вино горячее, и пьянеешь от него скорее, нежели от другого.

Оставим это и опишем, как камни, словно дрова, горят.

Глава CII

Здесь описывается, как камни, словно дрова, горят

По всей области Катай есть черные камни; выкапывают их в горах, как руду, и горят они, как дрова. Огонь от них сильнее, нежели от дров, он продержится во всю ночь, до утра. Жгут эти камни, потому что и дешево, да и дерева сберегаются.

Рассказал вам об этом, опишу другое, как великий хан дешево собирает хлеб.

Глава CIII

Как великий хан приказывает собирать многое множество хлеба и раздает его в помощь своему народу

Когда великий хан знает, что хлеба много и он дешев, то приказывает накупить его многое множество и ссыпать в большую житницу; чтобы хлеб не испортился года три-четыре, приказывает его хорошенько беречь. Собирает он всякий хлеб: и пшеницу, и ячмень, и просо, и рис, и черное просо, и всякий другой хлеб; все это собирает во множестве. Случится недостача хлеба, и поднимется он в цене, тогда великий хан выпускает свой хлеб вот так: если мера пшеницы продается за безант, за ту же цену он дает четыре. Хлеба выпускает столько, что всем хватает, всякому он дается, и у всякого его вдоволь. Так-то великий хан заботится, чтобы народ его дорого за хлеб не платил; и делается это всюду, где он царствует.

Рассказал вам об этом, опишу теперь, как великий хан раздает милостыню.

Глава CIV [A]

Как великий хан раздает бедным милостыню

Рассказал вам, как великий хан раздает хлеб своему народу, теперь опишу, как он бедным в Канбалу [Ханбалыке] дает милостыню. Приказывает он набрать в городе бедные семьи, которым есть нечего; в одной семье человек шесть, в другой восемь, или десять, или больше, или меньше; для прокормления их великий хан приказывает раздать пшеницы и другого хлеба; и дается им вдоволь. Всякому, скажу вам, кто придет ко двору за хлебом, отказа в этом нет; у кого хлеба нет, всякому он дается. Более тридцати тысяч человек ежедневно, знайте, приходят за хлебом, и это каждый год.

По великой своей доброте великий хан жалеет о своем бедном народе; а тот за это почитает его как бы за Бога.

Расскажу вам теперь о другом. Оставим Канбалу, пойдем в Катай описывать великое и богатое, что там есть.

Глава CIV [Б]

Об астрологах в городе Камбалу [Ханбалык]

Есть в городе Камбалу между христианами, сарацинами и катайцами [китайцами] около 5000 астрологов и гадателей, которых великий хан ежегодно снабжает пищей и одеждой, как упомянутых бедняков, и которые постоянно занимаются своим искусством в городе. У них есть астролябия, на которой написаны знаки, часы и критические пункты целого года.

Ежегодно упомянутые христиане, сарацины и катайские астрологи, каждые отдельно, рассматривают по этой астролябии ход и характер каждого года, сообразно положению каждой луны, чтобы рассмотреть и определить, какая должна быть погода по естественному ходу вещей и по расположению планет и знаков, и какие особенности произведет каждая луна того года, например, что в такой-то луне будут грозы и бури, в такой-то землетрясения, в такой-то дожди, в такой-то болезни, [большая] смертность, война, раздоры и заговоры. Они объявляют обстоятельства каждой луны сообразно тому, что нашли, прибавляя, что Бог может сделать больше или меньше, по своей воле. Они пишут на особых небольших квадратных табличках все, что должно совершиться в том году; эти таблички они называют такуини и продают их по [венецианскому] грошу за штуку всем, кто желает узнать будущее. Те, чьи предсказания более всего оправдываются, считаются наиболее совершенными знатоками своего искусства и достигают самого большого почета.

Также если кто-нибудь задумает совершить какой-нибудь большой труд или отправиться в какую-нибудь далекую страну для торговли или с какой-нибудь другой целью и захочет узнать, каков будет исход его предприятия, он идет к одному из тех астрологов и говорит ему: «Посмотрите в своих книгах, в каком положении теперь небо, так как я хочу отправиться за таким-то делом или для торговли». Тогда астролог говорит вопрошающему, что он должен сказать ему год, месяц и час своего рождения, что тогда он рассмотрит, как согласуются созвездия, под которыми он родился, с теми, что были в небе в тот час, когда был поставлен вопрос, и предскажет ему, хорошо ли или дурно кончится для него будущее, сообразно с расположением небесных созвездий.

Нужно знать, что татары ведут счет своим годам по кругам из двенадцати лет; первый год они обозначают названием льва, второй – быка, третий – дракона, четвертый – собаки, и т. д. до

тех пор, пока число не достигнет двенадцати.

Таким образом, если кого-нибудь спросят, когда он родился, он отвечает, например, так: в год льва, в такой-то день или ночь, в такой-то час, в такую-то минуту; потому отцы смотрят за тем, чтобы все это тщательно записывалось в книгу. Когда окончен счет двенадцати знакам, обозначающим двенадцать лет, тогда они возвращаются к первому знаку и снова начинают считать в том же порядке.

Глава CIV [B]

О религии татар и их мнениях относительно души и их нравах

Как мы сказали выше, эти народы идолопоклонники, а что до их богов, то у каждого высоко на стене его комнаты прибита табличка, на которой написано имя, обозначающее Всевышнего, небесного Бога; ей они каждый день поклоняются, с кадилом фимиама, следующим образом: поднимают руки вверх и трижды скрежещут зубами, чтобы Бог дал им хороший ум и здоровье, а другого они у него не просят. Ниже, на полу, стоит изображение, которое зовется Натигаем, это бог земных вещей, рождающихся по всей земле. Ему они придают жену и детей и поклоняются ему таким же образом с кадилом, скрежеща зубами, и поднимают руки; у него просят благоприятной погоды, земных плодов, сыновей и подобных благ.

Душу они считают бессмертной в том смысле, что тотчас после смерти человека она переходит в другое тело; смотря по тому, жил ли человек хорошо или дурно, душа переходит от хорошего к лучшему или от дурного к худшему. Если это был бедный человек и вел себя при жизни хорошо и скромно, то он после смерти возродится от дворянки и сам будет дворянином; потом он родится от государыни и будет государем; поднимаясь все выше и выше, он, наконец, доходит до Бога. Если же он вел себя дурно, то он, если был сыном дворянина, возрождается как сын крестьянина, потом возрождается собакой и спускается все к более презренной жизни.

Они говорят цветистым языком; приветствуют друг друга вежливо, с веселым и радостным видом; держат себя с достоинством и едят очень чисто. Отцу и матери оказывают большой почет; если же случится, что какой-нибудь сын оскорбит родителей или не поможет им в случае нужды, то есть особенное присутственное место, у которого нет другого дела, как наказывать неблагодарных сыновей, оказавшихся виновными в каком-нибудь неблагодарном поступке по отношению к родителям.

Разного рода преступники, задержанные и посаженные в тюрьму, подвергаются удушению; когда же наступает срок, назначенный великим ханом для освобождения задержанных, что бывает каждые три года, то их отпускают, но при этом кладут им клеймо на одну щеку, чтобы после узнавать их.

Нынешний великий хан запретил все игры и фокусничества, которым там предаются более, чем где-либо в мире. Для этого он

говорил им: «Я покорил вас с оружием в руках, и все, что принадлежит вам, – мое, потому если вы играете, то играете моей собственностью».

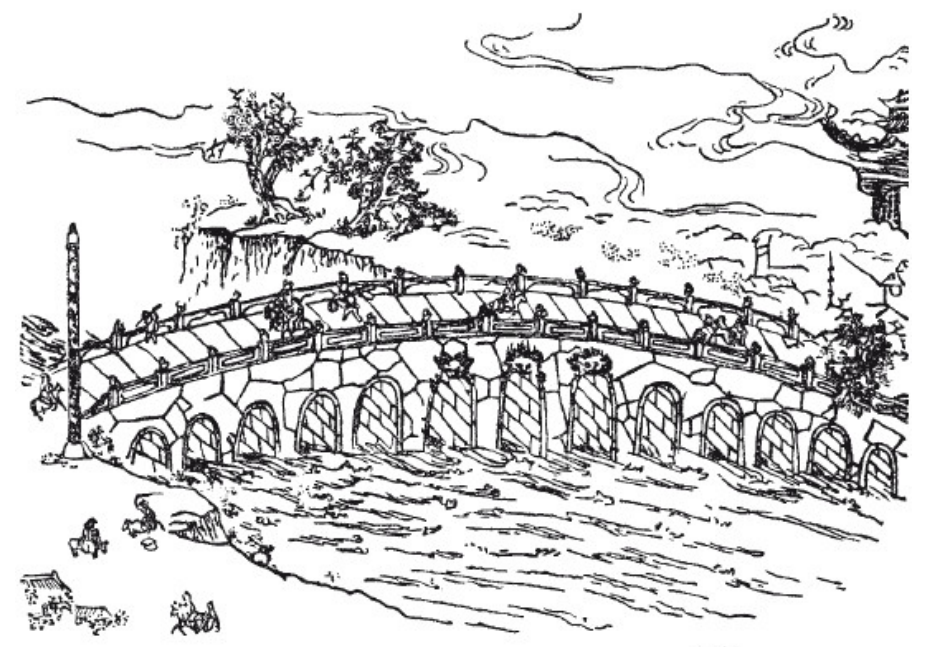
Не хочу обойти молчанием того порядка и обычая, как должны вести себя люди из народа и вельможи великого хана, когда приходят к нему. При первом приближении к тому месту, где находится великий хан, люди из народа еще на расстоянии полмили, из уважения к его высокому сану, останавливаются со скромным, тихим и спокойным видом; не слышны никакой шум, никакой звук и никакой громкий говор.

Каждый барон или дворянин постоянно носит с собой небольшой и красивый сосуд, в который плюет, пока находится в зале, так как никто в зале не смеет плевать на пол; плюнув, он прикрывает сосуд и ставит его в сторону. У них есть также красивые сапожки из белой кожи, которые берут с собой; придя во двор, откуда войдут в залу, когда их позовет государь, они надевают эти белые башмаки, а другие передают слугам, чтобы не запачкать великолепных, искусно сделанных шелковых разноцветных ковров, шитых золотом.

Глава CV

Здесь начинается о большой области Катай и о реке Пулисанчи [Хайхэ]

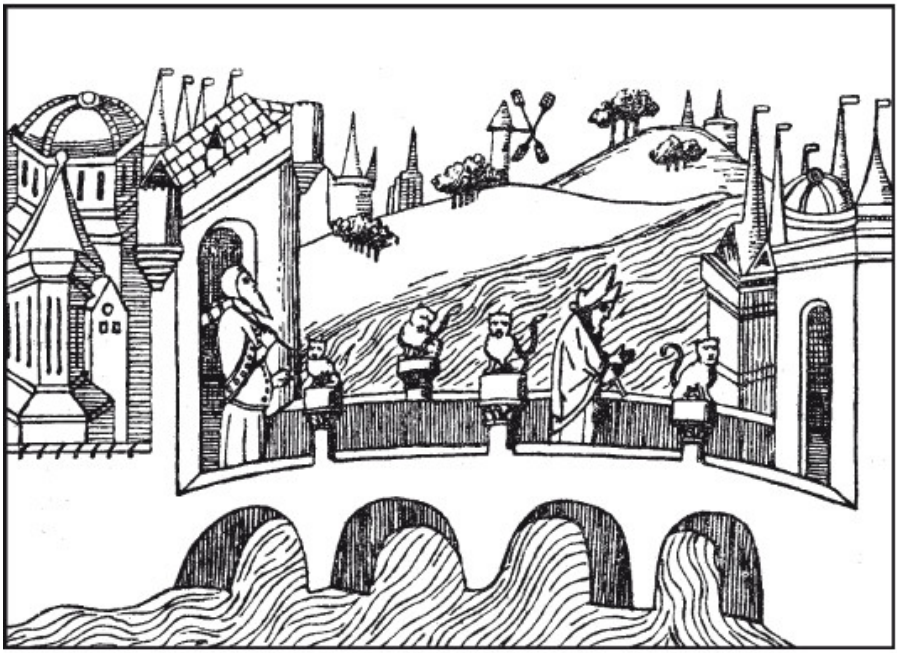
Послал тот самый великий хан господина Марко гонцом на запад. Вышел он из Канбалу [Ханбалыка] и шел на запад четыре месяца; все, что он видел, идя туда и назад, расскажет вам. По выезде из города через десять миль [около 15 км] – большая река Пулисангинз, течет она в море-океан, много купцов с товарами поднимаются по ней вверх.



Мост «Пулисангин» (китайский рисунок)

Прекрасный каменный мост через эту реку. В целом свете нет такого хорошего моста. Вот он какой: в длину триста шагов, а в ширину восемь; по нем рядом проедут десять верховых; стоит он на двадцати четырех сводах и на стольких же водяных мельницах; выстроен из серого прекрасного мрамора; сработан хорошо и прочно; по обе стороны моста стены из мраморных досок и столбы; расставлены они вот как: в начале моста мраморный столб, под ним мраморный лев, а другой на столбе; оба красивые, большие и сработаны хорошо. От этого столба через полтора шага

другой, совершенно такой же, с двумя львами; между столбами доски из серого мрамора, чтобы люди не падали в воду, и так из конца в конец моста. Любо на это посмотреть.



Мост «Пулисангин» (французская миниатюра XIV в.)

Рассказал вам об этом прекрасном мосте, опишу теперь новое.

Глава CVI

Здесь описывается большой город Жиги [Чжосянь]

От этого моста тридцать миль на запад дорога по славным постоялым дворам, мимо виноградников и полей, а там и большой красивый город Жиги. Тут много аббатств язычников. Народ торговый, занимаются и ремеслами. Много тут выделывают шелковых и золотых тканей, а также прекрасный сандал. Много тут постоялых дворов для путешественников.

Через милю от этого города две дороги: одна на запад, а другая на юг; западная в Катай, а южная в большую область Манги. По западной дороге до Катая едешь добрых десять дней; во всю дорогу много красивых городов и красивых замков, торговых и промышленных, прекрасных полей, виноградников и много рабочего люду. Упоминать больше нечего, а потому оставим это и расскажем о царстве Таян-фу [Тайюань].

Глава CVII

Здесь описывается царство Таифу [Тайюань]

От Гинги [Чжосянь] в десяти днях пути царство Таян-фу и главный город области. Город Таян-фу, куда мы пришли, большой и красивый, торговля тут великая, а также промышленность; выделывают тут многое множество сбруи для войск великого хана. Много здесь отличных виноградников, и вина выделывается вдоволь; во всей области Катай одно это вино; из того города оно развозится по всей области. Многое множество тут шелку; есть у них тутовые дерева и много шелковичных червей.

Из Таян-фу семь дней едешь на запад [?] по прекрасной стране; много тут городов и замков; большая тут торговля и промышленности довольно. Много тут купцов, что ходят в разные страны и наживаются. А через семь дней город Пиан-фу. Город большой, богатый, много там купцов; народ торговый и промышленный. Многое множество выделывается тут шелку.

Оставим это и расскажем о большом городе Качиан-фу, а сперва поговорим о знатной крепости Каикуи-фу.

Глава CVIII

Здесь описывается Каяу [Цзиньчэн]

От Пиан-фу [Пиньян] на запад через два дня прекрасная крепость Качиан-фу, выстроил ее в старину царь по прозванию Золотой. В крепости той есть красивый дворец и пребольшой покой, куда собраны очень хорошие портреты всех старинных царей той области. Любо на это посмотреть; и все это выстроено по приказу прежних здешних царей.

Расскажу вам прелюбопытную повесть о Золотом царе, о том, что было между ним и попом Иваном; рассказывает это здешний народ. Говорят тамошние люди, что Золотой царь воевал с попом Иваном, и засел он в такое крепкое место, откуда поп Иван не мог его взять, не мог ему никакого зла причинить и очень гневался.

Сказали попу Ивану семь его слуг, что приведут ему Золотого царя живым. Согласился на то поп Иван и пообещал большую награду. Простились семь слуг с попом Иваном и поехали со многими всадниками; пришли к Золотому царю и говорят, что хотят послужить ему. «Добро пожаловать», – отвечал царь и пообещал им почет и удовольствие. И вот так-то, как вы слышали, стали восемь слуг попа Ивана служить Золотому царю. Прожили они у него два года, и полюбились они царю за услужливость.

Что же вам еще сказать? Верил им царь, как родным сыновьям. Слушайте же, что сделали эти злые слуги. Случилось это потому, что от предателя и изменника никому не уберечься. Выехал раз Золотой царь с немногими слугами погулять, и тринадцать злых слуг были также тут. Переехали они через реку, что была в миле от дворца, и приметили тут злые слуги, что не защитить царя тем, кто был с ним, и порешили тотчас же сделать то, зачем пришли; схватились за мечи да и говорят царю:

«Иди с нами, не то тебя убьем!» Изумился царь и говорит им: «Что вы сказали, милые сынки? Куда хотите меня вести?»

А они ему в ответ: «Иди к нашему государю, попу Ивану».

Глава CIX

Как поп Иван приказал захватить Золотого царя

Услыхав это, Золотой царь разгневался и чуть с горя не умер.

«Спасибо, милые сынки, – говорил он им, – не я ли вам оказывал почет в моем доме, а вы хотите предать меня в руки врага. Коли вы это сделаете, будет то большим злодейством и предательством».

А они ему в ответ говорят: «Нужно быть тому».

Повели Золотого царя к попу Ивану, а тот увидел его и обрадовался, да и говорит: «Не к добру ты пришел».

«Золотой царь» (средневековый рисунок)

Молчит Золотой царь и не знает, что сказать; а поп Иван

приказал его вывести вон и приставил пасти скотину; сделал то поп Иван, чтобы показать Золотому царю, как он его презирает и почитает за ничтожество. Два года Золотой царь пас скотину; после того поп Иван приказал привести его перед себя, подарил ему богатую одежду и оказал почет. Говорил он ему потом:

«Видишь теперь, царь, не такой ты человек, чтобы со мною воевать!»

«Правда твоя, царь, – отвечал тот, – не мне с тобою спорить!»

«А коли понимаешь, – говорит поп Иван, – так ничего больше от тебя не требую; прикажу служить тебе и почитать за царя».

Приказал поп Иван дать Золотому царю коней, сбрую и провожатых и отпустил его.

Уехал Золотой царь назад в свое царство и с тех пор стал другом и слугой попа Ивана.

Оставим это и расскажем о другом.

Глава CX

Здесь описывается великая река Каракорон [Хуанхэ]

На запад от того замка, в двадцати милях есть река Караморан; она велика так, что моста через нее нельзя перекинуть; река широкая, глубокая и впадает в море-океан. Много городов и замков по той реке; купцов тут много, и ведется тут большая торговля. Много имбирю и шелку в странах по той реке. Сколько тут дичи, так просто удивительно. За один венецианский грош или, вернее, на один аспр, что не много больше, можно купить трех фазанов.

За той рекой на запад в двух днях пути знатный город Качиан-фу. Народ там идолопоклонники, да и в Катае народ идолопоклонники. Город этот торговый и промышленный. Многое множество тут шелку. Ткут здесь золотые и всяческие шелковые материи.

Другого нечего рассказывать, а потому пойдем дальше и опишем знатный город Кенжиан-фу [Сиань], столицу области.

Глава CXI

Здесь говорится о большом городе Кенжинфу [Сиань]

От города Канчиан-фу [Юнцзи] на запад восемь дней едешь замками да торговыми и промысловыми городами, прекрасными садами и полями. Тутовых дерев по всей стране много; это те дерева, чьи листья едят шелковичные черви; народ – идолопоклонники. Много тут охоты на зверей и всякой дичи.

А через восемь дней, как я говорил, большой и знатный город Кенжиан-фу. Город большой, знатный, самый главный в царстве. В старину царство то было большое, богатое, сильное и было там много добрых и храбрых царей.

Теперь тут царит сын великого хана Мангалай. Отец дал ему царство и венчал царем. Город торговый и промышленный. Шелку у них много; работают тут всякие золотые и шелковые ткани. Всякую нужную войску сбрую делают тут; все тут есть, что нужно человеку, чтобы жить в довольстве и дешево. Город на западе. Народ – идолопоклонники.

За городом стоит дворец царя Мангалая, и вот он какой: стоит он на равнине, где и реки, и озера, и болота, и ручьи; кругом него толстая и высокая стена миль пять в окружности, большой, хороший он, лучше желать трудно. Много в нем прекрасных залов и покоев, разрисованных и кованым золотом разукрашенных.

Мангалай правит по закону и по справедливости, и народ его очень любит. Кругом дворца живут войска и много потешаются охотою.

А теперь оставим это царство, довольно о нем, расскажем о гористой области Кун-кун [Наньчжэн].

Глава CXII

Здесь говорится о границах Катая и Манги

От дворца царя Мангалая на запад три дня пути по прекрасной равнине; городов и замков там много; живут тут люди торговые и промышленные, и шелку у них много; а через три дня начинаются большие горы и большие долины области Кункун. По горам и долинам тут города и замки. Народ здесь идолопоклонники, занимается земледелием, дровосеки и охотники. В лесах тут, знайте, диких зверей много: и львов, и медведей, волков, ланей, антилоп, оленей, всяких зверей тут довольно. Тамошний народ ловит их много, и дело то прибыльное.

Так-то по горам, долинам, лесам едешь двадцать дней, всюду города, замки и постоялые дворы, есть где страннику пристать.

Оставим эту страну и расскажем о другой области. Вот послушайте.

Глава CXIII

Здесь описывается область Акбалак Манги [АкбалыкМанзи]

Как проедешь двадцать дней тамошними горами, тут область Акбалек Манги, вся она на ровном месте, и много тут городов и замков. Область эта лежит на запад. Народ – идолопоклонники, торговый и ремеслами занимается. Много в этой области рождается имбирю, и расходится он по всей большой области Катай; а тамошним жителям большая прибыль и выгода от него. Есть у них и пшеница, и рис, и всякого другого хлеба вдоволь, и он дешев; земля тут плодородная. Главный город называется Акмалик Манги, а значит это: город, пограничный с Манги.

По равнине той едешь два дня; места красивые, много тут городов и замков; а через два дня высокие горы, большие долины и леса. На запад двенадцать дней едешь по городам да замкам. Народ – идолопоклонники; занимается земледелием, охотой и скотоводством; водятся тут и львы, и медведи, и рыси, лани и антилопы, олени и много тех зверьков, от которых добывается мускус [кабарга].

Оставим эту страну и толком да по порядку расскажем о других. Извольте послушать.

Глава CXIV

Здесь описывается большая область Синдафу [Чэнду]

От тех гор, что я описывал, на запад через двадцать дней – равнина и пограничная с Манги [Манзи] область Сандин-фу, главный город называется так же; город знатный, большой; было там много великих и богатых царей. В окружности город добрых двадцать миль; выстроен он вот как: царь той области оставил после себя трех сынов и разделил большой город на три части; у каждой части своя стена, а кругом всех – стены большого города. Все три сына были царями, владели многими землями, отец их был могуществен и богат. Великий хан завладел тем царством, низложил тех трех царей и стал сам царствовать.

Посреди большого города течет большая река [рукав Миньцзян]; вода пресная и много там рыбы. В ширину река добрых полмили и очень глубока; течет она далеко, до самого моря-океана, дней на восемьдесят или сто и зовется Киан-суй. По той реке городов и замков многое множество. Кто своими глазами не видел, не поверит, сколько больших судов поднимается по той реке. Кто сам не видел, не поверит, какое множество товаров сплавляют купцы вниз и вверх по реке. Она так широка, словно как море; в городе через нее перекинут каменный мост в ширину добрых восемь шагов, а в длину, как и река, полмили; из конца в конец по обе стороны мраморные столбы, а на них крыша деревянная, разукрашенная и пестро расписанная. По тому месту много домиков, где и торгуют, и ремеслами занимаются. Домики, скажу вам, деревянные, утром их расставят, а вечером соберут.

Есть тут еще мытный двор великого хана, где доходы его собираются, пошлина, значит, с товаров, что на мосту продаются, и пошлина та, скажу вам, доходит до тысячи золотых безантов. Народ – идолопоклонники.

От того города пять дней едешь по равнинам и долинам, и много тут городов и замков. Народ занимается земледелием. Много тут диких зверей: львов, медведей и других зверей. Народ тут ремесленный, выделывает прекрасный сандал и другие ткани; люди из самого того Синда.

А через пять дней сильно разоренная область Тебет [Тибет]. О ней будет говорено дальше.

Глава CXV

Здесь описывается Тебет [Тибет]

Через пять дней, как я уже сказал, начинается сильно разоренная область; разорил ее войною Мангут-хан. Много тут городов, замков, деревень, да все они разрушены и разорены.

Растет тут удивительно толстый и высокий бамбук; в толщину он вот какой: добрых три пяди, в вышину бывает до пятнадцати шагов. От одного узла до другого добрых три пяди. Купцы и другие путешественники, когда идут по той стране, несут с собою таких бамбуков и ночью ими разводят огонь; горят они с таким шумом и треском, что львы, медведи и другие хищники со страху бегут прочь и ни за что не подойдут к огню. Так-то здешние люди разводят огонь, чтобы уберечь свою скотину от диких хищников, а их тут много.

Треск от этих бамбуков громок и далеко раздается вот почему: срезают их совсем зелеными и по нескольку кладут в огонь; полежат они в огне, начинают сгибаться да пополам трескаться, и раздается тут шум такой, что за десять миль его слышно; непривычного он пугает, и слушать его страшно. Лошади как заслышат его, с непривычки пугаются сильно, рвут недоуздки и привязи да и убегают. Случается это часто. Непривычным к треску лошадям завязывают глаза и спутывают все четыре ноги, так что, хоть и заслышат великий шум, да бежать-то не могут. Вот так-то, как я вам рассказывал, люди берегут и себя, и свой скот от львов, медведей и других хищников; а их здесь многое множество.

Добрых двадцать дней идешь по той стране, и нет тут ни постоялых дворов и никакого продовольствия; на все двадцать дней нужно запасаться едой для себя и кормом для скотины; хищные звери, смелые и злые, попадаются часто; остерегаться их нужно, они опасны. Замков и деревень тут, однако же, довольно.

Вот как по их обычаю женятся. Сказать по правде, никто здесь ни за что в свете не женится на девственнице; девка, говорят они, коли не жила со многими мужчинами, ничего не стоит; поэтому-то и женятся они вот так: придут сюда, скажу вам, иноземцы и раскинут палатки для побывки; тотчас же старухи из деревень и замков приводят к ним дочерей, по двадцати, по сорока и меньше, и больше, и отдают их странникам на волю, чтобы те жили с девками; а странники девок берут и живут с ними в свое удовольствие; держат при себе, пока там живут, но уводить с собою не смеют; а когда путешественник, пожив с девкой в свое

удовольствие, захочет уходить, должен он ей подарить что-нибудь, какую-нибудь вещицу, чтобы девка могла, когда замуж выйдет, удостоверить, что был у нее любовник. Каждая девка так-то почитает нужным носить на шее более двадцати разных подарков, много, значит, у нее было любовников, со многими она жила, и чем больше у девки подарков, чем больше она может указать любовников, с которыми жила, тем милее она, и тем охотнее на ней женятся: она, дескать, красивее других. Раз женились, жену любят крепко и чужую жену трогать почитается за большой грех, и того греха остерегаются.

Рассказал вам об их браках, сказать об этом нужно было. Приходить сюда следует молодым, от шестнадцати до двадцати четырех лет.

Народ тут – идолопоклонники и злой; воровать и разбойничать за грех не почитается, таких насмешников и разбойников в свете нет. Живут они охотою, дичью, занимаются скотоводством и хлебопашеством. В этой стране много зверьков с мускусом, зовут их по-ихнему гюддери. Много славных собак у этих злодеев; ловят они много тех зверей, а потому и мускуса у них много. Бумажных денег великого хана у них нет, и деньги они делают из соли; одежда бедная, из звериных шкур, холщовая или шерстяная. Язык у них свой, и страна зовется Тебетом. Область большая, опишу ее вам коротенько, извольте послушать.

Глава CXVI

Еще об области Тебет [Тибет]

Тебет – большая область; народ – идолопоклонники, и говорят особенным языком; страна, пограничная с Манги [Манзи] и со многими другими областями. Народ тут сильно вороват.

В этой большой области восемь царств, а городов и замков многое множество. Во многих местах тут есть реки, озера и горы, где много песочного золота. Корица родится тут в обилии. На кораллы тут большой спрос, и они здесь дороги; вешают их ради красоты на шеи женам и идолам. Выделывается в этой области камлот и другие золотые и шелковые ткани; много здесь таких пряностей, которых и не видели в наших странах.

Скажу вам еще, здесь самые ловкие колдуны и самые лучшие их звездочеты; есть они также и в соседних областях. С вражьею помощью колдуют они и творят неслыханные и невиданные чудеса. Но не нужно об этом говорить здесь, да и люди станут дивиться. Нехороший тут народ.

Есть у них большие собаки с осла, и ловки они диких зверей ловить; и другие разные охотничьи собаки есть у них. Водятся также [кречеты] балабаны; отлично они летают и ловят.

Оставим область Тебет [Тибет]; рассказали о ней коротенько, опишем теперь область Гаиндир [Цюнду?]. А область Тебет, знайте, принадлежит великому хану, и все другие царства, области и страны, что описываются в этой книге, – его же; только те, о которых говорилось в начале книги, принадлежат сыну Аргуна, что я уже сказывал. А эти области и все другие, что описываются в книге, как сказано, великого хана.

Оставим теперь это и расскажем об области Каинду [Цюнду?].

Глава CXVII

Здесь описывается область Гаинду [Цюнду?]

Гаинду – область на запад: здесь только один царь; а жители – идолопоклонники, иподвластны великому хану. Городов, замков тут много. Есть у них там озеро, где много жемчугу; великий хан не желает, чтобы его вылавливали; позволь он его ловить, жемчуг перестал бы быть редкостью и ничего не стоил бы. Когда великому хану понадобится жемчуг, он приказывает его наловить, а другие не смеют под страхом смерти ловить его.

Есть тут, скажу вам еще, гора, где водятся особенные камни, что зовутся бирюзой, очень они красивы и много их тут, да великий хан не велит добывать их без своего приказу.

А у жен в этой стране вот какой обычай: коль иноземец или другой какой человек живет с их женами, дочерьми, сестрами или иными женщинами, что у них в доме, так это не почитается за дурное, а за хорошее; за это, говорят они, боги и идолы к ним милостивы и даруют им всякие земные блага в обилии, поэтому-то и отдают они с охотою инородцам жен. Здесь, знайте, муж, как только завидит, что иноземец идет к нему или просит пристанища в его доме, тотчас же уходит из дому, а жене наказывает во всем слушаться иноземца; уйдет к себе на поле или в свой виноградник и до тех пор не возвращается, пока иноземец в доме. Иной раз, скажу вам, иноземец дня три живет в доме и спит себе на постели бедняка с его женою. А чтобы знали, что он в доме, иноземец делает вот что: вывесит свою шапку или что другое, и значит это, что он еще в доме; и пока этот знак висит у дома, бедняк не смеет вернуться к себе. И то же самое в целой области.

Деньги у них вот какие: у них, знайте, золото в палочках; развешивают они его на saie, по весу всему цена; чеканенной монеты у них нет, а мелочь у них такая: возьмут соль, сварят ее и бросят в форму весом около полуфунта; восемьдесят таких кусков равняются одному saie чистого золота. Это и есть их мелкая монета.

Многое множество у них зверей, что с мускусом; ловят их охотники и много мускуса добывают. Много у них также славных рыб, ловят они их в том же озере, где водится жемчуг. Львов, рысей, медведей, ланей и антилоп много; всяческих птиц также многое множество.

Виноградного вина у них нет, вино они делают из пшеницы и рису со многими пряностями; и питье то хорошее.

Родится тут много гвоздики; то маленькое деревцо с листьями, как у лавра, только подлиннее и поуже, а цветок маленький белый, как у гвоздики. Имбиря и корицы тут обилие, много и других пряностей, что к нам не доходят, а потому и нечего о них говорить.

Оставим этот город, рассказали о нем все, что нужно, опишем теперь страну впереди.

От Геинду [Цюнду] десять дней едешь по городам и замкам. У народа здесь те же нравы и обычаи, как я вам рассказывал. Дичи всякой и птиц много, и зверей. Через десять дней приходим к большой реке Бриу, тут и кончается область Геинду; песочного золота в той реке много. Корицы тут много. А река впадает в море-океан.

Оставим ту реку, говорить о ней больше нечего. Опишем вам область Каражан [вост. Юньнань]. Послушайте.

Глава CXVIII

Здесь описывается область Каражан [Караджан]

А за той рекою обширная область Каражан, тут семь царств. Лежит та область на запад; народ великого хана, идолопоклонники. Царствует здесь Есентемур, сын великого хана. Большой он царь, и богат, и силен, разумен и честен, а потому и страною по справедливости правит.

От той реки на запад пять дней идешь многими городами и замками; много тут славных лошадей. Народ занимается скотоводством и хлебопашеством, говорит по-своему, и трудно ту речь понимать.

Через пять дней большой город; то главный город в целой области и зовется Жачи. Большой и знатный город, купцов и ремесленников там много, есть тут и мусульмане, и идолопоклонники, и христиане.

Пшеницы и рису тут много; пшеничного хлеба народ не ест, потому что он нездоров в тамошних местах; едят рис; из рису же с пряностями выделывают питье, славное, чистое; пьянеешь от него, как от вина. А монеты у них вот какие: вместо денег у них в ходу белые морские раковины, те самые, что вешают собакам на шею; восемьдесят таких раковин равняются одному серебряному saie, или двум венецианским грошам, а восемь saie чистого серебра то же, что один saie, чистого золота. Есть у них соляные источники, где они добывают соль, и ту соль употребляют во всей стране, а царю от того большая прибыль.

На то, что один у другого жену отбил, не обращают никакого внимания, коль не против воли жены.

Рассказали вам об этом царстве, а теперь поговорим о царстве Карайан [Караджан]. Но забыл я вот о чем упомянуть: есть тут, скажу вам, озеро более ста миль в округе, и много там самой лучшей в свете рыбы. Рыба большая и всяческая.

Едят они, скажу вам еще, сырое мясо куриное, сырую баранину и говядину и сырое буйволовое мясо. Идут бедняки на бойню, и как только вытащат печень из убитой скотины, они ее забирают, накрошат кусками, подержат в чесночном растворе, да так и едят. Богатые тоже едят мясо сырым: прикажут накрошить его мелко, смочить в чесночном растворе с хорошими пряностями, да так и едят, словно как мы вареное.

Теперь расскажу об области Каражан; о ней я уже говорил выше.

Глава CXIX

Еще об области Карапан [Караджан]

От города Шиачи [Куньмин] на запад через десять дней все еще область Карапан, и главный город в царстве зовется так же. Народ великого хана – идолопоклонники. Царит тут Когачин, сын великого хана.

В этой области в реках находится золото в зернах, а в озере да в горах – и в больших слитках. Золота у них так много, что они один saie золота отдают за шесть серебра. Тут же в ходу и те раковины, о чем я выше говорил. В этой области они не водятся, а привозят их из Индии.

Водятся тут большие ужи и превеликие змеи. Всякий, глядя на них, дивится, и препротивно на них смотреть. Вот они какие, толстые да жирные: иной, поистине, в длину десять шагов, а в обхват десять пядей; то самые большие. Спереди, у головы, у них две ноги, лапы нет, а есть только когти, как у сокола или как у льва. Голова превеликая, а глаза побольше булки. Пасть такая большая, сразу человека может проглотить. Зубы у них большие, и так они велики да крепки, нет ни человека, ни зверя, чтобы их не боялся. Бывают и поменьше, в восемь, в пять шагов и в один.

Ловят их вот как: днем, знайте, от великой жары, они под землей, а ночью выходят кормиться, и всякого зверя, что попадается, хватают. Пить идут к реке, к озеру или к источнику. Так они велики, тяжелы да толсты, и когда ночью двигаются по песку кормиться или к пойлу, проводят по песку борозду, словно прокатили тут бочку с вином. Охотники, когда идут их ловить, на той самой дороге, по которой шел змей, ставят снаряд: втыкают в землю толстый да крепкий деревянный кол с железным наконечником, острым, как бритва или как острие копья, а чтобы змей не заметил его, покрывают кол сверху песком на две пяди. И таких острых кольев наставят они несколько. Поползет змей по той дороге, где колья, и натыкается на них так, что острие всаживается ему в брюхо и разрезает его до пасти; змей тут же издыхает, так-то охотники ловят их.

Как только охотники изловят змея, тотчас же выпускают из брюха желчь; а желчь эта, знайте, прекрасное лекарство. Кого укусит бешеная собака, тому дают попить немножко, весом с денарий, и он тотчас же вылечивается, да коль женщина мучится в родах и кричит, дают ей немного от той змеиной желчи, тотчас же ей полегчает, и она рожает, и, в-третьих, если у кого чесотка, как приложат немножко той желчи, через несколько дней она

проходит. Потому-то змеиная желчь ценится дорого в этих странах. И мясо этого змея, скажу вам, продается дорого; оно вкусно, и едят его охотно.

Змей этот кормиться ходит туда, где львы, медведи и другие хищники плодятся, и жрет там и больших, и малых – все, что попадается.

В этой стране, скажу вам еще, водятся рослые кони, и водят их на продажу в Индию. От хвоста они отрубают два-три сустава, чтобы лошадь не махала им, когда бежит, и не била того, кто верхом сидит; не любят они, чтобы лошадь на бегу хвостом махала. Верхом они ездят по-французски, вытянув ноги.

Кольчуги у них из буйволовой кожи; есть у них копья, щиты и самострелы, а стрелы все отравлены.

Вот еще, что они делали, пока не покорил их великий хан: если случалось, что приходил сюда какой-нибудь красивый, либо знатный человек, или иной какой, что им нравился, и приставал у кого в доме ночью, они его или отравляли, или как-нибудь убивали, только он погибал. Не думайте, что убивали с тем, чтобы ограбить его деньги; делалось это для того, чтобы его красота, доброта, ум и душа оставались в доме. И пока не покорил их великий хан, убивали они ради этого многих; а с тех пор как лет тридцать пять тому назад покорил их великий хан, перестали они так злодействовать; боятся великого хана, а тот не похвалит этого. Описали вам эту область, теперь расскажем, как услышите, о другой.

Глава CXX

Здесь описывается большая область Зардандан [Зердендан]

На запад от Караиана [Караджан] через пять дней область Ардандан. Народ великого хана – идолопоклонники. Главный город этой области зовется Ночиан. У здешних людей зубы золоченые; всякий зуб покрыт золотом, они делают золотые слепки с зубов и надевают их на верхние и нижние зубы; это у мужчин, а женщины этого не делают.

Мужчины все по их обычаю рыцари; ходят на войну да на охоту, а других дел не делают. Все дела исправляют жены да те, кого они на войне полонили да в рабов обратили; вот эти-то вместе с их женами все дела исполняют.

Родит жена, вымоют ребенка, укутают в белье, муж тут ложится в постель и ребенок с ним; лежит он сорок дней и встает только по нужде. Друзья и родные навещают его, остаются с ним, веселятся и потешают его. Делается это потому, что жена, говорят они, истомилась с ребенком во чреве, поэтому не следует ей мучиться еще сорок дней; и жена, как только родит, встает и начинает хозяйничать да мужу в постели прислуживать.

Едят они всякое мясо, и сырое, и вареное. Всякое мясо, всякую пищу, по своему обычаю, едят они с рисом. Вино они пьют рисовое с пряностями, и вино то очень хорошо. Монеты у них золотые и раковины здесь в ходу.

Один saie [saggio] золота, скажу вам по правде, они отдают за пять серебра, потому что серебро ближе как за пять месяцев пути не найти. Купцы приходят сюда с серебром и превыгодно обменивают его у здешних людей на золото, за один saie золота отдают пять серебра и остаются в великой прибыли.

У здешних народов нет ни идолов, ни храмов. Молятся они старшему в доме, от него, говорят, мы произошли. Букв у них нет, и писать они не умеют; да это и не диво: родились они в пустынных странах, среди больших лесов, высоких гор; летом сюда ни за что не пройти, воздух тогда здесь дурной, зараженный, никому живу не быть.

Когда у них, скажу вам, между собою счеты, возьмут они кусочек дерева, четырехугольный или круглый, переломят его пополам: один возьмет одну половину, другой – другую; а перед тем делают две, или три, или сколько нужно зарубок на том кусочке; когда же расплачиваются, тому, кто заплатил деньги или что другое, отдается и другая половина.

Во всех этих странах: Караян, Ночиан, Жачин – врачей нет, а

когда у них кто заболеет, призывают своих знахарей; то чертовы колдуны и идолослужители; сойдутся эти знахари и как скажет им больной, что у него болит, начинают они играть на инструментах, стонать и плясать, и до тех пор пляшут, пока не упадет кто на землю или на пол замертво с пеною у рта; бес, значит, к нему в тело вошел, и лежит он словно мертвый; другие колдуны – соберется их тут много, – как увидят, что упал один из них, начинают его вопрошать, чем хворает больной, а он отвечает: такой-то бес тронул его, потому что прогневал его. А колдуны ему на это говорят:

«Молим тебя, прости ему, бери, что хочешь, вылечи только его кровь».

И когда колдуны много раз так-то помолятся, бес, что в упавшем колдуне, коль больному умереть, отвечает так:

«Много провинился больной перед таким-то бесом, злой он человек, бес ни за что в свете не хочет прощать его». Больному, значит, помирать.

Если же больному выздороветь, бес, что в колдуне, говорит вот как:

«Выздоровеет больной, коль зарежет двух-трех баранов да наварит десять [чаш] самого дорогого питья и напьется». А баран, говорит бес, должен быть с черной головою или с другой какой приметой; и говорит он еще, чтобы жертву принесли такому-то идолу или такому-то бесу, позвали бы столько-то колдунов да столько-то женок, что служат идолам и бесам, славили бы такого-то идола или беса да задали бы им пир.

Родные больного услышат эти слова и по приказу колдуна все исполняют, возьмут баранов с теми приметами, как он описывал, варят то хорошее питье, что он наказывал; баранов режут и кровь их льют в те места, куда было указано, в честь и как приношение таким-то бесам; а потом в доме больного зажаривают баранов и накормят столько колдунов и столько женок, как приказано.

Как сойдутся все туда, и бараны и питье готовы, начинают они играть, плясать и бесов своих славить. Льют навар и питье, возьмут курения, алоэ и воскуряют там и сям, разводят большие огни. Потом затихнут, один колдун падает на землю, а другие его спрашивают, прощен ли больной и выздоровеет ли он. А тот отвечает, что больной еще не прощен, вот то-то следует ему еще сделать, и тогда он будет прощен. Сделают это, бес начинает говорить: принесена жертва, все исполнено, больной прощен и скоро выздоровеет. Услышат такую речь, начинают лить навар и питье, зажигают большие огни и много курения; бес, говорят, на нашей стороне. Колдуны и женки, что идолам прислуживают, начинают есть баранину, пьют на радостях питье и веселятся.

Кончится все это, всякий идет к себе домой, больной же выздоравливает.

Рассказал вам о нравах и обычаях здешнего народа и о том, как их колдуны умеют бесов заговаривать.

Оставим этот народ и эту область и, как вы услышите, расскажем о другом.

Глава CXXI

Как великий хан покорил царства Минин [Мянь] и Бангала [Бенгал]

Забыл я упомянуть о большой битве в царстве Вочиан [Баошань], а рассказать о ней в этой книге следует, потому и опишем ее ясно, как она произошла.

В 1272 г. по Р. Х. послал великий хан большое войско в Вочиан и Карайан [Караджан] сторожить и охранять их, чтобы никто им зла не делал. Сынов своих великий хан туда еще не посылал; сделал он это потом: назначил туда царем Сентемура [Эсэнь-Тэмура], сына одного из своих померших сынов.

Царь Мяна и Бангалы был сильный: много у него было и земель, и богатства, и народа; великому хану он не подчинился, а великий хан его покорил потом и отнял у него оба царства. Узнал царь Мяна и Бангалы, что войско великого хана в Вочиане, и решил, что сможет идти на это множество людей, побьет их всех и великий хан вперед не захочет посылать сюда войска.

Стал этот царь делать вот какие великие приготовления: было у него, скажу вам по правде, две тысячи больших слонов; и на каждого слона приказал он приладить деревянный теремец, крепкий, красивый и приспособленный к бою; в каждом теремце было по двенадцати воинов, в ином шестнадцать, а в ином и побольше, было у него шестьдесят тысяч конных, были и пешие воины. Изготовился, как следует такому сильному и могущественному царю; для великих дел было то войско.

Ну что же вам сказать? Кончил эти приготовления царь и немедля, тотчас же пошел на войско великого хана в Вочиане. Как он шел – об этом нечего рассказывать. Подошел к татарскому войску и за три дня пути стал станом, чтобы люди отдохнули.

Глава CXXII

Здесь описывается битва между войском великого хана и царем Мяна [Мянь]

Когда военачальник татар узнал наверное, что царь Мяна идет на него с великой силою, стал он побаиваться, было у него всего двенадцать тысяч конных, но сам-то он был храбр и хороший полководец. Звали его Несрадином. Собрал он свои войска в порядке, приободрил их, позаботился, сколько мог, об охране страны и своих людей. Словом, все татары, двенадцать тысяч всадников, собрались на равнину Вочиан [Баошань], тут они ждали врага сразиться с ним; и было то ловким делом умного военачальника. У той равнины, знайте, был густой лес. И вот так-то, как мы слышали, поджидали врага в равнине татары.

Племя санмяо из Гуйчжоу с самострелом (китайский рисунок)

Оставим татар, вернемся к ним скоро, а пока поговорим о враге. Отдохнул со своим войском царь Мяна и пошел, а как пришел в равнину Вочиан, татары стояли уже там готовыми; пришел царь в ту равнину и за милю от врага приготовил своих слонов, теремцы и славно вооруженных воинов. Конных и пеших

расставил он хорошо и умно, как и следовало умному царю. Устроил все, привел в порядок, да и пошел с войском на врага; увидели татары, что он идет на них, и виду не дают, что испугались, стоят себе смело и храбро. Выступили они против врага стройно, в порядке. Сошлись и, как нужно уже было начинать схватку, увидели кони татар слонов да испугались до того, что не смогли татары вести их на врага, и повернули назад. А царь со своими воинами да слонами идет себе вперед.

Глава CXXIII

Здесь говорится о той же битве

Увидели это татары, взбесились и не знают, что им делать; было им ясно, что коли не смогут повести своих коней вперед, так все погибнут. Умно, однако же, распорядились, сделали вот что: видят они, что лошади испугались, спешились, попрятали коней в лесу, привязали их к деревьям, потом взялись за луки, насадили стрелы да и стали стрелять в слонов. Стрелять они умеют ловко и слонов изранили жестоко. Царские ратники не переставали также стрелять и сильно на них нападали, да татары лучше врага умели биться и храбро защищались.

Что же вам сказать? Израненные слоны повернули назад да и побежали на своих; бегут грузно, словно свет разваливается; и перед лесом не остановились, ворвались туда, теремцы разваливаются, ломают и разрушают все. Со страху бегут по лесу в разные стороны. А татары увидели, что слоны бегут, тотчас на коней да и помчались на царскую рать; началась тут жестокая перестрелка; царская рать защищалась храбро; вышли все стрелы, схватились за мечи и копья и побежали друг на друга с остервенением, крепко бились и мечами, и копьями, убивали и коней, и всадников, отсекали руки и головы, резали тела, валялись на земле и мертвые, и раненые. Поднялся такой шум и крик, грома Божьего не расслышать. Злая была драка; татары, по правде сказать, победили; не посчастливилось царю и его ратникам; много их было побито в тот день. После полудня пришлось царю и его ратникам плохо; побито их было много, и стало им невтерпеж; видят, что все погибнут, коль останутся здесь, не могли они тут оставаться и побежали что есть мочи, а татары за ними следом, гонят, бьют, убивают без пощады; жалость была смотреть. Прогнали их татары и вернулись назад в лес, за слонами; навалили больших дерев, чтобы слоны не ушли; не переловить бы им слонов, если бы пленные ратники не перехватили их. Слон умнее всякого животного.

Более двухсот слонов они переловили; начиная с тех пор, завелось у великого хана много слонов.

Вот так-то, как вы слышали, произошла та битва.

Глава CXXIV

Как идут большим спуском

От той области [Баошань] начинается большой спуск; отсюда два с половиной дня идешь под гору; не о чем тут говорить, разве только об одном торговом месте, куда здешние люди сходятся в назначенные дни, раза три в неделю; меняют тут золото на серебро, один saie золота продают за пять серебра; издалека приходят сюда купцы менять серебро на золото, и прибыльное то дело. Здешний народ сам приносит сюда золото; а туда, где он живет, никто не может пройти, и никакого зла ему никто не может сделать; живет он в стране непроходимой, куда и дорог нет; никто и не знает, где он живет, никто туда и не хаживал.

А как спустишься, через два с половиной дня начинается область на юг, у пределов Индии; зовется она Амян [Мянь]. Пятнадцать дней идешь по местам, где дорог нет, по лесам, и много тут слонов, единорогов и разных диких зверей. Люди здесь не живут.

Оставим эти леса и расскажем вам вот какую историю.

Книга III

Глава CLVIII

Здесь начинается книга об Индии; описываются тамошние диковины и обычаи

Рассказали вам о многих областях, оставим теперь все это и начнем об Индии и обо всех тамошних чудесах.

Начнем сперва о судах, в которых купцы плавают из Индии и обратно туда.

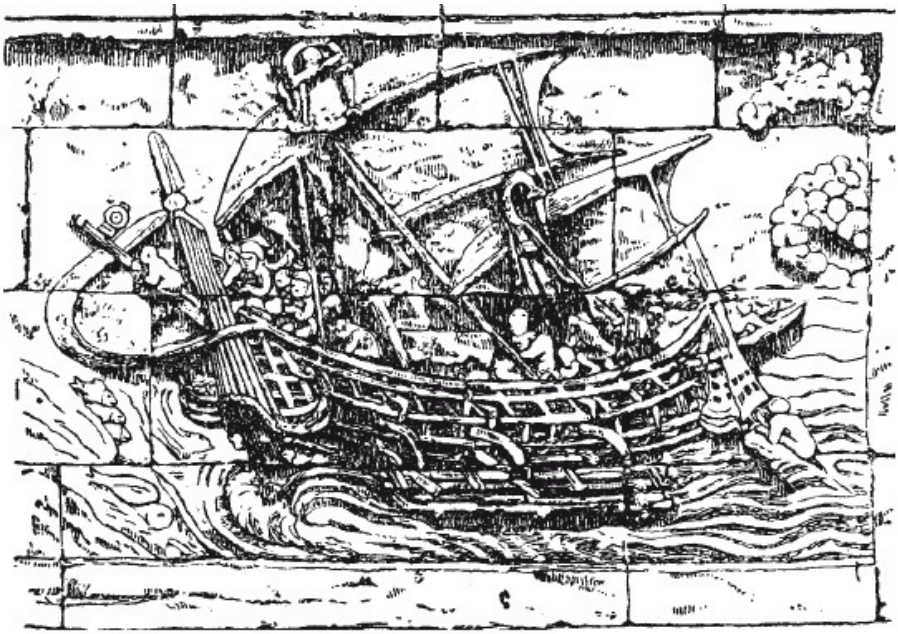
Суда эти, знайте, строятся вот как: строят их из елового дерева; у них одна палуба, на ней более шестидесяти покоев, и в каждом одному купцу жить хорошо. Они с одним рулем и четырьмя мачтами; зачастую прибавляют еще две мачты, которые водружают и опускают, как пожелают. Сколочены они вот как: стены двойные, одна доска на другой и так кругом; внутри и снаружи законопачены; сколочены железными гвоздями.

Смолою они не осмолены, потому что смолы у них нет; а смазаны они вот как: есть у них иное, что они считают лучше смолы. Возьмут они негашеной извести да мелко накрошенной конопли, смешают с древесным маслом, смесят хорошенько все вместе, и получится словно клей; этим они смазывают свои суда, а слипает (та смазка), как смола.

На судах по двести мореходов; они так велики, что на ином добрых пять тысяч грузов перцу, а на другом и шесть. Идут на веслах; у каждого весла по четыре морехода.

Есть у судов большие лодки, по тысяче грузов перцу на каждой и по сорока вооруженных мореходов, и зачастую тащат они большое судно. Плывут за большим судном две больших лодки, одна побольше; плывет до десяти маленьких с якорями, для ловли рыбы и для службы на большом судне. И все эти лодки плывут по бокам большого судна; скажу вам еще, кругом двух больших лодок есть также лодки.

А когда, скажу вам еще, после года плавания судно нужно чинить, делают они вот что: кругом, на две прежних, прибивают новую доску, законопачивают их и смазывают. Так они чинят. А при новой чинке прибивают еще доску и доходят до шести досок.



Средневековый корабль (барельеф на буддийской пирамиде Боро Бодор в центре Явы)

Описали вам суда, в которых купцы плавают в Индию и оттуда. Оставим теперь это и расскажем об Индии. Сперва хочу вам рассказать о многих островах в этом море-океане, где мы теперь находимся.

Острова эти на востоке. Начнем прежде с острова Зипунгу [Япония].

Глава CLIX

Здесь описывается остров Чипингу [Япония]

Остров Чипунгу на востоке, в открытом море; до него от материка тысяча пятьсот миль.

Остров очень велик; жители белы, красивы и учтивы; они идолопоклонники, независимы, никому не подчиняются. Золота, скажу вам, у них великое обилие: чрезвычайно много его тут, и не вывозят его отсюда: с материка ни купцы, да и никто не приходит сюда, оттого-то золота у них, как я вам говорил, очень много.

Опишу вам теперь диковинный дворец здешнего царя. Сказать по правде, дворец здесь большой и крыт чистым золотом, так же точно, как у нас свинцом крыты дома и церкви. Стоит это дорого – и не счесть! Полы в покоях, а их тут много, покрыты также чистым золотом, пальца два в толщину; и все во дворце, и залы, и окна покрыты золотыми украшениями.

Дворец этот, скажу вам, безмерное богатство, и диво будет, если кто скажет, чего он сто́ит!

Жемчугу тут обилие; он розовый и очень красив, круглый, крупный; дорог он так же, как и белый. Есть у них и другие драгоценные камни. Богатый остров, и не перечесть его богатства.

Когда великому хану Кублаю [Хубилаю], что теперь царствует, порассказали об этих богатствах, из-за них захотел он завладеть этим островом. Послал он сюда двух князей со множеством судов, с конным и пешим войском. Одного князя звали Абатан, а другого Вонсаничин, были они и разумны, и храбры. Что же вам сказать?

Вышли они из Зайтона и Кинсая [Цюань-чжоу и Ханчжоу], пустились в море, доплыли до острова и высадились на берег. Захватили они много равнин да деревень, а городов и замков не успели еще взять, как случилось с ними вот какое несчастье; зависть была промеж них, и один другому не хотел помогать; подул раз сильный ветер с севера, и стала тут говорить рать, что следует уходить, не то все суда разобьются; сели на суда и вышли в море; не проплыли и четырех миль, как прибило их к небольшому острову; кто успел высадиться, спасся, а другие погибли тут же.

Японский император (средневековый японский рисунок)

Высадилось на остров около тридцати тысяч человек, да и те думали, что погибли, и очень тосковали; сами уйти не могут, а уцелевшие суда уходят на родину. И плыли те суда до тех пор, пока не вернулись к себе.

Оставим тех, что уплыли, и вернемся к тем, кто остался на острове и почитал себя погибшим.

Глава CLX

Как воины великого хана спаслись от морской бури и взяли город Лорк

Те тридцать тысяч воинов, что высадились на остров, почитали себя погибшими, потому что не знали, как им уйти оттуда. Злобствовали они, сильно тосковали и не знали, что им делать.

И так-то они поживали на том острове. Услышали царь большого острова и его подданные [японцы], что войско рассеяно и разбито, а кто спасся – на маленьком острове; услышали они это и обрадовались; как только море успокоилось, сели они на свои суда и прямо поплыли к маленькому острову; высадились на берег, с тем чтобы захватить всех, кто там. А те тридцать тысяч воинов увидели, что враг высадился на берег и сторожить суда никто не остался; как умные люди, пока враг шел захватывать их, прошли другою стороной, добрались до судов да и забрали их. А так как суда никто не сторожил, то и нетрудно им было это сделать.

Что же вам еще сказать? Сели они на суда и от этого острова поплыли на другой. Высадились на берег со знаменами и значками тамошнего царя, да так и пошли к столице; народ видит свои знамена, по истинной правде, думает, что царское войско идет, и впускает врага в город. В городе оставались одни старики. Взял враг город, всех повыгнал, оставил себе только красивых жен. Вот так-то, как вы слышали, рать великого хана захватила этот город.

Узнал царь со своим народом, что город взят и дела пошли так, и жизнь стала ему не мила. Вернулся он на других судах к себе на остров, обложил город со всех сторон, и никому нельзя было ни взойти в город, ни выйти оттуда. Что же вам сказать? Семь месяцев держалась рать великого хана в том городе, днем и ночью ухищрялись воины известить великого хана о своем деле и ничего не могли поделать. Видят воины, что делать им нечего, и заключили мир с осаждавшими: спасая свою жизнь, сдались все, да еще с тем, чтобы до конца жизни не уходить с острова. Случилось это в 1269 г. по Р. Х., и было все так, как вы слышали.

Великий хан приказал одному князю – начальнику – отрубить голову, а другого отослал на тот остров, где он погубил стольких людей, и там казнил. Великий хан сделал это, потому что узнал, как он вел себя нехорошо в том деле.

Расскажу вам об одном великом чуде. В одном замке на том

острове два князя захватили много народу; и когда люди не захотели сдаваться, приказали они всех перебить, головы всем отрубить. Так и было сделано; отрубили всем головы, только осьми человекам не могли отрубить, и вышло так от силы тех камней, что были на них: у каждого в руке, между мясом и кожею, было по камню, а снаружи его было не видать. Камни те были заколдованные; была в них такая сила: на ком такой камень, не умереть тому от железа. Сказали князьям, что от железа те восемь человек не погибнут; велели тогда князья перебить их палицами, а по смерти вытащить из их рук те камни; и ценили они их дорого.

Японский лучник (средневековый японский рисунок)

Вот так, как я вам описал, случилось все это, и рать великого хана была разбита. Оставим это и станем продолжать нашу книгу.

Глава CLXI

Здесь описывается, каков вид у идолов

В Катае, в Манги [Манзи] и на этом острове [Японии] идолы, знайте, одинаковые. На этих островах и в других местах есть идолы с бычачью голову, а у иного свиная, или собачья, или баранья, бывают они и всяких других видов; у иного голова с четырьмя лицами, а у другого три головы: одна, как следует, на месте, а другие две по обе стороны на плечах. У иного идола четыре руки, а то и десять, не то и тысяча. То самые лучшие, им всего более молятся. Когда христианин их спрашивает, зачем они делают разно своих идолов, они отвечают: такими идолы от дедов достались, такими и мы завещаем их детям и тем, кто будет после нас. Разных бесовских дел за этими идолами много; рассказывать об этом не станем в нашей книге; христианам не годится и слушать-то об этом.

Оставим поэтому идолов и расскажем о другом.

Но вот что хочу, чтобы вы знали: когда идолопоклонники на этих островах полонят врага, а он деньгами выкупиться не может, сзывают они своих родных и друзей. «Приходите, – говорят им, – к нам в дом обедать». Убивают они тут пленного и вместе с родными сжигают его. Варят они его и, знайте, человеческое мясо почитают за самую лучшую еду. Оставим это и вернемся к нашему рассказу.

А море, где эти острова, называется Чинским, это значит, что оно вокруг Манги. На языке этих островов Чином на востоке зовется Манги.

Умные рыбаки да знающие мореходы, что здесь плавали и истинную правду ведают, говорят: в этом море семь тысяч четыреста сорок восемь островов, и на многих люди живут. На всех этих островах, скажу вам, нет дерева не пахучего и не полезного так же, как алоэ, а иное и полезнее. Всяких дорогих пряностей тут много. Родится тут перец, белый как снег, много также черного. А сколько тут золота и других драгоценностей, так это просто диво!

Острова эти далеко, истомишься плыть до них. Бойко и прибыльно торгуют тут суда из Зайтона и Кинсая [Цюаньчжоу и Ханчжоу]; целый год идут они сюда, выходят зимою, возвращаются летом; тут два ветра; один приносит их сюда, а другой гонит назад: один летний, другой зимний. До Индии отсюда тоже очень далеко.

Скажу вам еще, хотя и говорил я, что это море зовут

Чинским, но, знайте, это море-океан. Словно как у нас море зовется и Английским, и Рошельским, так и тут зовут его и Чинским, и Индийским, и иначе, и все то части моря-океана.

Об этих местах и островах рассказывать не станем; дороги туда нелегкие, да и не были мы там. У великого хана, скажу вам еще, дел тут никаких нет, податей он здесь не сбирает, а потому вернемся в Зайтон и оттуда начнем нашу книгу.

Глава CLXII

Здесь описывается страна Чинаба [Чамбо]

От пристанища Зайтон на юго-запад, через тысячу пятьсот миль, страна Чианба. Страна большая, богатая. Здесь и свой царь, и свой особенный язык. Живут там идолопоклонники; великому хану каждый год платят они дань слонами; кроме слонов, другого не дают. Расскажу вам, как этот царь стал платить великому хану дань.

В 1278 г. по Р. Х. послал великий хан на царя Чианбаны [Чамбо] одного из своих князей Сугату с большим войском, конным и пешим. Стало то войско разорять царство. Царь был очень стар; такой силы, как у великого хана, у него не было, в открытом поле защищаться он не мог; защищался он в городах да в крепких замках; там он ничего не боялся, а все открытые поля да селения

были разрушены и разорены. Видит царь, что враг разоряет и разрушает его царство, и затосковал. Послал он к великому хану с такими словами, как вы услышите; пришли гонцы к великому хану и говорят ему:

«Государь, кланяется тебе, как своему государю, царь Чианбы и сказывает, что стар он и много времени царил мирно, готов тебе подчиниться и каждый год платить дань многими слонами; молит он о пощаде и жалобно просит, чтобы князь с ратью, что разоряют его царство, уходили из его земли».

Замолчали гонцы и больше ничего не сказали. Выслушал великий хан слова старого царя и сжалился над ними. Приказал он своему князю и рати уходить из того царства и идти покорять другие страны. Веление великого хана те исполнили и тотчас же ушли в другие страны.

Здешний царь каждый год посылает великому хану вместо дани двадцать слонов, самых лучших и самых больших, каких только может достать в своей стране. Вот так-то, как вы слышали, подчинился здешний царь великому хану и стал платить ему дань слонами.

Оставим это и расскажем о делах здешнего царя и его страны. В этом царстве, знайте, ни одна девушка, прежде нежели ее увидит царь, не смеет выйти замуж; если она понравится царю, он берет ее себе в жены, а коли нет, дает денег, чтобы выходила замуж. В 1285 г. по Р. Х., скажу вам, когда я, Марко Поло, был там, у царя в мое время было триста двадцать шесть всех детей, сыновей и дочерей, а из них более полутораста могли бы быть

воинами.

Слонов и алоэ тут много. Лесов у них много, и есть там эбеновое дерево; оно очень черно; делают из него шахматы и чернильницы.

Больше об этой стране нечего рассказывать в нашей книге, а потому оставим это, пойдем вперед и опишем вам Яву, большой остров.

Глава CLXIII

Здесь описывается большой остров Ява

Через тысячу пятьсот миль на юг и юго-восток от Чианбы [Чамбо] остров Ява. Так рассказывают сведущие мореходы, а они это знают. То самый большой на свете остров, в округе более трех тысяч миль; владеет им большой царь; живут здесь идолопоклонники и никому в свете дани не платят. Остров очень велик.

Водятся у них и перец, и мускатные орехи, и пряности, калган, кубеба, гвоздика и всякие, какие только есть в свете, дорогие пряности. Приходят сюда много судов и купцов, закупают тут товары и наживаются. Богатства здесь столько, что никому в свете ни счесть, ни описать его. Великий хан острова не мог захватить оттого, что путь сюда далек, да и плавание опасно. Большие богатства вывезли отсюда купцы Зайтона [Цюаньчжоу] и Манги и все еще вывозят золото.

Довольно порассказали вам об этом острове, пойдем вперед.

Глава CLXIV

Здесь описываются острова Сардан и Кандур [ПулоКондор]

На юге и юго-востоке от Явы, через семьсот миль, – два острова, Сондур и Кондур, один побольше, другой поменьше.

На юго-восток от них, в пятистах милях, большая и богатая область Лошак; владеет ею великий царь, а живут тут идолопоклонники, язык у них свой собственный. Дани они никому не платят; живут в таком месте, куда никто не может зайти и зла им наделать. Великий хан давно подчинил бы их себе, если бы легко было сюда пройти. Много тут растет бразильского дерева. Кто не видел, не поверит, сколько у них золота. Есть тут и слоны, и разная дичина. Из этого царства вывозят те раковины, что вместо денег ходят в областях, о которых я вам рассказывал.

Больше нечего рассказывать. Говорил уже вам, место дикое; мало кто сюда заходит. Царь не хочет, чтобы сюда ходили да узнавали об его богатстве и об его делах.

Оставим это и расскажем о другом.

Глава CLXV

Здесь описывается остров Пентам [Бинтан]

На юге от Локака в пятистах милях остров Пентам. Место очень дикое. В здешних лесах все деревья пахучие.

Оставим это и пройдем еще шестьдесят миль между двух островов. Воды тут четыре шага в глубину; большие суда, когда проходят здесь, поднимают руль, потому что они сидят в воде почти что на четыре шага. В шестидесяти да еще в тридцати милях на юго-восток есть остров, а там царство; город зовется Маланир, а остров Пентам. Есть тут царь и свой особенный язык. Город большой, знатный; шибко тут торгуют всякими товарами и пряностями, а их тут много.

Больше нечего рассказывать, а потому пойдем вперед и расскажем вам о Малой Яве вот что.

Глава CLXVI

Здесь описывается остров Малая Ява [Суматра]

На юго-восток от Пентама [Бинтана] в ста милях остров Малая Ява. Остров этот, однако же, не так-то мал, в округе более двух тысяч миль. Расскажем вам о нем всю правду. Там восемь царств и восемь венчанных царей; все они идолопоклонники; в каждом царстве свой язык. Богатств и всяких пряностей тут много; есть тут и алойное дерево, и такие пряности, какие в наши страны не заходят.

Хочу порассказать вам по порядку о здешних обычаях и скажу, во-первых, об одном, что всякому диковинным покажется. Знайте, по истинной правде, остров этот так далеко на юг, что Полярная звезда совсем невидима, ни мало ни много.

Вернемся к здешним обычаям и прежде всего расскажем о царстве Ферлек. В этом царстве у сарацинских купцов есть оседлость; они приходят сюда на своих судах и горожан обратили в Мухаммедову веру; а горцы, как звери; скажу вам о них по истинной правде; едят они человеческое мясо, да и всякое, худое и хорошее. Молятся они разным вещам; как встанет утром, первое, что увидел, тому и молится.

Рассказал вам о царстве Ферлек [Перлак], теперь опишу царство Басман. Как выйдешь из Ферлека, тут царство Басма. Басма [Песанган] – особое царство, и язык тут особенный; люди точно звери, никакого закона у них нет. Слывут они за подвластных великому хану, но дани ему никакой не платят. До них добраться далеко, и люди великого хана сюда не могут заходить. Но весь остров народ почитает собственностью великого хана и иной раз посылает ему разных диковинных вещей в подарок.

Водятся тут дикие слоны и единороги, ничуть не менее слонов; шерсть у них, как у буйвола, а ноги – слона, посреди лба толстый и черный рог; кусают они, скажу вам, языком; на языке у них длинные колючки, языком они и кусают. Голова, как у дикого кабана, и всегда глядит в землю; любит жить в топях да по болотам. С виду зверь безобразный. Не похожи они на то, как у нас их описывают; не станут они поддаваться девственнице: вовсе не то, что у нас о них рассказывают. Много тут всяких, с виду разных, обезьян. Водятся тут ястреба, черные, как вороны; они большие и на охоте хороши.

Единорог и девственница (средневековая миниатюра)

Скажу вам, совсем неправда, что маленькие люди вывозятся из Индии; делают их на этом острове вот как: водятся тут очень маленькие обезьяны с человеческим лицом; наловят их да выщипывают им волосы; на бороде да на груди оставляют только волоса. А потом их высушивают, набивают да вымазывают шафраном и кое-чем другим, и делаются они, точно люди. И это большой обман; делают их вот так, как вы слышали. Таких маленьких людей, как эти, ни в Индии, ни в какой самой дикой стране не видано было.

Оставим это царство, рассказывать тут больше нечего. Расскажем о другом царстве, Самара [Самудра].

Глава CLXVII

Здесь описывается царство Самара [Самудра]

Как выйдешь из Басмы [Песанган], тут царство Самара, на том самом острове, где я, Марко Поло, прожил пять месяцев за непогодою; мешала она нам плыть дальше. Полярная звезда здесь совсем не видна, да северо-западная ни мало ни много не видна. Живут тут идолопоклонники, говорят, что подвластны великому хану; а царь у них сильный, богатый.

Прожили мы здесь пять месяцев вот как: вышли на берег и выстроили себе крепости из лесу; там и жили, потому что боялись этих злых людей; жрут они людей, как звери.

Рыба здесь самая лучшая в свете. Пшеницы у них нет, едят они рис. Вино у них вот какое: есть у них особенные дерева: срежут они ветку с такого дерева, под тот нарез, откуда ветка была срезана, ставят большой горшок, и в один день и в одну ночь горшок наполняется, и вино то вкусное. Дерева похожи на маленькие финиковые [пальмы]; и много в них того хорошего вина, о котором я рассказывал. Вот еще что: если срежут ветку и вино не потечет, то берут воду и поливают корни; и через малое время вино из веток опять потечет. Бывает оно красным и белым. Индийских [кокосовых] орехов, больших, хороших и дурных, тут много.

Всякое мясо тут едят, и хорошее, и дурное.

Рассказали вам об этом царстве, оставим его и опишем Даграиан [Индрагири?].

Глава CLXVIII

Здесь описывается царство Даграиан [Индрагири?]

Даграиан – особенное царство, и язык тут свой особливый; оно на том же острове, и есть там свой царь. Народ здесь очень дикий; почитает себя подвластным великому хану. Здешние люди идолопоклонники, и вот какой дурной обычай у них: когда кто, мужчина или женщина, заболеет, родные зовут магов и просят узнать, выздоровеет ли больной; маги колдовством да через своих идолов узнают, выздоровеет ли он или помрет; и вот тогда родные призывают людей, чтобы взяли они умирающего, положили бы ему что-нибудь на рот, и задохся бы он оттого; а как помрет он, родные его жарят; сойдутся все и съедают его всего, даже мозг в костях, чтобы ничего не оставалось. Если что-нибудь останется, говорят они, так черви заведутся и пропадут оттого, что жрать им нечего, а на душе покойника грех будет и вред ей; поэтому-то и съедают они покойника. А как поедят, соберут кости, сложат их в ящичек и несут в горы, в пещеры, в такое место, где ни зверь, ни какой злодей их не тронет, там и повесят. Скажу вам еще, коли могут, так берут в плен иноземцев, а если те не могут выкупиться, они их убивают и съедают. Обычаи и нравы тут очень скверные.

Рассказал вам об этом царстве, оставим это и опишем Лабри.

Глава CLXIX

Здесь описывается царство Лабрин [Лямури]

В царстве Ланбри свой царь; он говорит, что подвластен великому хану. Живут тут идолопоклонники. Много здесь бразильского дерева, камфоры и всяких дорогих пряностей. Бразильское дерево, скажу вам, они сеют, а как покажется росток, они его вырывают и сажают в другое место, где и оставляют на три года, а потом вырывают со всеми корнями. Семена эти, скажу вам по истинной правде, привезли мы в Венецию и посеяли их, да от холоду ничего не родилось.

Расскажу вам еще вот о какой диковине: в этом царстве, по истинной правде, есть люди с немохнатыми хвостами, длиною в пядь. Их тут много, живут они в горах, а не в городах. Хвост у них толстый, как собачий. Много тут единорогов и всякой дичины, звериной и птичьей.

Рассказывали вам о Ланбри, пойдем дальше и опишем Фансур [Барус].

Глава CLXX

Здесь описывается царство Фансур [Барус]

В царстве Фансур свой царь; живут тут идолопоклонники и считают себя подданными великого хана. Царство это на том же острове. Родится тут самая лучшая камфора; продается она на вес золота. Здесь нет ни пшеницы, ни других хлебов; люди едят рис да молоко; есть у них и то древесное [пальмовое] вино, о котором я уже говорил. Вот еще о какой диковине нужно упомянуть: в этом царстве есть мука из дерев. Добывают ее вот как: есть тут особенные, большие и толстые деревья, и полны они муки. Кора у них тонкая, а внутри одна мука; из нее они делают вкусное тесто. Много раз мы его пробовали и ели.

Рассказали вам о царствах в этой части острова, а о прочих, в других частях, ничего не скажем, там мы не были; а так как мы там не были, то оставим это и расскажем об очень маленьком острове Гавениспола.

Глава CLXXI

Здесь описывается остров Некаран [Никобар]

На север от Явы и от царства Ланбри [Лямури] в ста пятидесяти милях есть два острова; один из них зовется Некуверан. Царя тут нет, и народ словно звери: и мужчины и женщины ходят голыми и совсем ничем не прикрываются; они – идолопоклонники. Во всех их лесах, скажу вам, большие и дорогие деревья. Есть у них красное сандальное дерево, индийские орехи, гвоздика, бразильское дерево и множество других хороших деревьев.

Больше нечего рассказывать, а потому пойдем отсюда и расскажем о другом острове, Ангаман [Андаман].

Глава CLXXII

Здесь описывается остров Агаман [Андаман]

Ангаман – очень большой остров. Царя тут нет. Живут тут идолопоклонники, и они словно дикие звери. Следует упомянуть в нашей книге об одних людях: знайте, по истинной правде, у всех здешних жителей и головы, и зубы, и глаза собачьи; у всех них головы совсем как у большой собаки. Много тут пряностей. Злые тут люди; иноземцев, коль поймают, поедают. Едят они молоко и всякое мясо. А здешние плоды не такие, как у нас.

Рассказали об этих разных народах, опишем теперь другие и расскажем об острове Цейлоне.

Глава CLXXIII

Здесь описывается остров Цейлон

От острова Ангаман [Андаман] на юго-запад в тысяче милях остров Цейлон, поистине самый большой в свете. В округе две тысячи четыреста миль, а в старину он был еще больше, три тысячи шестьсот миль: так это значится на карте здешних мореходов. Дует здесь сильный северный ветер, и большая часть острова от того потоплена, и стал он меньше, чем в старину.

Расскажем вам о делах этого острова. Есть тут царь, зовется он Сендемаин; народ – идолопоклонники, и никому дани не платит. Ходят они нагишом и прикрывают одни срамные части. Из хлебов у них только рис; водится у них сезам, из него они делают мясо. Едят молоко, мясо и рис; есть тут и то [пальмовое] вино, о котором я рассказывал. Есть у них очень много бразильского дерева, лучшего в мире.

Оставим это и расскажем о самой дорогой в свете вещи. Самые дорогие и самые красивые рубины родятся тут; нигде таких не родится; водятся здесь сапфиры, топазы, аметисты и много всяких дорогих каменьев.

Самый красивый в свете рубин у здешнего царя; такого никто не видел, да и увидеть трудно; он вот какой: в длину он с пядь, а толщиной в человеческую руку. На вид самая яркая в свете вещь, без всяких крапин, и красен, как огонь, а дорог так, что на деньги его не купить. Великий хан, скажу вам по правде, присылал к этому царю своих гонцов и наказывал о том, что хочет купить тот рубин: коль царь пожелает его отдать, так великий хан прикажет ему уплатить то, что стоит большой город. Царь отвечал, что не отдаст рубина ни за что на свете: рубин тот дедовский, и ни за какую цену в свете его не уступит. Люди тут не мужественны, слабы и трусливы. Случится надобность, они нанимают воинов в других странах и у сарацин.

Больше нечего рассказывать, а потому пойдем вперед и расскажем о Маабаре [Коромандельском береге].

Псоглавцы (французская миниатюра XIV в.)

Псоглавцы (средневековый рисунок)

Глава CLXXIV

Здесь описывается большая область Маабар [Коромандельский берег]

На западе от Цейлона в шестидесяти милях большая область Маабар; называется она Великой Индией; это лучшая часть Индии, на твердой земле. В этой области пять царей; все они кровные братья; о каждом скажем особливо.

Страна эта самая славная и самая богатая в свете, и по правде сказать, так вот почему: в конце области царствует один из братьев Сендер-банди Давар. В царстве его водится прекрасный и крупный жемчуг; отыскивают и собирают его так: в том море, между островом и твердою землей, есть пролив, и повсюду он не глубже десяти или двенадцати шагов, а в ином месте и не более двух. Тут-то и ловится жемчуг, и вот как это делается: начиная с апреля и до половины мая плавают они туда на больших и малых судах, сначала пристанут к Бетталару, а потом идут в море, за шестьдесят миль, там становятся на якорях, пересаживаются в маленькие лодки; тут начинается лов. Много здесь купцов; составляют они общества, нанимают людей и платят им жалованье с апреля до половины мая, во все время лова. А налог купцы платят вот какой: прежде всего царю дают десятую долю; платят они еще и тем, кто заколдовывает рыбу, чтобы не вредила она людям, ныряющим в воду за жемчугом. Им они дают двадцатую долю. Абривамаины заколдовывают рыбу на день, а ночью заговор не действует, и рыба делает, что хочет; абрайамаины [брахманы] заколдовывают всех зверей, всех птиц и всех животных. Нанятые купцами люди садятся в маленькие лодки и оттуда ныряют под воду, иной уйдет вглубь на четыре шага, а то на пять, и так до двенадцати, и сколько вытерпят, столько времени и остаются там; на дне морском они подбирают раковины, что называются морскими устрицами. В этих устрицах находится жемчуг всех родов, крупный и мелкий; жемчужины в мясе этих раковин. Вот так они ловят жемчуг; и не пересказать, какое его тут множество.

Здешний жемчуг расходится по всему свету. Собирает с него здешний царь большой налог и великое богатство. А с половины мая, скажу вам по правде, больших раковин с жемчугом уже более нет; подальше, в трехстах милях, они есть, и ловят их там с сентября до половины октября.

Во всей стране Маабар никто не умеет кроить и шить; круглый год люди ходят тут нагишом. Погода тут завсегда

славная, и не холодно, и не жарко, поэтому-то и ходят они голыми; одни срамные части закрывают лоскутом полотна. Как другие, так и царь ходит, но есть на нем вот еще что: ходит он голым, только свои срамные части хорошим полотном прикрывает, да на шее у него ожерелье из драгоценных камней; тут и рубины, и сапфиры, и изумруды, и другие дорогие камни. Стоит это ожерелье дорого. У царя на шее еще шнурок из тонкого шелку, шаг в длину, и на том шнуре сто четыре крупных и красивых жемчужины да рубины дорогой цены. А сто четыре камня на том шнуре вот почему: по их закону и обычаю каждый день, утром и вечером, следует сказать сто четыре молитвы в честь идолов; так делали другие цари, его деды, так и ему завещали исполнять; потому-то царь носит сто четыре камня на шее. На руках у царя по три золотых запястья с дорогими камнями и с крупным жемчугом высокой ценности; а на ногах у царя по три таких же золотых кольца с дорогими каменьями и жемчужинами. Просто удивительно, сколько славных жемчужин и дорогих каменьев на этом царе! Да как вам сказать? Камни да жемчужины, что на царе, сказать по правде, стоят побольше иного хорошего города. Чего все это стоит, ни счесть, ни пересказать никто не может. Неудивительно, что на нем всего этого столько: все эти дорогие камни и жемчуги в его же царстве находятся. Скажу вам еще, никто не смеет вывезти из этого царства ни одного большого и дорогого камня и ни одной жемчужины весом свыше пол saie. Каждый год царь объявляет по своему царству, чтобы все, у кого хорошие жемчужины и дорогие камни,

приносили их ко двору, двойная цена будет за них платиться. В этом царстве такой обычай, за хорошие камни платится вдвое; и купцы, и все, у кого хорошие и красивые камни, охотно несут их ко двору: там за них хорошо платят; оттого-то у царя такое богатство и так много дорогих камней.

Расскажу вам теперь о других диковинках; у царя пятьсот законных жен. Увидит он красивую женщину или девушку, и коль она ему понравится, берет он ее себе. Случилось здесь вот что: увидел царь у брата красавицу-жену, взял ее себе и не отпускал. А брат был человек умный, стерпел и шума не поднимал. У царя есть и другая диковина: много у него верных слуг, да таких, что верны ему, по их словам, и в здешнем мире, и за гробом. Служат они царю при дворе, ездят с ним, всегда около него; куда бы ни пошел царь, они за ним; в царстве у них большая власть. Помрет царь, и когда тело его сжигается на большом костре, все князья, что были его верными друзьями, бросаются в огонь, там и сжигаются, чтобы не расставаться с ним на том свете. Вот еще какой тут обычай: когда после царя останется большое богатство,

сын ни за что в свете не тронет его, а говорит: «Досталось мне отцовское царство и весь народ, могу, так же как и он, нажить богатство». Так-то здешние цари не тратят своих богатств, один другому передают их; каждый копит; потому-то здесь такое великое богатство.

Кони здесь не водятся и весь годовой доход или большая его часть расходуется на покупку лошадей, и вот как это делается: купцы из Курмоза [Ормуз], Киша [Кейс], Дуфара [Зафар], Соера [Эс-Сохар], Адена и из всех тех областей, где много коней, ратных и всяких других, закупают там хороших лошадей, ставят их на суда и привозят их этому царю и его четырем братьям-царям; продают они их по пятьсот золотых saie каждого, что составляет более ста серебряных марок. Ежегодно царь покупает тысячи две коней и побольше; столько же покупают братья; а к концу года и ста коней у них не остается, остальные околевают; коновалов у них нет, ходить за лошадьми не умеют, от дурного ухода и падеж на коней; а купцы, что привозят коней на продажу, коновалов сюда не пускают и с собой их не привозят; желательно им, чтобы кони не водились у царей.

В этом царстве вот еще какой обычай: если кто учинит какое злодейство, за что смерть полагается, и царь прикажет его казнить, объявляет тогда приговоренный к смерти, что желает сам себя убить в честь идолов и из любви к ним. Царь соглашается, и вот тогда родные и друзья преступника сажают его на колесницу, дают ему двенадцать ножей, возят по всему городу и возглашают: «Сей храбрец пожелал сам себя убить из любви к таким-то идолам». Вот так-то, как я рассказал, носят они его по всему городу, а как придут к тому месту, где расправа чинится, приговоренный к смерти берет нож и громко кричит: «Из любви к таким-то идолам убиваю себя». После того берет нож и перерезает одну руку, а потом другим ножом другую руку; третий нож всаживает в живот. Что же вам еще сказать? Режет он себя ножами до тех пор, пока не помрет, а как помрет, родные в великой радости сжигают его тело.

Расскажу вам и о другом обычае в том же царстве: когда кто умрет и тело его сжигают, жена бросается в огонь и вместе с мужем сжигается; таких жен много похваляют. Сказать по правде, много жен делают то, что я вам сейчас рассказал. Здешний народ молится идолам, а многие быку; бык, говорят они, самая славная тварь. Мясо его ни за что в свете не станут есть, и никто никаким образом не убьет его.

Есть тут особенные люди, зовутся они гуи; едят они говядину, но быка убивать не смеют; коль бык сам собою пал или другой кто его зарезал, тогда они его мясо едят. Свои дома они мажут

бычачьим жиром.

Есть у них вот еще какой обычай: и царь, и его князья, да и все люди сидят на земле; а спросишь их, почему они не сядут попочетнее, отвечают они, что на земле сидеть всего почетнее: из земли мы вышли, туда вернемся; слишком много почтить землю никто не может, и никто не смеет ее презирать.

Гои [парии], скажу вам, что едят мясо павших быков, суть те самые люди, чьи предки убили апостола св. Фому. Все эти гои, скажу вам еще, в то место, где покоится тело св. Фомы, входить не могут, и десяти, и двадцати человекам не удержать одного гоя в том месте, где покоится тело св. Фомы; по силе святого тела не приемлет их то место.

Кроме рису, другого хлеба в этом царстве нет.

Еще об одной диковине нужно рассказать: знайте, тут от сильного жеребца да сильной кобылы – жеребенок с кривыми ногами, ни на что не годен, а ездить на нем нельзя.

Здешние люди на войну ходят с копьями и пиками, совсем голые; ни удали, ни храбрости у них нет; слабы они и трусы. Ни зверей, ни скота они не бьют, а захочется им баранины поесть, или другого мяса, или птицы, так убивать заставляют сарацин или других людей не их веры и обычая. Есть у них и такой еще обычай: каждый день

дважды, утром и вечером, все мужчины и женщины моются и, не омывшись, не станут ни есть, ни пить; а кто дважды в день не моется, тех они почитают за еретиков. В этом царстве убийц, воров и вообще всех преступников судят строго. Вина не пьют многие, а кто пьет или по морю плавает, порукою быть не может; кто в море ушел, говорят они, тот отчаянный. А сластолюбие за грех не почитают.

И такая тут жара, просто диво! Поэтому-то народ и ходит нагишом.

Дожди бывают только в июне, июле и августе, они освежают воздух; не будь их, стояла бы тут такая жара, какой никому не вынести; от дождей и нет тут такой жары.

Есть у них много сведущих в физиономике: по виду узнают человека и женщину, их хорошие и дурные свойства; что значит повстречать зверя или птицу, толкуют хорошо. В приметы никто в свете больше их не верит; знают они и хорошие, и дурные. Пошел ли кто в дорогу и заслышал скворца, коль это ему показалось за хорошую примету, он идет далее, а если нет, так он присядет, не то и совсем вернется.

В этом царстве, скажу вам еще, как только родится ребенок, мальчик или девочка, тотчас отец или мать приказывают записать его рождение – день, месяц, в какую луну и в какой час, и все это

оттого, что крепко верят в астрономию да в тех звездочетов, кто знает колдовство, магию, геомантию. Есть тут и в астрономии сведущие.

В этом царстве и во всей Индии звери и птицы на наших не похожи. Только перепел такой же, как у нас, а все другое на наше не похоже. Скажу вам, по истинной правде, есть у них летучие мыши; птицы эти летают по ночам, и без перьев и крыльев; они с ястреба; а ястреба здесь черны, как вороны, и гораздо больше наших; летают быстро и для охоты хороши.

Вот еще о чем нужно рассказать: лошадей своих, знайте, они кормят жареным мясом с рисом и с другими приправами.

В монастырях у них много идолов, мужского и женского пола; много девок отдаются идолам, и делается это так: родители отдают девку тому идолу, кому они всегда больше молятся; а как отдадут девку, всякий раз, как монахам идольского монастыря понадобятся подаренные идолам девки, они приходят в монастырь потешать идолов, сойдутся туда и начинают петь, плясать и пировать. Таких девок много; сходятся они много раз в неделю и в месяц. Те же девки носят еду идолам, кому они отданы. Еду они носят и идола угощают вот так: наготовят мяса, всякой другой вкусной еды и понесут своему идолу в монастырь, расставят еду на столе перед ним и дадут ей постоять некоторое время, а сами меж тем поют, пляшут и, если можно, тешатся; а как пройдет столько времени, сколько нужно большому господину, чтобы поесть, тогда девки говорят, что дух идола съел сущность еды, возьмут яства и начинают вместе весело пировать, а после того каждая идет к себе домой. Так девка живет, пока какой-нибудь князь не возьмет ее замуж; а девок этих, что все так делают, как я вам рассказал, в этом царстве много.

О делах, нравах и обычаях этого царства порассказали довольно; теперь пойдем отсюда и опишем другое царство, Мутифили [Телингана].

Глава CLXXV

Здесь описывается царство Мосул [Телингана]

На север от Менебара, за тысячу миль – царство Мутфили; правит тут мудрая царица. Сорок лет тому назад умер царь, ее супруг, и так как она мужа сильно любила и всех благ ему желала, то и объявила, что богу не угодно, чтобы она замуж выходила, ибо тот, кого она больше себя любила, помер. По этому самому она и не выходила замуж. Все эти сорок лет правила царица мудро, по правде и по справедливости; точно так управлял ее супруг. Никогда ни одного царя и ни одну царицу не любили так, как ее.

Живут тут идолопоклонники и дани никому не платят. Едят тут рис, мясо и молоко. В этом царстве находят алмазы, и, скажу вам, вот как: много тут гор, где находят, как вы услышите, алмазы. Пойдет дождь, вода и потечет ручьями по горам да по большим пещерам, а как перестанет и только что вода сойдет, идут люди искать алмазы в тех самых руслах, что вода понаделала, и много их находят. А летом, когда тут нет ни капли воды, много алмазов находят в горах; но жара тогда тут нестерпимая. В этих горах, скажу вам, больших да толстых змей многое множество, и ходят туда люди с опаскою, но если могут, так все-таки идут и находят там большие и крупные алмазы. Змеи, скажу вам, злые и очень ядовитые; в те пещеры, где они водятся, люди не осмеливаются ходить, а алмазы добываются оттуда другим способом. Есть тут большая глубокая долина, а кругом в скалах пещеры; ходить туда никто не осмеливается, и люди делают вот что: берут они куски мяса и бросают их в глубокую долину; мясо попадает на множество алмазов, и они пристают к нему.

В этих горах водится множество белых орлов, что ловят змей; завидит орел мясо в глубокой долине, спускается туда, схватит его и потащит в другое место; а люди между тем пристально смотрят, куда орел полетел, и как только он усядется и станет клевать мясо, начинают они кричать что есть мочи, а орел боится, чтобы его невзначай не схватили, бросит мясо и улетит. Тут-то люди подбегают к мясу и находят в нем довольно-таки алмазов. Добывают алмазы и другим еще способом: орел с мясом клюет и алмазы, а потом ночью, как вернется к себе, вместе с пометом выбрасывает те алмазы, что клевал; люди ходят туда, подбирают орлиный помет и много алмазов находят в нем. Тремя, как вы слышали, способами добывают алмазы. Нигде в свете, только в

этом царстве водятся алмазы; их тут много, и все хорошие. Не думайте, чтобы лучшие алмазы шли в наши христианские страны; несут их к великому хану, к царям, князьям здешних стран и царств; у них большие богатства, они и скупают все дорогие камни. Рассказал вам об алмазах, опишу теперь другое. Ткут здесь отличный бокоран, самый красивый и самый тонкий в свете, самый дорогой и словно как из овечьей шерсти. Все цари или царицы одеваются в него, так он красив и наряден. Скота, всяких харчей тут много, и самые большие в свете здесь бараны.

Больше говорить нечего, пойдем из этого царства и расскажем о том месте, где покоятся мощи св. Фомы, апостола.

Глава CLXXVI

Здесь описывается то место, где покоятся мощи св. Фомы, апостола

Мощи св. Фомы в области Меабар, в маленьком городке, куда никто, даже купцы не заходят, товаров на вывоз отсюда мало. Место глухое, но много и христиан, и сарацин паломничает сюда. Здешние сарацины, скажу вам, в св. Фому верят крепко; рассказывают, что он был сарацином, великим пророком; называют его анаиран; это значит святой человек.

Расскажу вам вот о каком чуде: христианские паломники берут землю в том самом месте, где святой опочил, и эту землю они приносят к себе: у кого лихорадка, четырехдневная, или трехдневная, или всякая другая, тому они дают испить [воды] с той землей; и больной, как только напьется, исцеляется. И то же самое со всяким больным. А земля, знайте, красная.

Расскажу вам еще об одном великом чуде, что случилось в 1288 г. по Р. Х. У одного здешнего князя было много рису, и насыпал он его во все дома кругом церкви. Христиане, сторожившие церковь и святые мощи, видя, что князь-язычник засыпает рис в те дома и паломникам негде будет приставать, очень прогневались; стали они его просить, чтобы не делал он этого; а князь был жестокий, гордый, просьбы их не послушал и против их воли, а по своему желанию, все дома наполнил рисом. И как только он это сделал, вот какое великое чудо сотворилось: в ту самую ночь явился ему св. Фома с вилами. Приставил святой вилы к горлу князя да и говорит ему:

«О имя рек! Коль не опорожнишь моих домов, то злою смертью помрешь!»

Сказал это святой да вилами и сдавил сильно горло князю; почудилась князю сильная боль, чуть не умер; а св. Фома после того ушел. Поднялся князь ранехонько и приказал опорожнить все дома; рассказал он, как являлся ему св. Фома, и почиталось то за великое чудо. Возрадовались и возвеселились христиане; славили и благодарили св. Фому много; благословляли его имя. Чудеса тут творятся ежегодно; и всякий, кто услышит о них, признает их великими; калеки и расслабленные христиане исцеляются тут.

Расскажем вам теперь о том, как св. Фома был убит. Был святой вне своей обители, в лесу, и молился он там Господу Богу, а кругом него было много павлинов; павлинов здесь больше, нежели где-либо в свете. Молится святой, а какой-то язычник из

роду и племени гуи пустил из лука в павлина стрелу, около святого; не видел он святого и метил в павлина, а поранил святого в правый бок; а святой, пораненный, потихоньку стал славословить Создателя; от этой раны и скончался. Но прежде нежели он пришел сюда, много народу обратил он в Нубии. В свое время и в своем месте расскажем вам по порядку, в этой же книге, как все это случилось.

Новорожденных раз в неделю мажут здесь сезамовым маслом, чтобы они чернели; они и родятся черными, но чем чернее человек, тем красивее он почитается. Своих богов и идолов они изображают и рисуют черными, чертей белыми, как снег. Бог, говорят они, и все его святые черны; это про своего бога и про своих святых они говорят; а черти, говорят, белы; поэтому и рисуют их такими, как вы слышали. Идолов, скажу вам еще, они также изображают черными.

Здешние люди в быка крепко верят и святым его почитают, а потому, когда идут на войну, то берут волос от тех диких быков, о которых я вам рассказывал в другом месте. Конный навязывает те волосы на шею своей лошади, а пеший на щит, не то на шею; и верят, что те волосы спасут их, из трудностей выведут. Все, кто на войну идет, делают это; потому-то волосы эти дороги. У кого их нет, тот в себе не уверен.

Пойдем отсюда и расскажем вам об области абруемаинов [брахманов].

Глава CLXXVII

Здесь описывается область Лар [Конкан?], где абрайаманы [брахманы] родились

На западе от того места, где мощи св. Фомы покоятся, – область Лар, отсюда первоначально произошли все абрайаманы в свете; они самые лучшие в свете торговцы, честны, говорят только правду и ни за что не солгут. Мяса они не едят, вина не пьют и живут честно, по своему обычаю. Живут только со своими женами; чужого не берут, животных не убивают; что за грех почитают, того не делают. Все абрайаманы узнаются по знаку, что на них: все они носят на плече шнурок из бумажных ниток и, продев его по груди и спине, подвязывают под другую руку; где бы они ни были, по этому знаку всюду их узнаешь.

Есть тут богатый и сильный царь; охоч он покупать жемчуг и драгоценные камни.

С купцами он уговорился, за весь жемчуг, что принесут ему из мабарского [коромандельского] царства Соли, платит вдвое против того, за что они покупали. Соли – самая лучшая, самая славная область во всей Индии, и самый лучший жемчуг тут. Абрайаманы ходят в Мабар, скупают весь хороший жемчуг, что там найдут, и приносят его к царю; что он сто́ит, то объявляют по правде; царь платит двойную цену, никогда не меньше. Потому-то и приносят ему много хорошего и крупного жемчуга.

Абрайаманы – идолопоклонники; в приметы и в предвещания зверей и птиц верят больше всех на свете. Расскажу кое-что об этом. Вот какой у них обычай: всякий день в неделе отмечен особливою приметою; случится ли кому покупать, встанет он утром, посмотрит на свою тень и смерит ее; если тень в длину такова, как следует ей быть в тот день, он заключает торг, а если нет, он перестает торговаться и ждет, пока тень не дойдет до точки, как по закону следует. Установлено у них для всех дней недели, какой длины должна быть тень, и пока тень не станет так длинна, никто ни торга не заключит, и никакого дела не закончит. Вот еще диковина: торгуется кто-нибудь в доме или в другом каком месте и увидит тарантула (а их много тут); коль тот идет со стороны, что ему кажется благоприятной, тут же покупает товар, а если не с той стороны, перестанет торговаться и ничего не купит. А выйдет из дому, да заслышит чихание, и коль это покажется ему не к добру, то остановится и вперед не пойдет. Идет ли он по дороге и завидит, что летит ласточка навстречу или перед ним справа или слева, смотря по тому, летит ли она

по-ихнему из хорошего места, с доброй стороны, он идет вперед, или же поворачивает назад, коль покажется, что летит она из недоброй стороны.

Живут эти абрайаманы дольше других, и все оттого, что воздержанны и едят мало. Зубы у них славные, едят они какую-то траву, хороша она и для пищеварения, и для тела здорова. Эти абрайаманы кровь себе ниоткуда не пускают.

Есть тут особые люди, зовут их куигуи, живут они дольше других, от полутораста до двухсот лет, и крепки, куда захотят, могут идти; в монастыре все дела, все службы идолам исполняют, словно как юноши; и это от воздержанности да здоровой воды. Едят они больше рис и молоко. Чудным покажется вам то, что они едят: принимают они ртуть с серою; питье делают из этой смеси и говорят, что оно им прибавляет жизни; чтобы подольше жить, принимают то питье с детства. Кто долго живет, тот принимает это питье с серою и ртутью.

Есть особая вера в Мабаре; кто ее держится, очень воздержан, жизни суровой, строгой, и ходит голым, ничего нет на нем, и ничто не прикрыто. Молятся они быку, и многие на лбу носят маленького быка из меди или из бронзы с позолотою; привязывают его тут. Сжигают они кости быка, делают из них порошок и натирают им тело с таким же благоговением, с каким христиане святою водою. Из чашек и с тарелок не едят, а едят на листах или райского яблока, или на других больших, но не на зеленых, а на сухих. У зеленых листов, говорят они, есть душа, а потому грешно с них есть; всякой твари боятся они учинить что-либо грешное; скорее умрут, а не сделают того, что за грех почитают. А когда их спрашивают, зачем они ходят голыми и не стыдятся, они отвечают:

«Наги мы, потому что ничего в мире не вожделеем; родились мы на свет без одежды, нагими. Не сознаем за собою плотского греха, а потому не стыдимся своей наготы, так точно, как вы не стыдитесь выставлять своей руки или своего лица. Вы прикрываете свою наготу и стыдитесь, потому что сознаете свой плотский грех».

Так они отвечают тем, кто их спрашивает, отчего они не стыдятся ходить нагишом.

Скажу вам еще, никакой твари они не убивают, ни животного, ни мух, ни блох, ни свиней, ни червей. У всех них, говорят они, есть душа, и есть их потому грешно. Не едят они ничего зеленого, пока не высохнет, ни травы, ни корней; душа во всем зеленом.

Спят они на земле; ничего нет ни под ними, ни над ними; и просто удивительно, как они не умирают, а еще долго живут.

Есть у них духовные, что по монастырям живут и идолам

служат. Испытывают их так: призовут девок, что идолам подарены, и заставляют их обнимать и целовать приставленных к идолам; кто не раззадорится, того почитают за доброго и удерживают при себе, а кто разъярится, того не держат при себе, тотчас изгоняют и говорят, что не хотят держать при себе сладострастного человека.

Жестокие и вероломные они язычники. Мертвых сжигают они, по их словам, вот почему: если бы не сжигать мертвых тел, в них завелись бы черви, сожрали бы те черви все тело, из которого вышли, нечего было бы им есть, и пропали бы они все, а на душе того, чье тело, был бы тяжкий грех. Поэтому-то и сжигают они мертвые тела. И у червей, говорят они, – душа.

Рассказали вам об обычаях этих язычников, теперь пойдем отсюда. Расскажем вам

славную повесть: когда говорили об острове Цейлон, так забыли о ней. Послушайте ее, чудесною она вам покажется.

Глава CLXXVIII

Остров Цейлон описывается еще раз

Выше в этой книге уже говорилось, что Цейлон – большой остров. Есть тут очень высокая, крутая и скалистая гора. Взобраться на нее можно только вот как: привешаны к горе железные цепи, и пристроены они так, что по ним люди могут взбираться на гору. Говорят, на той горе памятник Адама, нашего прародителя; сарацины же рассказывают, что тут могила Адама, а язычники – памятник Сергамона боркама. Сергамум был первый человек, ему первому сделали идола; по-ихнему он считался лучшим человеком; его первого они стали почитать за святого и сделали ему идола.

Был он сыном богатого и сильного царя; жизнь вел прекрасную, ни о чем мирском слышать не хотел и царствовать не желал. Узнал отец, что сын царствовать не желает и ни о чем мирском слышать не хочет; стало ему досадно, и чего только он не предлагал сыну; говорил, что венчает его на царство и полновластным государем сделает; отдавал ему царский венец и одно только требовал, чтобы сын стал царем. А сын в ответ говорил, что ничего не желает.

Увидел царь, что не хочет сын царствовать, разгневался и с горя чуть не помер; да и не диво, другого сына у него не было, и некому было оставить царство. Задумал тогда царь такое: решил он про себя, что заставит сына полюбить все мирское, и возьмет царевич и венец, и царство. Поселил он его в прекрасном дворце, а в услужение приставил тридцать тысяч красивых да милых девиц; мужчин там не было, одни девы; они укладывали его в постель, служили ему за столом, по целым дням были с ним, пели ему, плясали перед ним и, как умели, потешали его по царскому приказу; но и они не могли сделать царевича сластолюбивым; остался он целомудренным и жил строже прежнего. Жил он, по-ихнему, свято; был юноша строгий; из дворца никогда не выходил, мертвых не видывал и никого, кроме здоровых; не пускал к нему отец людей старых и расслабленных.

Случилось раз, что ехал этот юноша по дороге и увидел мертвеца; ничего такого он не видел, а потому и испугался.

«Что это такое?» – спросил он тех, кто был с ним.

«Мертвец», – отвечали ему. «Как, – сказал царевич, – разве люди умирают?»

«Да, воистину умирают», – отвечали ему.

Ничего не сказал юноша, задумался и поехал вперед. Проехал

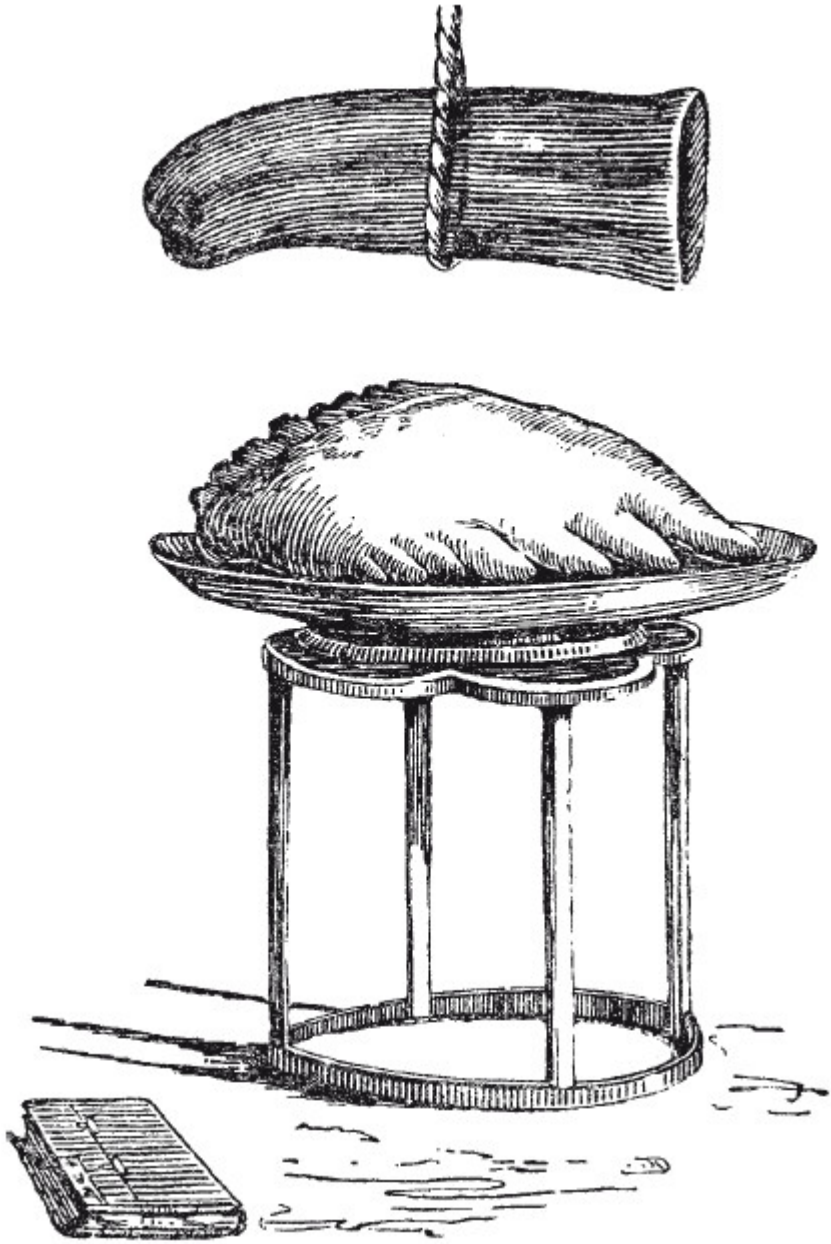
он немного и повстречал старика; еле он двигался, ни единого зуба не было у него во рту, растерял он их от старости.

«Что это такое? – спросил опять царевич. – Отчего не может он ходить?»

Отвечали ему те, кто был с ним: «От старости не может он ходить, от старости зубы растерял».

Услышал царевич о старости и смерти и поехал назад во дворец. Решил он про себя, что не будет жить в этом злом мире, а пойдет искать того, кто не умирает и кто его сотворил. Ушел он из дворца и от отца в высокие и пустынные горы и прожил там всю жизнь честно и целомудренно, в великом воздержании; будь он христианин, то стал бы великим святым у Господа нашего Иисуса Христа. Как умер царевич, принесли его к отцу, и, нечего спрашивать, увидел тот сына, которого он любил больше самого себя, мертвым и сильно огорчился. Много он его оплакивал, а потом приказал сделать образ и подобие сына из золота с драгоценными камнями, и велел он всем в своей стране почитать его за бога и молиться ему.

Рассказывают, что умирал царевич восемьдесят четыре раза; в первый раз по смерти, говорят, сделался он быком; умер еще раз и стал конем; и умирал он так восемьдесят четыре раза, и всякий раз делался или собакой, или чем другим, а умер в восемьдесят четвертый раз и стал богом. За лучшего и за самого большого бога из всех своих почитают его язычники. Был он, знайте, первым идолом у язычников; другие идолы от него произошли. Случилось это на острове Цейлоне в Индии. Так произошли идолы.



«Зубы Будды» в буддийских монастырях: в Кандии (Цейлон) вверху; в Фучжоу (Китай) внизу

Язычники приходят сюда на богомолье издалека, все равно как христиане к св. Иакову, и рассказывают они, что на горе [Адамовом пике] памятник того царевича, о котором вы слышали. И зубы, и волосы, и чаша, что тут находятся, также того царевича; назывался он Сергомом Боркан [Шакья-муни бурхан], а это значит святой Сергомон. Много также сарацин паломничает сюда,

а они рассказывают, что памятник тот – прародителя нашего Адама, а зубы, волосы и чаша также его.

Слышали вы вот, как язычники рассказывают, что был тут царевич, их первый идол, а сарацины говорят, что то Адам, наш прародитель. Один Бог ведает, кто тут был. Адама тут не было, потому что Писание нашей святой церкви говорит, что Адам был в другой части света.

Прослышал великий хан, что на той горе памятник Адама и тут же также его зубы, волосы и чаша, из которой он питался. Решил великий хан, что ему следует владеть всем этим, и послал он великое посольство. Случилось это в 1284 г. по Р. Х. Что же вам сказать? В посольстве, знайте, по истинной правде, народу было много; пустилось оно в путь, шло посуху и по морю и добралось до Цейлона. Явилось к царю и до тех пор выпрашивало, пока не получило два больших да толстых коренных зуба, волосы и чашу. Чаша была славная, из зеленого порфира. Достало посольство все те вещи, пошло в путь и вернулось к своему государю. Стали послы подходить к Ганбалу [Ханбалык], где великий хан пребывал, и послали весть, что идут и всё, зачем посланы были, везут.

Приказал тут великий хан всему народу, монахам и всем людям идти навстречу мощам; а думал он, что то мощи Адама. Весь народ из Ганбалу вышел навстречу мощам. Приняли их монахи и понесли к великому хану. Принял великий хан мощи с радостью, с великим почетом и торжеством. И нашли они, скажу вам, в своих писаниях, что в чаше той такая сила, коль положить в нее еды для одного человека, так хватит ее на пятерых. Говорил великий хан, что испытал он это, и все то, что вы слышали, правда. Мощи эти у великого хана, и стоили они ему большого богатства.

Рассказали вам по порядку и по правде всю эту повесть. Оставим теперь это и расскажем о другом, а прежде всего о Каиле [Каял].

Глава CLXXIX

Здесь описывается знатный город Каил [Каял]

Каил – город большой и знатный; принадлежит он Асчиару, старшему из пяти братьев царей; тут пристанище для всех судов, что приходят с запада, из Курмоза [Ормуз], Киша [Кейс], Адена и Аравии с товарами и лошадьми; приходят сюда купцы, потому что здесь товарам сбыт хороший; еще приходят сюда купцы из разных стран закупать товары, лошадей и иное. Здешний царь очень богат и много дорогих камней носит на себе.

Живет он честно и царством правит по справедливости. Купцов, что приходят сюда из иноземных стран, он не обижает и обходится с ними по справедливости; потому-то, скажу вам, идут сюда купцы охотно; добрый царь обходится с ними хорошо, а прибыль и выгода им тут большая. У здешнего царя более трехсот жен; а здесь у кого жен много, того и почитают много.

Скажу вам еще, случится пяти царям, единородным и единоутробным братьям, поссориться между собой, и задумают они воевать между собой, тогда вступается их мать – она еще жива – и не дает им воевать. Не раз случалось, что сыны не хотели по ее желанию мириться и все-таки собирались воевать; тогда брала она нож и говорила им: коли вы не кончите раздора и не помиритесь, то я тотчас же убью себя, но прежде я отрежу сосцы, что питали вас молоком. Видят сыны такую материнскую любовь, слышат ее нежную просьбу, знают они, что дороже матери ничего нет на свете, сговорятся, да и помирятся. Случалось это много раз. Но, скажу вам, когда мать помрет, они непременно перессорятся и разорят друг друга.

Рассказал вам об этом царе, а теперь пойдем отсюда и расскажем о царстве Коилон [Куилон].

Глава CLXXX

Здесь описывается царство Коиллон [Кушлон]

Царство Коилум в пятистах милях на юго-запад, от Мабара [Коромандельского берега]. Живут тут идолопоклонники, но есть и христиане и жиды. Язык у них свой собственный. Царь дани никому не платит. Расскажу вам обо всем, что здесь есть и что здесь родится. Водится тут отличное бразильское дерево и много перцу; собирают его в мае, июне и июле; перечные дерева сажают, их поливают, и они домашние.

Хорошего индиго у них много; добывают его из травы; собирают, кладут в большой сосуд, наливают туда воды и оставляют так, пока трава не разварится; а потом выставляют на солнце; а солнце жарит, кипятит воду и сгущает, и выходит индиго, каким вы его знаете. Здесь, скажу вам, очень жарко; солнце палит так, что еле-еле вытерпишь; опустишь яйцо в реку, не успеешь отойти, оно сварилось.

Приходят сюда купцы на своих судах из Манги [Манзи], из Аравии, из Леванта; торгуют здесь тем, что из своих стран привезли, а здешние товары увозят на своих судах.

Разных зверей тут много; на зверей других стран они не похожи. Водятся тут совсем черные львы [пантеры] без всяких отметок; есть тут разные попугаи; есть и как снег белые, с красными ножками и с красным клювом; есть также красные и белые попугаи, самые красивые в свете. Есть тут и очень маленькие, также очень красивые. Водятся здесь павлины; они и больше, и красивее наших, и на вид совсем другие. И куры у них не такие, как у нас. И что еще вам сказать? Все у них не так, как у нас; все лучше и красивее. И плоды их не похожи на наши, и звери, и птицы, от большой здешней жары. Из хлебов у них только один рис. Вино они делают из сахару, питье хорошее; пьянеет от него человек скорее, чем от виноградного. Всяких харчей, всего, что нужно для жизни, у них обилие, и все дешево. А из хлебов у них один рис.

Мужчины и женщины черны, ходят нагишом, только немного прикрываются красивыми тканями. Никакого сластолюбия, никакой плотской похоти за грех не почитают. Женятся они вот как: в жены берут двоюродных сестер; женятся и на отцовой жене, когда тот помрет, и на братниной. По всей Индии такой обычай.

Рассказал вам об одной части этого царства; больше нечего рассказывать, а потому пойдем отсюда и расскажем о Комари [Коморин].

Глава CLXXXI

Здесь описывается город Комари [Коморин]

Комари – индийская страна; Полярной звезды тут совсем не видно; начиная от острова Явы и досюда мы ее не видели, а как выйдешь отсюда в море за тридцать миль, то увидишь ее; поднимается она над водою на локоть. Страна эта дикая, неустроенная. Всяких зверей тут много, в особенности обезьян; а с виду они здесь на людей похожи. Разные тут удивительные gat paul, и многое множество львов, леопардов, медведей.

А больше нечего рассказывать, а потому пойдем отсюда и опишем царство Ели [Эли].

Глава CLXXXII

Здесь описывается царство Ели [Эли]

На запад от Комари [Коморин] в трехстах милях царство Ели, тут есть царь. Живут тут идолопоклонники и дани никому не платят. У них свой язык. Об их обычаях и о том, что здесь водится, расскажем вам понятно, и вы все это хорошо поймете, потому что подходим мы к странам более знакомым. Пристанища в этом царстве нет, но есть большая река, по которой много хороших заводей. Перцу, имбирю и других пряностей родится тут много. Царь очень богат, а войска у него немного: напасть на него нелегко; с войском сюда не пройдешь, зла не сделаешь, оттого он никого не боится.

Скажу вам вот еще что: если случится, что у их заводей появится судно и не сюда оно шло, так они его захватывают, товары все забирают и говорят: «Шел ты в другое место, да бог послал тебя ко мне, потому-то и беру все твое». Забирают все на судне, все считают своим и греха в этом не видят. Случается это всюду в этой части Индии. Если от непогоды судно забросит туда, куда оно не шло, его захватывают, все товары обирают да еще говорят: «Шли вы в другое место, да мое счастье пригнало вас сюда, а потому все, что у вас, я себе возьму».

Из Манги [Манзи] и из других стран суда приходят летом, нагружаются в четыре или восемь дней и как можно скорее уходят отсюда; пристани здесь нет; оставаться тут опасно; рейд да песчаные отмели, а пристани нет. Суда из Манги не так, как другие: рейдов не боятся, везут они с собою большие деревянные якоря и на них устоят во всякую непогоду.

Есть тут львы и другие хищные звери, и много всякой дичины.

Рассказали вам о царстве Ели, а теперь опишем царство Мелибар [Малабар].

Глава CLXXXIII

Здесь описывается царство Мелибар [Малабар]

Мелибар – большое царство на западе.

Здесь и свой царь, и свой язык. Живут тут идолопоклонники, дани никому не платят. Полярная звезда тут видна; показывается она над водой как бы на два локтя.

Из области Мелибар, да еще из другой, что подле и зовется Гузуратом, каждый год более ста судов выходят другие суда захватывать да купцов грабить. Большие они разбойники на море; и жен, и детей берут

с собою; все лето в плавании; купцам они много убытков делают. Иные из этих судов отделяются от других, плавают и там и сям, выжидают да подсматривают купеческие суда и всякие гадости чинят. Соберутся, словно отряд; один от другого станет милях в пяти; и так расставится судов до двадцати, миль на сто займут море, и как завидят судно с товарами, зажигают огни и подают друг другу знаки; и оттого ни одному судну тут не пройти, всякое перехватят.

Купцы знают разбойнические обычаи, знают, что должны их повстречать; снаряжаются и изготовляются хорошо, и не боятся повстречать разбойников; защищаются храбро и разбойникам вред наносят, а все-таки и те кое-какие суда захватывают. А захватят разбойники какое-нибудь судно с товарами, забирают товары, а людям зла не делают. «Ступайте, – говорят им, – добывать другое имущество; случится, может быть, что и его нам отдадите!»

Много тут перцу, имбирю, корицы и всяких других пряностей; и турбит, и индийские [кокосовые] орехи тут есть. Есть у них бокара, самый тонкий и самый лучший в свете. Разных дорогих товаров у них много.

Купцы из других стран привозят сюда и покупают тут вот что: привозят они на судах медь; ею они грузят свои суда; привозят золотые ткани и шелковые, сандал, золото, серебро, гвоздику и такие пряности, каких тут нет, и все это выменивают на здешние товары. Из многих стран приходят суда и из большой области Манги, отсюда везут товары по разным странам, а потом и в Александрию.

Рассказали вам о царстве Мелибар, а теперь пойдем отсюда и опишем царство Гузерат. Было бы слишком долго рассказывать обо всех городах в этих царствах. В каждом царстве городов и замков много.

Глава CLXXXIV

Здесь описывается царство Гозурат [Гуджарат]

Гозурат также большое царство; живут здесь язычники, у них свой царь и свой язык; дани они никому не платят. Царство это на западе. Полярная звезда здесь видна еще лучше, является она как бы на высоте шести локтей.

Здешние морские разбойники самые злые в свете. Делают они вот какую мерзость: как захватят купцов, так начинают поить их морской водой с тамариндами, с чего купцов сильно слабит и совсем опорожняет живот; а разбойники соберут испражнения да разглядывают, нет ли там жемчужин или каких дорогих камней. Они рассказывают, что когда купцы попадаются в плен, то глотают жемчужины и дорогие камни, чтобы разбойники не отыскали их, и вот поэтому-то злодеи и поят купцов тем питьем, с чего у купцов делается эта хворость.

Много у них перцу, имбирю и индиго. И хлопку также много; а хлопковые деревья здесь большие: есть двадцатилетние, в вышину шесть шагов. Со старых деревьев хлопок не так хорош для пряжи, выделывают из него одеяла. Хлопок хорош для пряжи с молодых деревьев до двенадцати лет, а с двенадцатилетних до двадцатилетних он не так хорош, как с молодых. Много кож выделывают здесь, овечьих, буйволов, диких быков, единорога и всяких других животных. Много их тут выделывают; много судов ежегодно нагружают ими и вывозят их в Аравию и в другие страны: в разные царства и страны идут отсюда кожи. Выделывают тут много прекрасных постилок из красной кожи с птицами и зверями; претонко вышивают их золотыми и серебряными нитками. На вид они отличные; сарацины спят на этих кожаных постилках, и спать на них славно. Делают еще тут прекрасные подушки, шитые золотом; каждая стоит шесть серебряных марок, а иная постилка стоит десять серебряных марок.

Что еще вам сказать? Здесь лучше, чем где-либо в свете, выделывают из кожи царские [кресла] и очень дорогие.

Рассказали вам об этом царстве все по порядку; теперь пойдем и расскажем о других. Опишем царство Тима [Конкан].

Глава CLXXXV

Здесь описывается царство Тана [Конкан]

Тана – большое царство на западе; очень большое и прекрасное. Здешний царь никому дани не платит; живут тут идолопоклонники, и язык у них свой, особенный. Перцу и других пряностей тут не водится. Родится тут много ладану, но не белого, а коричневого. Торговля тут большая; много судов и купцов приходят сюда; вывозят отсюда разные кожи здешней поделки, очень красивые и добротные, много хорошего бокарана да банбасину. А купцы привозят на судах золото, серебро, медь и другие товары, что нужны в этом царстве, а отсюда везут только такое, от чего ждут прибыли и выгод.

Одно здесь нехорошо – много разбойников выходит отсюда; ездят они по морю, и купцам большие убытки от них. И делается это, скажу вам, по воле царя; у него с разбойниками уговор: всех захваченных лошадей должны они ему отдавать; а лошадей захватывают они часто.

Говорил я прежде, что по всей Индии большой торг конями; много их сюда привозят на продажу, и мало судов без лошадей идет сюда; вот поэтому-то и уговорился царь с разбойниками, чтобы всех захваченных лошадей отдавали ему, а золото, серебро и драгоценные камни оставляли себе. Неправое и нехорошее то дело.

Пойдем отсюда и расскажем о царстве Канбает [Камбей].

Глава CLXXXVI

Здесь описывается царство Канбаот [Камбей]

Канбаот – большое царство на запад. Здесь и свой царь, и свой язык, и дани тут никому не платят. Живут тут идолопоклонники. Полярную звезду отсюда видно лучше; чем дальше на запад, тем лучше ее видно. Торговля тут большая; хорошего индиго тут много. Бокарана и банбасина также много; отсюда развозят их по разным странам и царствам. Много торгуют здесь выделанными кожами; выделывают их тут много и так же хорошо, как и в других странах. Много тут и других товаров; долго о них рассказывать, а потому и не станем об этом говорить. Много судов с товарами приходят сюда, больше же всего привозят золота, серебра и меди. Привозят сюда купцы товары своих стран, а вывозят здешние и чают себе от них большую прибыль и выгоду. Разбойников тут нет; народ тут торговый и ремесленный; хорошие люди.

Больше нечего рассказывать, поэтому пойдем отсюда и прежде всего расскажем о царстве Семенат [Самнат].

Глава CLXXXVII

Здесь описывается царство Семенат [Самнат]

Семенат – большое царство на западе.

Живут тут идолопоклонники, у них свой царь и свой язык, дани они никому не платят. Разбойников тут нет; занимаются тут, как подобает честным людям, торговлей и ремеслами. Торговля тут большая; много купцов из разных стран со всякими товарами приходят; продают их в этом царстве, а здешние увозят. Скажу вам, люди здешние – ярые язычники.

О другом нечего рассказывать, а потому пойдем отсюда и опишем царство Кесмакоран [Макран].

Глава CLXXXVIII

Здесь описывается царство Макоран [Макран]

В Кесмакоране и свой царь, и особенный язык. Живут тут идолопоклонники, народ торговый и ремесленный. Рису у них много; едят они рис, мясо и молоко. Много купцов с разными товарами приходят сюда, и морем, и посуху, а отсюда вывозят здешние товары.

Больше нечего рассказывать. Это последнее царство в Индии, на запад и на северо-запад. Все царства страны, начиная от Мабара [Коромандельского берега] до этого царства, о которых было говорено, – в Великой Индии, лучшей стране в свете. Рассказывали мы только о тех областях и городах Великой Индии, что по морскому берегу, а о тех, что внутри страны, мы не говорили, долго было бы их описывать.

Оставим теперь эту область и расскажем об островах, что еще в Индии; начнем с двух, зовутся они Мужским и Женским.

Глава CLXXXIX

Здесь описываются острова Мужской и Женский

В пятистах милях на юге от Кесмукарана [Макран] в море Мужской остров. Жители – крещеные христиане, в вере крепки; живут по обычаям Ветхого Завета: когда жена беременна, пока она не родит, муж не живет с нею и потом еще сорок дней не трогает ее, а спустя сорок дней, коль пожелает, – живет с ней.

На этом острове ни жены и никакие другие женщины не живут; живут они на другом острове, и зовется он Женским. Мужья уходят с этого острова на Женский и живут там три месяца: март, апрель, май. На эти три месяца ходят мужья на тот остров жить с женами, и все три месяца они наслаждаются, а через три месяца идут к себе на остров и девять месяцев занимаются делом.

Собирают здесь отличную амбру. Едят тут рис, молоко и мясо. Славные тут рыбаки; в море, кругом острова, ловится много хорошей рыбы; ловят ее много и сушат; на весь год хватает да еще продают. Кроме епископа, нет над ними государя, а епископ подчинен архиепископу Скоиры [Сокотры]. Язык у них особенный.

От этого острова до того, где жены живут, около тридцати миль. Не живут там мужья потому, что коли стали бы круглый год с женами жить, так и жить бы нечем было. Сыновей кормят матери на своем острове, а минет сыну четырнадцать лет, мать отсылает его к отцу, на тот остров. Вот таковы, как вы слышали, нравы и обычаи на этих двух островах. Жены, по правде, только детей выкармливают да плоды собирают на своем острове.

Обо всем рассказали, больше нечего говорить, а потому пойдем с этих островов и расскажем об острове Скара [Сокотра].

Глава CXC

Здесь описывается остров Скатра [Сокотра]

На юге от двух островов в пятистах милях остров Скотра. Живут тут христиане крещеные, и есть у них архиепископ. Много тут амбры, есть у них банбасина и много других товаров. Много тут славной, большой рыбы соленой. Питаются они рисом и мясом да молоком; а других хлебов у них нет. Ходят они нагишом по образу да по обычаю индийских язычников. Много судов с разными товарами приходят сюда; свои товары купцы продают на острове, а отсюда вывозят здешние и торгуют ими с большой прибылью. Все суда и купцы, что идут в Аден, пристают к острову.

Архиепископ их не сносится с римским апостолом [Папой], а подчинен архиепископу в Бодаке [Багдаде]; бодакский архиепископ назначает его на остров и других архиепископов в разные страны света совершенно так же, как то делает римский апостол. Все эти духовные и прелаты римской церкви не повинуются, а подчиняются великому прелату в Бодаке; он у них вместо Папы.

Приходят сюда много разбойников на своих судах; после набегов стоят они тут станом и распродают награбленное; и бойко, скажу вам, торгуют: здешние христиане покупают товары, потому что знают, товары награблены у язычников да у сарацин, а не у христиан.

Когда здешний архиепископ помрет, из Бодака непременно приходит другой, а без этого не было бы тут архиепископа.

Здешние христиане самые ловкие в свете колдуны. Архиепископ, по правде сказать, не желает, чтобы они занимались колдовством, и упрашивает, и наказывает, но все это не помогает.

«Деды наши, – говорят они, – в старину занимались этим, а потому и мы станем то же делать».

Против этого архиепископ ничего не может, потому и терпит; а христиане как хотят, так и колдуют. Всякое дело делают колдовством; много дел делают, почти все, что пожелают: выйдет ли судно при попутном ветре и много проплывет, они нашлют противный ветер и вернут его назад. Какой ветер захотят, тот и насылают; а захотят, так море стихнет; и великую бурю, и всякий ветер пускают в море. Знают много других диковинных колдований; об них рассказывать нехорошо; подивится-таки, кто о них услышит. Оставим это и не станем больше говорить.

Больше нечего рассказывать об этом острове; пойдем отсюда и опишем остров Мадейгаскар [Мадагаскар].

Глава CXCI

Здесь описывается остров Мадейгаскар [Мадагаскар]

От Скотры [Сокотры] в тысяче милях на юг остров Мадейгаскар. Живут там сарацины, молятся Мухаммеду. У них четыре шейха, то есть четыре старца; они и правят всем островом. Остров этот, знайте, самый славный и самый большой в свете. Говорят, в округе он четыре тысячи миль. Народ торговый и ремесленный.

Тут, скажу вам, слонов больше, нежели где-либо; ни в какой другой стране не продается и не покупается слоновых зубов столько, как здесь или в Зензибаре [Занзибаре]. Едят тут только одно мясо – верблюжье; кто не видел, тот и не поверит, сколько верблюдов убивается ежедневно; народ здешний говорит, что верблюжье мясо лучше и здоровее всякого другого, поэтому-то и ест его круглый год. Растут тут еще дерева красного сандала и такие же большие, как и наши деревья; и много этих деревьев продается в другие страны; их тут леса, как у нас леса иных диких дерев. Много у них амбры, потому что много китов в здешнем море; много здесь и кашалотов; много ловят они и тех, и других; амбры у них много, потому что кит, как вы знаете, выделяет ее.

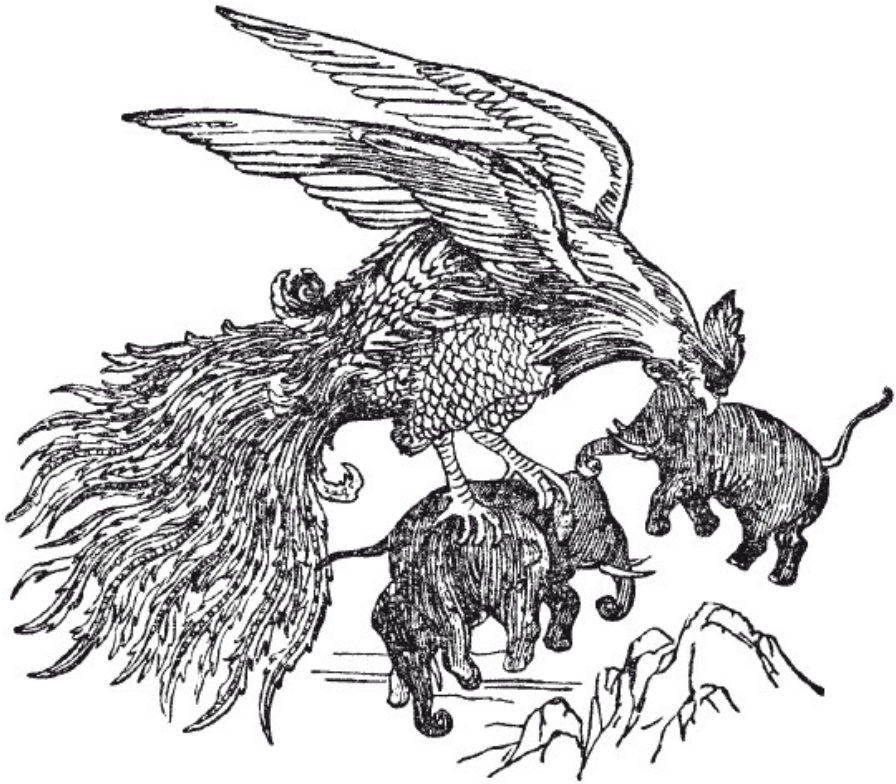
Есть у них леопарды, медведи, львы; многое множество тут и других животных: оленей, антилоп, ланей. Много этих зверей и всякой дичины и скота.

Есть тут разные птицы, и совсем они не похожи на наших, просто диво.

Товаров у них много, и много судов приходят сюда со всякими товарами, с разными тканями, золотыми и шелковыми, и с иными товарами, о которых не станем говорить здесь; все они тут продаются и обмениваются на здешние товары. Приходят сюда купцы с нагруженными судами, продают здесь весь груз; нагружаются потом здешними товарами и уходят нагруженными. Скажу вам, купцу здесь много прибыли и большая выгода.

А далее на юг, к югу от этого острова да от острова Зангибора [Занзибара], к другим островам суда не могут плыть; сильно тут морское течение на юг, и не вернуться назад судну, поэтому-то и не ходят туда. Из Мабара [от Коромандельского берега] до этого острова суда доходят в двадцать дней, а назад до Мабара в три месяца, оттого что течение всегда на юг и никогда в другую сторону.

На юге, сказать по истинной правде, островов много, да суда не идут туда охотно, по причине здешнего течения.



Птица рук (старинный персидский рисунок)

Рассказывают, что есть там птица гриф, появляется в известное время года, и во всем гриф не таков, как у нас думают и как его изображают; у нас рассказывают, что гриф наполовину птица, а наполовину лев; и это неправда. Те, кто его видел, рассказывают, что он совсем как орел, но только, говорят, чрезвычайно большой. Кто его видел, описывают его, как я слышал, так: рассказывают, что гриф очень силен и очень велик; схватит слона и высоко-высоко унесет его вверх, на воздух, а потом бросит его на землю, и слон разобьется; гриф тут клюет его, жрет и упитывается им. Кто видел грифа, рассказывают еще, что если он расправит крылья, так в них тридцать шагов, а перья в крыльях двенадцати шагов; по длине и толщина их.

Что сам видел, то расскажу в другом месте; так следует делать в нашей книге. Вот что рассказывают о грифе, кто его видел.

Посылал сюда великий хан гонцов разведать об этих островах, да с приказом, чтобы отпустили его гонца, что в плен был взят. Гонцы эти, да тот, что в плен был взят, рассказывали

великому хану много чудес об этих диковинных островах; принесли они великому хану зубы дикого кабана необычайной величины; великий хан приказал взвесить один, и весил он четырнадцать фунтов. Каков же был кабан с такими зубами! Рассказывали гонцы, что водятся там кабаны с буйвола. Жираф и диких ослов тут много. И звери, и птицы здешние на наших не похожи, так что чудно об этом слушать, а посмотреть на них, так еще диковиннее.

О грифе вот еще что нужно сказать: зовут его на островах руком, а по-нашему не называют, и грифа не знают; но то гриф, судя по величине.

Больше нечего рассказывать, пойдем и опишем остров Зангибор.

Глава CXCII

Здесь описывается остров Зангибар [Занзибар]

Кангибар – большой и славный остров; в округе добрых две тысячи миль. Живут тут идолопоклонники; у них и свой царь, и особенный язык; дани никому не платят. Люди тут и велики, и толсты; не так они высоки, как толсты; толсты и жирны так, что кажутся великанами; очень они сильны; поднимает один, что четырем только стащить, да и неудивительно, ест он за пятерых; они совсем черны, ходят нагишом, прикрывают только срамоту. Волосы у них курчавые, еле-еле вода их расправляет; рты у них большие, носы приплюснутые, губы толстые, глаза большие; с виду совсем чудовища; как повстречаешь такого в другой стране, так за черта сочтешь.

Слонов тут плодится много, и слоновыми зубами торгуют они шибко. Есть у них особенные львы, совсем не такие, как другие; много медведей; леопарды также родятся тут. И что вам еще сказать? Все здешние звери не похожи на зверей других стран. Овцы и бараны тут все одинаковые и одной масти, все белые, а голова черная, и на всем острове нет иных баранов и овец. Водится тут много жирафов; красивы они с виду, вот какие: тело, знайте, коротенькое и сзади приземистое, потому что задние ноги коротенькие, а передние и шея длинны; а голова от земли высоко, шага на три; голова маленькая; вреда никому не делают; масть рыжая, с белыми полосками. С виду очень красивы.

Здешние женщины с виду очень безобразны: рты большие и глаза тоже, а носы толстые; груди у них в четыре раза толще, нежели у наших женщин; очень безобразны.

Питаются они рисом да мясом с молоком и финиками. Виноградного вина у них нет; делают они вино из рису с пряностями, питье хорошее.

Торговля здесь большая; купцов приходит сюда много; свои товары распродают на острове, а с собою увозят множество слоновых зубов: их тут много. Амбры тут много, потому что ловится много китов.

Народ здешний воинствен; в битвах дерутся отлично, храбры и смерти не боятся. Лошадей у них нет, дерутся они на верблюдах и на слонах. На слонов ставят теремцы и прикрывают их хорошенько; взбираются туда от шестнадцати до двадцати человек с пиками, мечами, камнями; дерутся на слонах стойко. Из оружия у них только кожаные щиты, пики да мечи, а дерутся крепко. Слонов, когда ведут их на битву, много поят вином;

напьется слон и станет горделив и смел, а это и нужно в битве.

Обо всем на этом острове рассказал вам, и о людях, и о зверях, и о товарах. Больше нечего рассказывать. Пойдем отсюда, опишем большую область Абаси [Абиссиния]; но прежде поговорим еще об Индии.

Рассказывали мы по правде о самых прекрасных странах, царствах и островах; но всей правды об островах Индии никто в свете не расскажет. Рассказывал вам о лучшем, о цвете Индии; те острова, о которых не рассказывал, похуже описанных. В Индийском море, сказать по правде, двенадцать тысяч семьсот обитаемых и необитаемых островов; так по картам и писаниям опытных мореходов, что плавают тут.

Оставим теперь Великую Индию; она от Мабара [Коромандельского берега] до Кесмакоры [Макрана]; там тринадцать больших царств, из них десять мы описали. Малая Индия от Зинаба до Монтифи; тут восемь больших царств, не считая тех, что на островах, а их многое множество.

Теперь расскажем вам о Средней Индии, Абаси.

Глава CXCIII

Здесь начинается об Абасии [Абиссинии], что в Средней Индии

Абасия, знайте, большая область в Средней Индии. Самый сильный царь в этой области – христианин; все другие подчинены ему; их шестеро, трое христиан и трое сарацин. У здешних христиан на лице три знака, один знак от лба до средины носа, да по знаку на каждой щеке; метят они знаки горячим железом, и это их крещение: после крещения водою делают вот эти знаки и для красоты, и как завершение крещения. Есть тут жиды, и у них по знаку на каждой щеке; а у сарацин только один знак, от лба до середины носа. Великий царь живет посередине области, а сарацины живут в сторону Адена. В этой области проповедовал св. Фома, апостол; после того как он обратил этот народ, ушел он в Мабар [Коромандельский берег], где и помер; там его мощи, о чем мы говорили в этой книге раньше.

Здесь храбрых воинов и всадников много, и коней у них много; воюют они, знайте, и с султаном Адена, и с султаном Нубии, и с другими народами.

Расскажу вам любопытное дело, что случилось здесь в 1288 г. по Р. Х. Христианский царь, что владел областью Абаси, захотел идти на богомолье, помолиться Христову гробу в Иерусалим. Говорили ему бояре, что опасно идти туда, и советовали послать епископа или другого прелата. Послушался царь их совета, призвал епископа, человека святой жизни, и сказал, чтобы шел по его желанию вместо него в Иерусалим помолиться гробу Господа нашего Иисуса Христа. Отвечал епископ, что государево приказание исполнит. Наказывал ему царь, чтобы как можно скорее собирался и шел в дорогу.

И что же вам сказать? Простился епископ с царем, собрался и пошел богомольцем в путь. Шел он по морю и посуху и дошел до Иерусалима; идет прямо к святому гробу, молится и поклоняется святыне, как подобает христианину. Сделал он большие вклады от имени пославшего его царя. И как кончил епископ все то, зачем туда ходил, сделал все хорошо и умно, как умному человеку подобает, и пошел назад он со своими. Шел, шел он, да и пришел в Аден; а в этом царстве христиан, знайте, ненавидят, не желают их пускать сюда и почитают за смертельных врагов.

Узнал султан аденский, что епископ – христианин, посланец великого царя Абасии. Приказал он его схватить и допросить, христианин ли он. По правде отвечал епископ. Говорил тогда султан: «Если епископ не примет Мухаммедова закона, то будет

посрамлен и обесчещен», – а епископ отвечал, что не сделает этого, хотя бы умереть приходилось. Услышал султан этот ответ, разгневался и велел обрезать епископа. Схватили епископа несколько человек и обрезали, как сарацина. Говорил тут султан, что посрамил епископа для того, чтоб осмеять царя, его государя, и показать ему свое презрение. После этих слов отпустил султан епископа. Горевал епископ от того посрамления сильно, одним только и утешался – принял он посрамление из-за веры Христовой, и Господь Бог вознаградит за это его душу на том свете.

Скажу без лишних слов, знайте, по правде, как только епископ излечился и мог ехать верхом, пустился он в дорогу со своими спутниками; шел и по морю, и посуху и пришел в Абасию к царю, своему господину. Увидел его царь, обрадовался и пир задал, а потом стал расспрашивать о святом гробе. Епископ рассказал всю правду; а царь был верующим и почитал все это за святыню. Рассказал епископ все о святом гробе, а потом стал говорить о том, как аденский султан приказал его обрезать, осмеял и осрамил его.

Услышал царь, как епископ его был посрамлен и ему самому оказано такое презрение, разгневался сильно, чуть не помер от скорби. Громко сказал он, слышали все кругом, что не станет и венца носить, и не будет страною править, пока не отомстит так, что весь свет об этом заговорит.

И что вам сказать? Знайте, по правде, снарядил царь множество конных и пеших, многое множество слонов, хорошо вооруженных и с теремцами, и на каждом было добрых двадцать человек. Снарядился со всеми своими людьми и пошел в поход; шли до тех пор, пока не пришли в царство Аден. А тамошний царь со множеством сарацин, конных и пеших, чтобы защищать свою землю и врага к себе не пускать, заперся в крепости.

Случилось, что царь Абасии со всеми своими войсками пришел к той самой крепости, где был сильный враг. Началась тут битва жестокая и злая, и вышло так, что сарацинские цари, а было их тут трое, не смогли противостоять великой силе царя

Абасии; было у него много храбрых воинов, да христиане храбрее сарацин; повернули сарацины вспять, а христианский царь со своими воинами взошел в Аденское царство. Много сарацин тут перебито было. И что еще вам сказать?

Знайте, по истинной правде, как взошел царь Абасии со своими воинами в Аденское царство, сарацины укрепились в трех-четырех местах, да не вышло из этого ничего, побили их, и много их померло.

Оставался христианский царь во вражьей земле около двух

месяцев, вразор ее разорил, перебил многое множество сарацин; и сказал он тогда, что отомстил за посрамление своего епископа и может с честью вернуться домой в свою землю. Скажу вам еще, что не мог он больше разорять врага: много там крепких мест, где и немного людей смогли бы много зла ему наделать; потому-то вышел он из Аденского царства, пустился в путь назад, шел, не останавливаясь, пока не пришел в свою страну, в Абасию. Так-то царь зло отомстил собакам-сарацинам за епископа; и не счесть, сколько их побито и померло; много стран было разорено, да и неудивительно: не должны собаки-сарацины брать верх над христианами.

Оставим это и расскажем прежде всего о самой области Абасии. Знайте, по истинной правде, богата она всякими продовольствиями. Питаются тут рисом, мясом, молоком и сезамом. Есть у них слоны, но не родятся они тут, а привозят их с островов другой Индии; жирафы же тут родятся, и их много, и львов, леопардов и медведей также много; много тут и иных зверей; совсем они не похожи на наших. Родятся тут дикие ослы, и много тут птиц разных, совсем особливых. Есть у них куры, самые красивые в свете, а также большие страусы, не меньше осла. Много тут всяких зверей, о которых ничего здесь не скажу, потому что долго о них рассказывать, но знайте, что всякой дичины, звериной и птичьей, здесь обилие. Есть тут много красивых попугаев и разных обезьян; есть и гатпаулы, и гатмаймоны; с виду они очень похожи на человека.

Не станем больше об этом говорить и уйдем отсюда; но скажем еще кое-что об Абасии. Знайте, по истинной правде, что в Абасии много городов и замков, и купцы торгуют тут шибко. Много прекрасных бамбасинов и бокаранов изготовляется тут.

Многое и другое тут есть, да в нашей книге об этом не следует рассказывать, а потому пойдем отсюда и расскажем об Адене.

Глава CXCIV

Здесь начинается об области Аден

В Аденской области есть государь, и зовется он суданом [султаном] Адена. Живут тут сарацины, молятся Мухаммеду, а христиан ненавидят. Много тут городов и замков, и есть пристанище, куда приходят суда с товарами из Индии; много купцов приходят сюда. Тут они перегружают товары с больших судов на малые, и эти малые суда плывут по реке семь дней, а через семь дней берут товары с судов, вьючат их на верблюдов и везут их еще тридцать дней. А через тридцать дней находится река Александрия; по этой реке товары легко сплавляются до Александрии. Вот так-то, этим путем получают сарацины в Александрии и перец, и пряности, и дорогие товары; другого пути в Александрию нет.

Из Адена много купеческих судов с разными товарами идут к островам Индии. Везут из этой пристани в Индию много красивых да дорогих арабских скакунов; и большая купцам прибыль от этого товара; в Индии продают они хорошего коня за сто серебряных марок и дороже.

Судану аденскому большой доход и много богатства от пошлины с судов и купцов, бывающих здесь. От этой пошлины, что собирает он с приходящих в его землю купцов, стал он самым богатым царем в свете.

Сделал он такое дело, от которого христианам было много вреда: когда вавилонский судан пошел на Акру, взял ее и христиан разорил, этот самый судан аденский посылал в помощь вавилонскому из своих воинов тридцать тысяч конных да добрых сорок тысяч верблюдов; и была то сарацинам большая подмога, а христианам от того вред; и сделал это судан аденский по злобе на христиан, а не из желания добра судану вавилонскому и не из любви к нему. Оставим этого судана и расскажем вам о большом аденском городе, где царь маленький; он на северо-западе в четырехстах милях от Адена и зовется Ешер. Есть тут государь, и правит он страною по справедливости. Много городов и замков подчинены ему. А сам он подвластен судану аденскому. Живут тут сарацины, молятся Мухаммеду. В городе прекрасное пристанище: много судов и купцов с разными товарами приходят сюда из Индии, и много их идут отсюда в Индию. Отсюда вывозят в Индию много хороших скакунов и добрых коней на всякую упряжку; кони дорогие, высокой цены; большая выгода и большая прибыль купцам от этого товара.

Родится здесь много хорошего белого ладану и фиников. Из хлебов у них только рис, да и того немного; привозят сюда хлеб из других стран и продают с большой выгодой. Рыбы большой у них обилие; и такое тут множество рыбы, что за один венецианский грош можно купить две больших [?]. Питаются они рисом, мясом и финиками; виноградного вина у них нет; вино они делают из сахара, риса и фиников. Вот какая тут диковина: есть у них овцы без ушей и без ушных дырок, а там, где ушам следовало быть, там у овцы рожки. Они малы и красивы.

Вот еще чему вы подивитесь: вся их скотина, бараны, быки, верблюды, кони, ест рыбу; то ее корм. Во всей этой стране нет травы; то самое сухое место в свете. А рыба, что ест скотина, очень маленькая; и просто удивительно, сколько ее ловится в марте, апреле и в мае. Они ее сушат, сохраняют в домах и круглый год кормят ею скот. Скажу вам еще, скот ест и живую рыбу, прямо из воды. Много у них большой хорошей рыбы, и дешевая она; они ее сушат; режут ее на куски, весом в фунт, сушат на солнце, хранят в домах и круглый год едят, как сухари.

А ладан – его тут много – царь покупает до десяти золотых безантов за кантер, а сам продает народу и пришлым купцам по сорока безантов за кантер; с ладана царю большой доход и большая прибыль.

Больше нечего рассказывать; поэтому пойдем отсюда и опишем город Дуфар [Зафар].

Глава CXCV

Здесь описывается город Дуфар [Зафар]

Дуфар – красивый город, большой и величественный; от Ешера [Эш-Шихр] он в пятистах милях на северо-запад. Живут тут сарацины и молятся Мухаммеду. Правит у них князь, султану аденскому подвластный. Город этот, знайте, принадлежит к Аденской области. Тут прекрасное пристанище; приходит сюда множество купеческих судов с разными товарами. Вывозят отсюда в другие страны много арабских скакунов; купцам этот торг выгоден и прибылен. Городу подчинены другие города и многие замки.

Родится здесь много хорошего ладану. Деревья не очень велики, с маленькие елки; надрезают их ножом во многих местах, и из этих надрезов выходит ладан; выходит он из дерева и сам собой, без надрезов, от великой здешней жары. Привозят сюда много хороших скакунов из Аравии, а отсюда купцы везут их на судах в Индию и получают большую прибыль и выгоду.

Сбор ладана в Аравии (французский рисунок XIV в.)

Больше нечего говорить, а потому пойдем отсюда и расскажем о заливе Калату.

Глава CXCVI

Здесь описывается город Калату [Кальхат]

Калату – большой город в заливе того же имени; от Дуфара он на северо-запад в шестистах милях. То знатный морской город. Живут там сарацины, молятся Мухаммеду; они подчинены Кормозу [Ормузу]; всякий раз, как мелик Кормоза воюет с кем-нибудь посильней его, он приходит сюда: тут крепость, мелик [владетель] ничего и не боится. Хлебов у них нет; привозят им хлеб из других мест; привозят его купцы на своих судах.

Тут прекрасное пристанище и много судов приходят сюда с разными товарами из Индии и торгуют здесь хорошо, потому что из этого города товары и пряности везутся внутрь страны, по многим городам и замкам. Вывозится отсюда в Индию много хороших скакунов, а купцам от этого большая выгода. Из этой страны и из других, о которых я вам рассказывал прежде, много хороших лошадей вывозятся в Индию; так много, что и не счесть.

Город этот при входе в залив Калату; без их воли ни одно судно не может ни войти, ни выйти из залива. Много раз здешнего мелика сильно притесняли судан крерманский [султан Керманский], его государь; потребует судан от курмозского мелика дань или иной какой налог, а тот отказывается платить; пошлет судан войска вымогать дань; а мелик тогда уходит из Курмоза, садится на суда и приплывает в этот город, тут и живет, ни одному судну прохода не дает; а судану крерманскому от того большой убыток, и начинает он мириться с курмозским меликом, соглашается на меньшее против того, что сперва требовал. Скажу вам еще, у курмозского мелика есть замок посильнее города и получше еще защищает залив и море.

Жители здесь, сказать по истинной правде, питаются финиками и соленой рыбой, ее у них вдоволь; а кто познатнее и побогаче, тот ест и получше.

Рассказал вам об этом городе Калату, о заливе, о здешних делах; теперь пойдем отсюда и расскажем о Курмозе. От города Калату в трехстах милях между севером и северо-западом город Курмоз; а в пятистах милях между северо-западом и западом Киш [Кейс]. Но оставим Киш и расскажем о Курмозе.

Глава CXCVII

Здесь описывается город Курмоз [Ормуз]

Курмоз – большой и славный город у моря. Тут есть мелик, и много городов и замков подчинены ему. Живут здесь сарацины, Мухаммеду молятся. Жара тут сильная, и потому-то здешний народ устроил свои дома со сквозниками, чтобы ветер дул; откуда дует ветер, туда они и ставят сквозник и пускают ветер в дом; и все потому, что жара сильная, невтерпеж.

И о Кише [Кейсе], и о Крермане [Кермане] мы говорили уже прежде, но так как шли мы другими путями, то следовало бы еще раз вернуться сюда. Обо всех здешних делах было уже говорено, а потому пойдем отсюда и расскажем вам о Великой Турции [Туркестане].

Глава CXCVIII

Здесь описывается Великая Турция [Туркестан]

В Великой Турции царь Кайду [Хайду]; он племянник великого хана, сын сына Джагатая [Чагатая], кровного брата великого хана. Много у него городов и замков, и очень он силен. Он татарин, и народ его татарский, славные они воины, да и неудивительно: все они к войне привычны.

Кайду, скажу вам, великому хану не подчиняется и все с ним воюет. Великая Турция на западе от того пути в Курмоз [Ормуз], о котором мы рассказывали; она за рекою Ион и к северу идет вплоть до земель великого хана. Много раз бился Кайду с войсками великого хана. Расскажу вам об их распре.

Просил Кайду у великого хана своей части в завоеваниях, что вместе делали, просил он части в областях Катай и Манги [Манзи]. А великий хан говорил ему, что готов отдать ему часть наравне со своими сыновьями, если Кайду станет к нему ходить ко двору и в совет всякий раз, как ему великий хан прикажет; и хотел еще великий хан, чтобы Кайду повиновался ему так же, как другие его сыновья и князья; тогда, говорил великий хан, и даст ему его часть в завоеваниях, что они вместе делали, пусть только Кайду исполнит то, что вот вы слышали. Не верил Кайду дяде, великому хану, говорил, что никогда к нему не пойдет, где живет, там и готов повиноваться, а ко двору, говорил, ни за что в свете не пойдет; боялся он, что его убьют там. Из-за этого и поссорились они; из-за этой ссоры вышло много больших войн и больших сражений.

Целый год, скажу вам, войска великого хана стояли кругом царства Кайду, чтобы ни Кайду, ни его люди не могли разорять земли и народы великого хана. А Кайду все-таки делал набеги на земли великого хана, много раз бился с войсками, что на него выходили. Кайду, коль хорошенько постарается, так может выставить в поле более ста тысяч всадников, всё храбрецов, к войне и к сражениям привычных. При нем много князей императорского роду, то есть чингисханова. Чингисхан положил начало империи и первый покорил часть света, потому-то я и говорю «чингисханова роду, или императорского».

Оставим это и расскажем о битвах царя Кайду с воинами великого хана. Опишу сначала, как они идут в сражение. У них заведено, чтобы каждый воин в сражении имел шестьдесят стрел, тридцать маленьких – метать и тридцать больших, с железными широкими наконечниками; их они бросают вблизи, в лицо, в

руки, перерезывают ими тетивы и много вреда наносят ими друг другу; после того как перестреляют все стрелы, берутся они за мечи и палицы и крепко дерутся.

В 1266 г. по Р. Х. Кайду со своим двоюродным братом Жесударом набрал большое войско и пошли они оба на двух князей великого хана; приходились те двоюродными братьями царю Кайду; оба владели землями от великого хана; один назывался Тибай или Чибан; был он сыном Жагатая [Чагатая], крещеным христианином и кровным братом хану Кублаю. Что же вам сказать? Воевал Кайду с двумя своими братьями; у тех было также много войска; с той и другой стороны было более ста тысяч человек. Жестоко дрались обе стороны и много было побито людей с обеих сторон; под конец победил царь Кайду; великое поражение нанес он тому войску; но братья двоюродные царя Кайду спаслись: были у них хорошие кони, и унесли они их быстро.

Так-то вот победил Кайду. Закичился он и возгордился еще более прежнего. Вернулся Кайду к себе и два года жил мирно, войска не собирал и не воевал; и великий хан в это время войска не собирал и не воевал. Но через два года царь Кайду собрал большое войско, великую конную рать. Знал он, что в Каракороне [Каракоруме] находился сын великого хана Номоган и с ним Георгий, сын сына попа Ивана, у обоих этих князей была большая конная рать.

Что вам еще сказать? Царь Кайду собрал всех своих воинов и выехал из своего царства в поход; ехал он по стольку-то в день и без всяких приключений прибыл в Каракорону, туда, где были оба князя со своим великим войском. Узнали князья, что Кайду пришел в их страну с великим войском, и не испугались, а храбро стали готовиться к войне. Изготовились они со всем своим войском, а было у них более шестидесяти тысяч конных, и пошли в поход на врага. Шли они до тех пор, пока не пришли за десять миль от царя Кайду, и тут в порядке стали станом. А царь Кайду, знайте, со всем своим войском жил в шатрах на этой самой равнине. Отдыхали обе стороны и к битве готовились.

На третий день после прихода сына великого хана и внука попа Ивана рано утром обе стороны вооружились и приготовились к битве как можно лучше; обе стороны были одинаково сильны, у каждой по шестидесяти тысяч всадников, с мечами и палицами, да копьями. Каждая сторона разбилась на шесть отрядов; в каждом отряде было по десяти тысяч всадников и храбрый предводитель. Вот расположились так обе стороны, изготовились, ждут ударов накара.

Татары не смеют начинать битвы, пока не забьет накар их

предводителя; как только он забьет, тут они и начинают битву. Есть у татар и такой обычай; когда они изготовляются и ждут битвы, прежде, нежели накар забьет, поют они и тихо играют на двухструнных инструментах; поют, играют и веселятся, поджидая схватку. И вот изготовились обе стороны и ждут по обычаю ударов накара и битвы; и просто удивительно, как хорошо они пели и играли. Вот так-то стояли и поджидали ударов накара.

Что же вам сказать? Забил накар, и люди, не медля, бросились друг на друга. Схватились за луки и стали пускать стрелы.

Переполнился весь воздух стрелами, словно дождем; много людей и коней было смертельно поранено. За криками и воплями и грома нельзя бы было расслышать; воистину, видно было, что сошлись враги смертельные. Метали стрелы, пока их хватало; и много было мертвых и смертельно раненных. В дурной час началась битва для обеих сторон; с той и другой стороны много было побито. Вышли все стрелы, попрятали они свои луки в колчаны, схватились за мечи и палицы и бросились друг на друга. Стали они наносить сильные удары мечами и палицами; началась злая и жестокая битва; наносились и получались удары сильные; отсекались руки, и замертво падали люди на землю; знайте, по истинной правде, вскоре после того, как началась рукопашная битва, покрылась земля мертвыми да смертельно раненными.

Выказал тут царь Кайду великую храбрость, и не будь он здесь, много раз расстроились бы его войска и побежали; но действовал он отлично, воинов своих поддерживал, и стояли они храбро. С другой стороны, сын великого хана и сын сына попа Ивана действовали также отлично.

Что же вам сказать? Знайте, по истинной правде, то была одна из самых жестоких битв между татарами. Стоял тут такой шум от людских голосов, звона мечей и палиц, что и грома Божьего не услышать. Воистину, обе стороны, что есть сил, старались разбить друг друга; обе стороны выбивались из сил и все-таки без успеха; ни та, ни другая сторона не могла одолеть; длилась битва до вечерни, и ни та, ни другая сторона не могла выбить врага из его стана; помирали люди с той и с другой стороны; жалость была смотреть. В дурной час для обеих сторон началась эта битва; много людей погибло, и много вдов осталось, много детей стало сиротами, и много женщин навсегда осталось в слезах: то были матери и невесты мертвых.

Стало солнце заходить; было тут мертвых столько, как я вам рассказывал, и не хотелось, да нужно было прекратить бой, разъехались обе стороны и вернулись в свой лагерь; усталы и утомлены были все; всякому хотелось покоя, а не драки.

Успокоились на ночь, отдыхали от денного труда в жестокой битве насмерть. Настало утро; услышал царь Кайду, что великий хан снарядил на него великое войско, и решил он про себя, что не следует тут оставаться; как только занялась заря, вооружился он вместе со всеми своими, сели на коней да и пустились в путь назад к себе. Увидели сын великого хана и внук попа Ивана, что царь Кайду со всеми своими уходит, не погнались за ним, а дали ему уйти спокойно: устали они сильно и утомились. А рать царя Кайду скакала безостановочно, пока не приехала в свое царство, в Великую Турцию [Туркестан], в Самарканд; и тут они пожили некоторое время, не воюя.

Глава CXCIX

Что сказал великий хан о вреде, сделанном царем Кайду [Хайду]

Гневался великий хан на Кайду, разорял он всех его людей и земли. Не будь Кайду, говорил он, племянником, давно погиб бы он злою смертью. Из-за родной крови великий хан не губит Кайду и его земли. И оттого-то и спасся царь Кайду от рук великого хана.

Оставим это и расскажем о великом подвиге дочери царя Кайду.

Глава CC

Здесь описывается сильная и храбрая дочь царя Кайду [Хайду]

У царя Кайду была дочь; звали ее по-татарски Ангиарм, а по-французски это значит «светлая луна». Была она очень сильна; не было в целом царстве ни юноши, ни витязя, кто мог бы ее побороть; побеждала она всех. Отец хотел выдать ее замуж, а она этого не желала и сказала, что не выйдет замуж, пока не сыщется такой витязь, кто победил бы ее; разрешил ей отец выходить замуж по собственному выбору; обрадовалась царевна этому решению и возвестила по разным странам, что выйдет за того, кто захочет с нею побороться и победит ее. Узнали об этом во многих странах и землях, и много благородных юношей из разных стран приходили попытать счастье, и делалось испытание вот как: приходил царь в главный покой дворца со многими людьми, мужчинами и женщинами, а потом выходила на середину покоя царская дочь, разряженная, в богато расшитом сандальном платье, приходил и юноша в сандальном наряде; и было условлено, коль юноша ее победит, на землю повалит, то возьмет он ее в жены; а коль царская дочь победит витязя, проигрывает он сто коней и отдает их царевне.

Таким-то образом выиграла царевна более десяти тысяч коней, и не могла она отыскать ни витязя, ни юноши, кто бы мог ее победить. Да и не диво: была она красиво сложена, высокая да плотная, чуть-чуть не великанша.

Случилось, что в 1280 г. по Р. Х. пришел туда сын богатого царя; был он молод и красив. Было и много красивых товарищей, и вел он с собою тысячу прекрасных коней в уплату деве за свою попытку. Как пришел этот царский сын, тут же объявил, что хочет помериться силой с девой. Обрадовался царь Кайду; хотелось ему, чтобы юноша женился на дочери, ибо знал, что тот сын царя…

И скажу вам, велел царь Кайду сказать дочери тайно, чтобы она поддалась; а дочь отвечала, что ни за что в свете этого не сделает. И что вам сказать? Знайте, собрались в большом покое и царь, и царица, и много мужей и жен; пришли царская дочь и сын царя; такие оба красавца, что диво на них глядеть. Юноша, скажу вам, был и силен, и крепок, не было ему равного по силе.

Вышли оба на середину покоя, народу было тут много, и заключили между собой договор: коль юноша не победит, так проигрывает ту тысячу коней, что привел с собой. И схватились после того дева с юношей; кто на них ни смотрел, всякий в душе

желал, чтобы юноша победил и стал мужем царской дочери; и царь, и царица желали того же. Коротко сказать, схватились они оба; один тянет в одну сторону, другая в другую; но случилось так, что царская дочь победила и бросила юношу на дворцовый пол. Так-то был побежден царевич, и не было никого в целом покое, кто не огорчился бы этим.

Водил, скажу вам, еще царь Кайду дочь, что царского сына победила, во многие битвы, и во всех схватках не нашлось витязя, кто бы взял над ней верх. Не раз, скажу вам, отправлялась дева ко врагам, силою захватывала витязя и приводила его к своим. Случалось это много раз.

Рассказали вам повесть о дочери Кайду, а теперь оставим это и расскажем о другом. Расскажем о великой битве царя Кайду и Аргона [Аргуна], сына Абаги, царя левантского.

Глава CCI

Как Абага послал на войну Аргона [Аргуна], своего сына

Абага, царь левантский, владел многими областями и землями. Земли его граничили с землями царя Кайду [Хайду], и было это у «древа Солнца», что в книгах об Александре [Македонском] зовется Сухим древом. Абага для того, чтобы Кайду со своим народом не чинил вреда его людям и землям, послал своего сына Аргона с великой конной ратью в страну Сухого древа, к самой реке Ион, и там он жил со своим войском, сторожил землю, чтобы царь Кайду не разорял их. Жил Аргон со своей ратью в этих равнинах Сухого дерева, охранял кругом много городов и замков.

Случилось, что царь Кайду собрал множество конных людей и в начальники им назначил своего брата Барака, а был тот и умен, и храбр. Сказал ему Кайду, чтобы побился он с Аргоном. Отвечал Барак [Борак], что веление его исполнит и все, что может, то сделает, чтобы разорить Аргона и его людей. Сказал эти речи Барак и пошел в поход со всеми своими людьми; а было их много; скакали они много дней без всяких приключений, добрались до реки Иона, и были от Аргона в десяти милях. И что вам сказать? Когда Аргон узнал, что Барак пришел со всеми своими людьми, изготовился и он хорошенько со своим войском. Не прошло и трех дней, как оба стана изготовились и вооружились: Аргон со своими, а Барак со своими людьми. Изготовились и выстроились, забил накар, и немедля обе стороны побежали друг на друга. И видно было, как стрелы пускались и летели во все стороны; словно дождем, наполнился воздух стрелами; а когда та и другая стороны израсходовали все стрелы, и много людей и много коней было побито, схватились за мечи и палицы и побежали друг на друга; началась жестокая и злая битва; рубились руки, убивались кони; бились храбро. Поднялся такой крик, стоял такой шум, что грома Божьего не услышать. Скажу вам, через немного времени земля покрылась мертвыми и смертельно раненными. И не говоря лишних слов, знайте, по истинной правде, что Барак со своими не мог выдержать силы Аргона; повернули они назад и ушли за реку. А Аргон со своими погнался за ним и перебил у него много людей. Вот так-то, как вы слышали, произошла эта битва, и победил тут Аргон.

Так как я начал вам об Аргоне, то скажу вам правду, как он был взят в плен и сделался царем по смерти Абаги, своего царя.

Глава CCII

Как Аргон [Аргун] пошел за царством

После того как Аргон победил Барака [Борака] и войско царя Кайду [Хайду], через немного времени узнал он, что умер Абага, его отец. Опечалился он, собрал свое войско и пустился в путь ко двору отца за царством; шел он сорок дней туда. Прослышал брат Абаги, Акомат-солдан [Ахмед-султан], сарацин, что брат его Абага помер, а Аргон был далеко, и решил он завладеть царством. Собрал большое войско и пошел прямо ко двору своего брата Абаги, захватил власть и стал царем. Было тут, скажу вам, такое громадное богатство, и не поверите, коль услышите, чего оно стоило; и просто удивительно, как щедро он раздавал его князьям и витязям. А те, когда увидели, что Акомат-солдан раздает щедро, решили, что хороший он царь; все его полюбили и желали ему всего лучшего; говорили, что другого царя им не нужно.

Акомат-солдан правил хорошо, ко всем был добр; но, скажу вам, сделал он одно нехорошее дело, за что многие его бранили. Вскоре по воцарении прослышал он, что Аргон идет с великою ратью. Не испугался он, и немедля созвал он своих князей и воинов; в одну неделю собрал он большую конную рать; шли воины на Аргона охотно и все в один голос говорили, ничего они так не желают, как убить Аргона или взять его в плен да измучить.

Глава CCIII

Как Акомат [Ахмед] со своим войском идет побеждать Аргона [Аргуна]

Собрал Акомат-солдан добрых шестьдесят тысяч воинов конных и пошел навстречу Аргону и его рати. Скакали они десять дней, не останавливаясь, а через десять дней узнали, что идет Аргон и близко, за пять дней пути, и что у него столько же войска. Стал тогда Акомат станом на очень большой и прекрасной равнине и решил там подождать Аргона, потому что хорошо было тут драться. Уставил он свой стан в порядке и стройно, созвал совет и говорил так:

«Государи, – сказал он, – вы знаете, почему я должен быть владыкою всего того, чем Абага владел: потому что сын я того же отца, что и он, и покорял те области и царства, чем он владел. Правда, Аргон – сын брата моего Абаги, но никто не скажет, что ему принадлежит властительство; да простят мне те, кто так думает, не было бы то ни разумно, ни справедливо; отец его владел всем этим, как вы знаете; справедливо, чтобы после его смерти стало моим все то, половиною чего и при жизни его я должен был бы владеть, но по доброте отдал я ему все властительство. И так как все то правда, что я вам сказал, прошу вас защищать наше право против Аргона; да будут царство и власть нашими; себе я желаю чести и славы, а вам прибыли, добра и властительства во всех наших землях и областях. Больше не стану говорить, знаю, что вы мудры и правду любите и все сделаете, что почетно и честно».

Замолк и не говорил более. Выслушали речи Акомата князья и витязи и другие люди, что тут были, и отвечали в один голос, что пока живы, не выдадут его, станут ему помогать против всех врагов в свете и против Аргона; говорили, чтобы он не боялся, Аргона они схватят и в руки ему отдадут.

Так-то, как вы слышали, говорил Акомат своим людям и волю их узнал. И желалось ему сильно, чтобы пришел Аргон со своими и побились бы они вместе.

Оставим Акомата и его войско и вернемся к Аргону и его людям.

Глава CCIV

Как Аргон [Аргун] совещается с своими князьями о битве с Акоматом [Ахмедом]

Узнал наверное Аргон, что Акомат поджидает его в стане с множеством войска, и сильно разгневался, но решил про себя, что не нужно высказывать перед врагом ни печали, ни опасения или страха; смалодушествуют все люди; храбрецом и смельчаком, говорил он, следует показаться. Созвал он всех своих князей и мудрых людей, и собралось их много в его ставке; а стоял он станом отличным. Сказал он им вот что:

«Милые братья и друзья, – говорил он, – вы, конечно, знаете, как отец мой нежно любил вас; почитал он вас всю жизнь за братьев и сыновей; вы помните, что бывали с ним в старину во многих битвах и помогали ему покорить те земли, чем он владел, и знаете, что я сын того, кто вас так любил. Я сам люблю вас, как собственное тело. Все, что я говорю, правда; справедливо и разумно, чтобы вы помогали мне против того, кто в противность разуму и истине хочет учинить великое зло, отнять у меня мои земли. И знайте еще, воистину, он не нашего закона; отступился от него, стал сарацином и Мухаммеду молиться. Сами вы понимаете, достойно ли, чтобы сарацин властвовал над татарами. Итак, милые братья и друзья, поэтому будьте стойки и не допускайте этого. Умоляю я всех быть храбрыми, сколько есть мочи, биться смело, чтобы наша взяла, и мы, а не сарацины победили; пусть каждый верит, что мы победим в битве: право на нашей стороне, а ложь на стороне врагов. Не стану больше говорить об этом; да отличится всякий из вас».

Замолк и больше ничего не сказал.

Глава CCV

Как князья отвечали Аргону [Аргуну]

Когда князья и витязи, что были тут, выслушали хорошие и умные речи Аргона, порешили они, не щадя жизни и сколько есть мочи, стараться победить врага. И вот среди общего молчания встал большой князь и заговорил так:

«Славный государь Аргон, – сказал он, – хорошо мы знаем, что все тобою сказанное правда, а потому скажу тебе напрямик, за всех твоих людей, что пришли сюда биться, не отступим, пока живы, и, не щадя жизни, станем биться; и уверены мы, что победим, потому что великая правда на нашей стороне, а на стороне врага ложь; поэтому мы советуем идти как можно скорее на врага, и прошу я товарищей отличиться так в этой битве, чтобы весь свет о нас заговорил».

Замолк храбрый муж и ничего больше не сказал.

И что вам сказать? После него никто не хотел говорить, а все были с ним согласны и ничего так не желали, как сразиться с врагом.

На следующий день Аргон и его воины встали рано утром и, решив погубить врага, пустились в путь. Скакали они до тех пор, пока не достигли равнины, где враг стоял в шатрах. Расположились они станом стройно и в порядке, в десяти милях от акоматова [ахмедова] стана. Как стали они тут станом, выбрал Аргон двух людей; верил он им крепко и послал их к дяде [Ахмеду] с такими словами, как услышите дальше.

Глава CCVI

Как Аргон [Аргун] посылал своих гонцов к Акомату [Ахмеду]

Простились мудрые старцы со своим государем, получили от него приказания и немедля пустились верхом в путь. Пришли они прямо в стан, сошли с коней у ставки Акомата; сидел он там со множеством князей. Знали они хорошо Акомата, и он их. Поклонились они ему честно, а Акомат сказал им весело: «Добро пожаловать»; посадил их пред собой в ставке. Спустя немного встал один из гонцов и говорил так:

«Славный государь Акомат, – сказал он, – племянник твой Аргон дивится тому, что ты сделал: отнял у него властительство да еще идешь биться с ним не на живот, а на смерть; воистину, совсем это нехорошо, не как добрый дядя поступаешь ты. Наказывает он тебе с нами и, за отца почитая тебя, молит отступить от этого дела, и да не будет ни схватки, ни злобы между вами; говорит он, что готов тебя почитать за старшего и за отца, владей всей его землей и будь царем. Вот что наказывал с нами твой племянник, вот о чем он тебя просит».

Замолкли и более ничего не сказали.

Глава CCVII

Как Акомат [Ахмед] отвечает гонцам Аргона [Аргуна]

Выслушал Акомат, что наказывал ему Аргон, его племянник, и отвечал:

«Господа посланцы, – сказал он, – не дело говорит мой племянник; земля моя, а не его; покорял я ее так же точно, как и его отец, поэтому скажите моему племяннику, коль он захочет, так сделаю я его большим государем, дам ему земли, и будет он вместо сына и старейшим у меня князем. А если он этого не захочет, так пусть будет уверен, что постараюсьтаки его убить. Вот это я готов сделать для моего племянника, и никакой другой уступки от меня никогда не будет».

Замолк Акомат и не сказал ничего более. Выслушали гонцы речи султана, спросили еще раз, не скажет ли он еще чего.

«Ничего более, – говорил он, – пока я жив, не услышите от меня».

Выслушали это гонцы, немедля пустились в путь и скакали до самого стана своего государя; сошли с коней у его ставки и рассказали Аргону все, что слышали от дяди. Выслушал Аргон, что дядя ему наказывал, разгневался и сказал громко, так что все, кто тут был, слышали:

«Сделал мне дядя большое зло, великую несправедливость; не хочу ни жить, ни землею владеть, коли не отомщу ему так, что весь свет об этом заговорит».

После этих речей говорил он своим князьям и витязям:

«Нечего медлить, пойдемте поскорее убивать изменников и предателей; наутро уже хочу напасть на них и как можно больше перебить их».

И что вам сказать? Во всю ночь они изготовлялись к схватке в открытом поле. А султан Акомат знал через соглядатаев, что наутро Аргон нападет на него, готовился также и увещевал своих храбро и стойко биться.

Глава CCVIII

Здесь описывается битва между Аргоном и Акоматом [Аргуном и Ахмедом]

Настало утро; Аргон вооружился со всеми своими, устроил и расставил их для битвы умно и хорошо; умолял он их биться храбро. Устроил все и пустился в поход на врага. А султан Акомат сделал то же, расставил и устроил своих людей и, не дожидаясь Аргона, пустился в путь со своими воинами; немного прошли они, как повстречали Аргона с его войском.

Сошлись обе рати вместе, и так обеим хотелось драться, что немедля бросились они друг на друга. И видно было, как стрелы пускались и летали повсюду, да так часто, словно дождь с неба. Началась битва злая и жестокая, падали на землю и валялись витязи, слышались и крик, и вопль, и плач на землю павших и смертельно раненных. А когда поистратили они все свои стрелы, то схватились за мечи и палицы и яро бросились друг на друга. Наносили друг другу удары сильные мечами острыми. Рассекались руки и тела, отсекались головы. Крик, шум был такой, что грома Божьего не услышать. В недобрый час для обеих сторон началась эта битва; погибло тут много храбрецов, и много жен на всю жизнь остались в слезах.

Аргон отличился в этот день, храбро бился, подавал добрый пример своим людям, да ничего хорошего из этого не вышло; неудача была ему, и судьба была против него; победили его; не выдержали его люди и побежали что есть мочи вспять. Погнался за ними Акомат со своим войском, много их побил и много им вреда наделал. И в этой погоне, скажу вам, захватили Аргона и тотчас бросили гнаться за врагом: ликуя и радуясь, повернули в свой стан к своим шатрам. Приказал Акомат заковать своего племянника и хорошенько его сторожить.

Был Акомат плотоугодник и порешил он вернуться ко двору, к своим красавицам-женам, что у него там были; а начальником всего войска оставил большого мелика [владетеля]; ему же приказал сторожить Аргона, чтобы берег его, как собственное тело; говорил он, пусть мелик пойдет ко двору маленькими переходами, чтобы люди не уставали. Отвечал мелик, что государев приказ будет исполнен. Пустился Акомат в путь, ко двору, со многими спутниками.

Вот так-то, как я рассказал, уехал Акомат от своего войска, а начальником оставил мелика. А полоненный Аргон в цепях горевал и смерти желал.

Глава CCIX

Как Аргон [Аргун] был полонен, а потом освобожден

Пожалел об Аргоне некий престарелый знатный татарский князь. «Держать своего государя в плену, – раздумывал он, – великий грех и большое предательство», – и решил попытаться освободить Аргона. Пошел он тотчас же к другим князьям и говорил им:

«Грешно держать своего государя в плену; по справедливости следует освободить его и царем признать».

Услышали слова старца другие князья; знали они его за разумного человека, знали также, что правду он говорит, согласились они с ним и сказали, что того же и они хотят. Согласились князья, и тогда Бага, зачинщик, Елчидай и Тоган [Туган], Тегана, Тага, Тиар, Улатай и Самагар, словом, все названные пошли к ставке, где Аргон был заключен. Пришли туда, и Бога [Буга], главный в этом деле, заговорил так:

«Добрый государь, – сказал он, – знаем мы хорошо, что, пленив тебя, согрешили; хотим теперь поступить по справедливости. Хотим тебя освободить; будь ты нашим царем; по справедливости быть тебе царем».

Замолчал Бога и больше ничего не сказал.

Глава CCX

Как Аргон [Аргун] получил царство

Выслушал Аргон, что Бога [Буга] говорил, и подумал, что над ним насмехаются; отвечал он с горечью:

«Добрые государи, – сказал он, – большой грех насмехаться надо мною; не довольно ли вам того зла, что вы мне учинили? Мне бы быть царем вашим, а вы меня пленили и заковали. Знаете вы хорошо, какой это великий грех и какое большое зло; прошу вас поэтому, идите своею дорогой и не насмехайтесь надо мною».

«Добрый государь Аргон, – говорил Бога, – воистину, знай, не насмехаемся мы, что сказали, то правда, и клянемся тебе нашим законом».

И поклялись все князья признавать его царем. Аргон им поклялся, что не станет им мстить за свой плен, а будет их чтить и любить так же, как то делал его отец Абага. Поклялись вот так, как вы слышали, освободили Аргона и стали ему служить, как царю. Приказал тогда Аргон пускать стрелы в ставку до тех пор, пока не погибнет тот мелик, что держал его в плену и был начальником войска. Тотчас же по его приказу стали пускать стрелы в ставку, и мелик был убит; и когда все это было сделано, Аргон стал властвовать и повелевать, как царь, и все его слушались. Знайте, что тот, кого мы называли меликом и кто был убит, назывался Солдам, и был он после Акомата самым большим начальником.

Так-то, как вы слышали, Аргон отобрал свое царство назад.

Глава CCXI

Как Аргон [Аргун] приказал убить дядю Акомата [Ахмеда]

Почуял Аргон свою власть, и приказал он поход ко двору; и немедля пустился в путь.

Пировал раз Акомат в своем главном дворце; приходит к нему гонец и говорит:

«Государь, везу тебе новости; не таких желал бы я; очень они худы. Знай, освободили князья Аргона и царем его признали; убили они Солдана, нашего дорогого друга; спешат сюда тебя пленить и убить; а потому делай то, что почитаешь для себя за лучшее».

Сказал и замолк гонец; ничего более не говорил.

Услышал Акомат слова гонца; знал он, что гонец – преданный человек; испугался он сильно и со страху не знал, что ему делать и говорить; но был он человеком смелым и храбрым, оправился и сказал тому, кто принес ему эту весть, чтобы не осмеливался он никому ее рассказывать. Отвечал гонец, что повинуется его велению. Сел тут Акомат на коня, собрал тех, кому больше всего верил, и пустился в путь к султану вавилонскому [египетскому], здесь он думал спасти свою жизнь; и, кроме тех, кто с ним был, никто не знал, куда он шел.

Через шесть дней пути пришел он к проходу; миновать его нельзя было; а тот, кто стерег проход, узнал Акомата; знал он также, что Акомат бежал, и решил его захватить, а сделать это легко было: у Акомата было немного людей. Сделал тот позаду-манному, схватил тотчас же Акомата.

Умолял его Акомат и много богатства ему предлагал. А тот, что проход сторожил, был верен Аргону и говорил, что богатства ему не нужно, что не возьмет богатства всего мира, а выдаст его в руки Аргона, своего законного царя.

И что вам сказать? Тот, кто проход стерег, как только захватил Акомата, немедля, тотчас изготовился вместе с провожатыми и пустился в путь ко двору; вез он с собою Акомата и, чтобы тот не бежал, стерег его крепко. Скакали они, не останавливаясь, вплоть до самого двора, где и нашли Аргона; пришел Аргон туда только за три дня и гневался сильно на то, что Акомат убежал.

Глава CCXII

Как князья кланяются Аргону [Аргуну]

Когда тот, кто стерег проход, пришел к Аргону и привел к нему Акомата, обрадовался сильно Аргон и сказал дяде, что не к добру он пришел и что он с ним поступит, как следует по разуму. Приказал он увести Акомата от себя и, не раздумывая долго, велел его убить и тело уничтожить. Тот, кому Аргон приказал это сделать, взял Акомата да и увел его; после того никто не видел Акомата; и неудивительно: он его убил, а тело забросил, и никогда его больше не видели.

Так-то, как вы слышали, происходило дело между Аргоном и Акоматом, его дядей.

Глава CCXIII

Как Кату [Гайхату] взял царство по смерти Аргона [Аргуна]

После того Аргон, сделав все то, что вы слышали, пошел в главный дворец, и была тут вся его знать; все князья из всех мест, что были подвластны Абаге, его отцу, пришли ему поклониться, как подобает государю, и все ему повиновались, как то и следует.

После того как Аргон овладел царством, послал он сына Казана [Газана] с тридцатью тысячами всадников к Сухому древу, то есть в эти страны, стеречь и охранять своих людей и свои земли. Так-то, как вы слышали, Аргон взял свое царство. Знайте, начал царствовать Аргон в 1286 г. по Р. Х. Акомат царствовал два года, Аргон же шесть лет, а спустя шесть лет Аргон помер от болезни; говорили тоже, что умер он от питья.

Глава CCXIV

Как Киакату [Гайхату] взял царство по смерти Аргона [Аргуна]

Умер Аргон, и дядя его Киакату, родной брат его отца Абаги, тотчас овладел царством, и легко это было сделать: Казан [Газан] был далеко, у Сухого древа, хотя и знал, что отец помер, а Киакату овладел царством. Не мог он оттуда уехать, врагов опасаясь, но решил он, что в свое время пойдет, отнимет царство и отомстит, так же как то сделал его отец с Акоматом [Ахмедом]. И что вам сказать?

Киакату царствовал, все ему повиновались, только не те, что были с Казаном. Взял он жену Аргона, своего племянника, и держал ее при себе; с женами он много потешался, потому что был плотоугодлив. И что вам сказать? Царил Киакату два года, а через два года помер; знайте, отравили его питьем.

Глава CCXV

Как Байду овладел царством по смерти Киакату [Гайхату]

По смерти Киакату его дядя Байду, христианин, овладел царством в 1294 г. по Р. Х. Царствовал Байду, и все ему повиновались, только не Казан [Газан] и его войско. Когда Казан узнал, что Киакату помер, а Байду овладел царством, гневался он, что не успел отомстить, и решил отомстить Байду так, что весь свет заговорит об этом; и сказал он себе, что теперь не останется здесь, а пойдет убивать Байду. И вот изготовился он со своими людьми и пустился в путь назад, отбирать царство.

Узнал Байду, что Казан идет на него, собрал он большое войско, изготовился и пошел ему навстречу за десять дней; тут он стал станом и поджидал Казана и его людей; много просил и увещевал своих воинов храбро биться. Не прошло и двух дней с его прихода сюда, как и Казан со всем своим войском был уже тут; и скажу вам, по истинной правде, сошлись они и началась битва злая и жестокая, но не длилась она долго: только что битва началась, те, кто был с Байду, перешли на сторону Казана и обратились против Байду; поэтому-то Байду был разбит и даже убит, а Казан победил и стал царем и господином всего. После того, как он победил и умертвил Байду, вернулся он ко двору и овладел царством; все князья ему поклонились и повиновались, как своему государю. Казан начал царствовать в 1294 г. по Р. Х.

И так-то, как вы слышали, происходило все это дело, начиная с Абаги до Казана. И еще знайте, что Алау [Хулагу], что покорил Бодак [Багдад], был братом Кублая [Хубилая], великого хана; он был родоначальником всех тех, кого я называл выше: он был отцом Абаги. Абага был отцом Аргона [Аргуна], Аргон – отцом Казана, что теперь царствует.

Рассказали вам о левантских татарах; оставим их теперь и вернемся к Великой Турции; но о Великой Турции [Туркестане] мы рассказали уже прежде, как там царит Кайду [Хайду], поэтому нечего больше о ней рассказывать. Пойдем отсюда и расскажем вам о странах и людях к северу.

Глава CCXVI

Здесь описывается северный царь Канчи [Кончи]

На севере, знайте, есть царь Канчи. Он татарин, и все его подданные татары; держатся они татарского закона, а закон этот дикий; но соблюдают они его так же точно, как соблюдал Чингисхан и другие истые татары; делают они своего бога из войлока и называют его Начигай; делают ему и жену, называют двух богов Начигаем и его женой; говорят, что они боги земные и охраняют их скот, хлеба и все их земное добро. Они им молятся; когда едят что-нибудь вкусное, так мажут своим богам рты. Живут они, как звери.

Царь их никому не подвластен, хотя он из роду Чингисхана, то есть из императорского, и близкий родственник великого хана; у него нет ни городов, ни замков; живут они всегда по большим равнинам и долинам и в высоких горах. Питаются говядиной и молоком; хлеба у них нет никакого. У царя много народу, но он ни с кем не воюет и мирно правит своим народом. Скотины у них много: верблюдов, коней, быков, овец и других животных.

У них большие медведи, все белые, и длиною в двадцать пядей. Есть тут лисицы, совсем черные и большие, и дикие ослы; много тут горностаев; из их шкур делаются дорогие шубы, о чем я вам рассказывал; мужская шуба стоит тысячу безантов. Белок обилие, и много фараоновых крыс; и все лето они ими питаются, потому что крысы очень жирны. Всякой дичины тут много; живут в местах диких и непроходимых.

Еще у этого царя есть такие места, где никакая лошадь не пройдет; это страна, где много озер и ручейков; тут большой лед, трясины и грязь; лошади там не пройти. И эта дурная страна длится на тринадцать днищ, и каждый день есть стоянка, где пристают гонцы, что ходят по стране. На каждой стоянке до сорока больших собак, немного поменьше осла, и эти собаки возят гонцов от стоянки к стоянке, от одного днища до другого, и, скажу вам, вот как: по всему этому пути, по льду да по грязи, лошади не могут идти; во все тринадцать дней дорога между двух гор, по большой долине, и все тут лед да грязь, как я вам говорил. И по этой-то причине лошади не могут тут проходить, и телеги на колесах тут не пройдут; сделали они сани без колес, проходят они, не увязая, и по льду, и по грязи, и по трясине. Во многих наших странах есть сани; на них возят сено и солому зимой, когда много дождей и грязи. Сани они покрывают медвежьей шкурой, и туда влезает гонец; возят их по шести больших собак, и

собаки везут их прямо к стоянке, не сбиваясь с дороги, по льду и по грязи; и так ездят от стоянки до стоянки. А вот кто сторожит стоянку, садится также в сани, погоняет собак и едет дорогой кратчайшей и лучшей. На другой стоянке, как приедут, – собаки и сани уже готовы, и едут дальше; а те собаки, что привезли, возвращаются назад; и так каждый день ездят на собаках.

Те, кто живут здесь в горах и в долинах, большие охотники; ловят они много дорогих животных, высокой цены, и большая им от этого прибыль и выгода; ловят они горностаев, соболей, белок и черных лисиц и много других дорогих животных; из них они выделывают дорогие шубы высокой цены. У них такой снаряд, который промаха не дает.

Скажу вам, от великого здешнего холода их дома под землею, а иногда живут и над землею.

О другом чем нечего говорить, поэтому пойдем отсюда и расскажем вам о стране, где всегда темнота.

Глава CCXVII

Здесь описывается темная страна [страна Тьмы]

На север от этого царства есть темная страна; тут всегда темно, нет ни солнца, ни луны, ни звезд; всегда тут темно, так же как у нас в сумерки. У жителей нет царя; живут они, как звери, никому не подвластны.

Татары приходят сюда, и вот как: приходят они сюда на жеребых кобылах, а жеребят оставляют на границе, чтобы кобылы возвращались к своим жеребятам; и знают они дорогу лучше людей. Так-то приходят сюда татары на кобылах, как я вам сказал, а жеребят оставляют позади, и грабят они тут все, что находят, а когда награбят, возвращаются; кобылы идут к своим жеребятам, и знают они хорошо свою дорогу.

У этих людей множество мехов и очень дорогих; есть у них соболя очень дорогие, как я вам говорил, горностаи, белки, лисицы черные и много других мехов. Все они охотники, и просто удивительно, сколько мехов они набирают. Соседние народы оттуда, где свет, покупают здешние меха; им носят они меха туда, где свет, там и продают; а тем купцам, что покупают эти меха, большая выгода и прибыль.

Люди эти, скажу вам, рослые и статные; они белы, без всякого румянца. Великая Ро́сия, скажу вам, граничит с одной стороны с этой областью. О другом чем тут нечего говорить, а потому пойдем отсюда и расскажем вам прежде всего о Ро́сии [Руси].

Глава CCXVIII

Здесь описывается Ро́сия [Русь] и ее жители

Ро́сия – большая страна на севере. Живут тут христиане греческого исповедания. Тут много царей и свой собственный язык; народ простодушный и очень красивый; мужчины и женщины белы и белокуры. На границе тут много трудных проходов и крепостей. Дани они никому не платят, только немного царю Запада; а он татарин и называется Тактактай, ему они платят дань, и никому больше. Страна эта не торговая, но много у них дорогих мехов высокой ценности; у них есть и соболя, и горностаи, и белки, и эрколины, и множество славных лисиц, лучших в свете. Много у них серебряных руд; добывают они много серебра.

О другом чем нечего тут говорить, а потому пойдем из Ро́сии и расскажем вам о великом море, что кругом этих областей, и о тамошних жителях, начнем прежде всего с Константинополя.

Но расскажу вам прежде всего об области, что к северу и северо-западу. В этой стране, скажу вам, есть область Лак; граничит она с Ро́сией; тут есть царь, а жители христиане и сарацины. Много тут хороших мехов; купцы вывозят их в разные стороны. Жители занимаются торговлей и ремеслами. О другом чем тут нечего говорить, а потому пойдем отсюда и расскажем о другом.

Хочу сказать о Ро́сии кое-что, что я забыл. Знайте, по истинной правде, самый сильный холод в свете в Ро́сии; трудно от него укрыться. Страна большая, до самого моря-океана; и на этом море у них несколько островов, где водятся кречеты и соколы-пилигримы, все это вывозится по разным странам света. От Ро́сии, скажу вам, до Норвегии путь недолог, и если бы не холод, так можно было бы туда скоро дойти, а от великого холода нелегко туда ходить.

Оставим это и расскажем о большом море. Много тут было, по правде, купцов и других людей, а еще больше людей не знают этой страны; для них и следует ее описать, что мы и сделаем; сперва начнем с начала, с константинопольских проливов.

Глава CCXIX

Здесь описывается начало великого моря

При входе в великое море, с западной стороны, есть гора [которая называется] Фар.

Начали мы о великом море, да и раздумали писать о нем; много людей хорошо знают это, поэтому-то оставим его и расскажем о западных татарах и о царях, что там царствуют.

Глава CCXX

Здесь описываются цари западных татар

Первым царем западных татар был Саин; был он сильный и могущественный царь. Этот царь Саин покорил Ро́сию, Команию, Аланию, Лак, Менгиар, Зич, Гучию и Хазарию; все эти области покорил царь Саин. А прежде нежели он их покорил, все они принадлежали команам [кипчакам], но не были они дружны между собою и не составляли одного царства, а потому команы потеряли свои земли и были разогнаны по свету; а те, что остались на месте, были в рабстве у этого царя Саина. После царя Саина царствовал Пату [Бату], после Пату царствовал Берка [Берке], после Берки царствовал царь Монглетемур [Менгу-Темур], после него царь Тотамонгур [Туда-Менгу], а потом Токтай [Тохта], что теперь царствует.

Рассказали вам о царях западных татар, а расскажем потом о битве, что была между Алаем [Хулагу], царем левантским, и Баркою [Берке], царем Запада; скажем, из-за чего они дрались и каким образом произошла битва.

Глава CCXXI

Здесь описывается война между Алаем и Беркою [Хулагу и Берке] и битвы, что были между ними

В 1261 г. по Р. Х. произошла великая распря между Алаем, царем восточных татар, и Беркою, царем западным, из-за области, что была смежна тому и другому: каждому хотелось ею завладеть, и ни один не хотел уступить ее другому: почитали себя оба сильными и могущественными. Вызывали друг друга и говорили: «Пойду, возьму ее и посмотрю, кто у меня ее отнимет». И после того, как вызвали они друг друга на войну, собрал каждый всех своих; стали изготовляться так, как и не видано было; каждый что есть мочи старался превзойти другого.

Через шесть месяцев после вызова собрал каждый до трехсот тысяч всадников, прекрасно вооруженных всем, что, по их обычаю, нужно для войны. И когда все было готово, Алау, восточный царь, пошел в поход со всеми своими. Скакал он много дней без всяких приключений и приехал в большую равнину между Железными вратами и Сараинским морем, и расставил в порядке свой стан на этой равнине; скажу вам, по истинной правде, много было тут богатых ставок и много богатых палаток; видно было, что стан богатых людей. Решил Алау здесь поджидать Берку с его войсками. Тут он и жил, поджидая врага. А место, где он станом стоял, было на границах двух царств.

Оставим Алау и его людей, вернемся к Берке и его войскам.

Глава CCXXII

Как Барка [Берке] с войском шел навстречу Алау [Хулагу]

Изготовился Берка, собрал своих людей, и узнал он тут, что Алау со всем своим войском пошел в поход; решил он, что и ему нельзя отставать, и немедля пустился в путь. Скакал он до тех пор, пока не прибыл на большую равнину, где уже враг был; стал и он в порядке, станом, подле Алау, в десяти милях. Стан его был так же хорош, как и стан Алау, и так же богат, были тут шатры из золотых тканей, богатые палатки; по правде, красивее и богаче стана не видано было прежде; и было тут войска более, нежели у Алау: у Берки было более трехсот пятидесяти тысяч конных. Стали они станом и отдыхали тут два дня. Собрал тогда Берка своих людей и говорил им так:

«Славные государи, – сказал он, – вы, конечно, знаете, что с тех пор, как я царствую, любил я вас, как братьев и сыновей, мудры вы, и многие из вас были со мною во многих больших битвах, и много из тех земель, чем мы владеем, вы помогали мне покорять; знайте еще: все, что мое, то и ваше, и так как все это правда, каждый сколько есть мочи должен стараться поддержать честь; до сих пор действовали мы хорошо. Знайте, что великий и сильный Алау хочет драться с нами; и не прав он, потому что, воистину, вот что: правда на нашей стороне, а на его – неправда, а поэтому всякий да будет уверен, что мы победим; вот еще что должно вас поддерживать – людей у нас больше, нежели у него. Мы знаем очень хорошо, что у него не более трехсот тысяч всадников, а у нас триста пятьдесят тысяч таких же хороших, да еще и лучших. По всему этому, славные государи, видите вы ясно, что мы должны победить в битве. И так как мы пришли сюда драться издалека, то через три дня хочу я дать сражение, станем действовать умно и в порядке, чтобы дело наше шло от хорошего к лучшему. Умоляю, как умею, всем быть храбрыми и действовать так, чтобы весь свет о нас заговорил. Больше этого не хочу говорить; прошу всех в назначенный день быть готовыми, действовать умно и быть храбрыми».

Замолк тут Берка и не сказал больше ничего.

Оставим его; об его деле кое-что мы рассказали. Расскажем об Алау и его войске, да и о том, что он делал, когда Берка с войском подошел близко.

Глава CCXXIII

Как Алау [Хулагу] говорит своему войску

Рассказывают, когда Алау узнал наверное, что Берка [Берке] пришел со множеством войска, собрал он на совет много умных людей, и когда они собрались, сказал он им так:

«Милые братья, сыны и друзья, – говорил он, – вы знаете, что всю жизнь вы мне помогали и поддерживали меня. До нынешнего помогали вы мне в моих победах, и не были мы в такой битве, где бы не побеждали, и вот мы пришли сюда драться с великим Беркою. Знаю я хорошо, и это правда, что войска у него столько же, как и у нас, даже больше, да хуже оно нашего. Скажу вам, по истинной правде, хоть их и много там, но с нашими добрыми молодцами мы их разобьем и прогоним. Знаем мы через наших соглядатаев, что через три дня выйдут они драться, и этому я очень рад. Прошу я всякого приготовиться к этому дню, и чтобы решился он действовать так, как вы привыкли. Хочу вам сказать еще одно: лучше, уже если другое невозможно, умереть честно на поле, а не быть разбитыми; да старается всякий действовать так, чтобы честь была спасена, а враг разбит и погиб».

Тут замолк Алау. Так-то, как вы слышали, говорили оба великие царя; ждали назначенного дня для битвы; а витязи сколько есть мочи готовили все, что нужно для битвы.

Глава CCXXIV

О великой битве между Алау и Баркою [Хулагу и Берке]

Когда настал день, назначенный для битвы, Алау встал ранним утром и вооружил всех своих людей; умно и хорошо расставил он их и распределил, как и подобает умному человеку. Разделил он войско на тридцать отрядов, и в каждом было по десяти тысяч всадников; было у него около трехсот тысяч всадников. К каждому отряду он приставил хорошего начальника и предводителя; и когда он устроил хорошо и умно свои дела, приказал он своим отрядам ехать на врага. Поехали по его велению воины рысцою и приехали на полпути между двумя станами; здесь они остановились и стали поджидать врага на битву. И вот так-то, как вы слышали, они поджидали врага.

Берка, со своей стороны, поднялся также рано со всеми своими воинами, вооружился, приготовился хорошо и умно; расставил и распределил свои отряды хорошо и умно; разделил он войско на тридцать пять отрядов, и в каждом отряде, так же как и у Алау, было десять тысяч всадников, хорошие начальники и предводители. Кончил все это Берка и приказал своим отрядам ехать вперед; славно поскакали они, да с толком, и стали в полумиле от врага; они остановились тут, постояли немного и пустились опять на врага.

И что вам сказать? За два выстрела обе стороны остановились и поджидали отряды, что отстали; было то самое лучшее и раздельное место в равнине; множество всадников могли там драться. И нужна была такая славная и большая равнина: столько воинов, как тут, нигде не билось. Было тут шестьсот пятьдесят тысяч всадников двух самых могущественных в свете людей, Алау и Берки; оба они, скажу вам, были близкие родственники, оба были императорского рода чингисханова.

Глава CCXXV

Еще о битве между Алау и Баркою [Хулагу и Берке]

Стояли оба царя невдалеке друг от друга, поджидая начала битвы и с нетерпением прислушиваясь к накару. Через немного времени с двух сторон забил накар; и как только услышали они его бой, немедля бросилась одна сторона на другую; схватились за луки, пускают стрелы и метят ими во врага. Летают стрелы с той и другой стороны, и через немного времени воздух ими так наполнился, что и неба не было видно. Видно было, как много людей падали на землю и много также коней; и должны вы этому верить: не могло быть иначе, столько стрел за раз было выпущено. Не переставали они пускать стрелы до тех пор, пока стрелы были в колчане и вся земля покрылась мертвыми и смертельно раненными. А когда израсходовали все стрелы, схватились за мечи и палицы, бегут друг на друга и раздают удары сильные. Началась битва злая и жестокая. Жалко было смотреть. Видно было, как отсекались руки и головы; валялись на земле кони и люди мертвые; много погибло; в дурной час началась эта битва; просто жалость! Ни в одной битве не погибло столько, как тут. Крик и шум был такой, что грома Божьего не услышать.

Скажу вам, по истинной правде, по мертвым телам приходилось ходить; вся земля ими была покрыта и от крови стала багровая. По истинной правде, скажу вам, давно уже не было битвы, где столько людей погибло бы, как тут. Такой тут был плач, и так кричали те, что на землю пали смертельно раненные и не могли подняться. Просто жалость было смотреть! В дурной час началась битва для той и другой стороны. Много жен стали вдовами, и много детей – сиротами. Показали они, что добра друг другу не желают и враги смертельные.

Царь Алау [храбрец] и в драке сильный, отличился в этой битве, показал себя способным землею владеть и венец носить. Совершал он великие воинские подвиги, своих воинов поддерживал; видят они, что царь их действует так хорошо и смело, мужаются они. Поистине, был то удивительный воинский подвиг; изумлялся всяк, кто видел это, и друг, и враг; казался Алау не человеком, а молнией и бурею. Так-то, как вы слышали, действовал Алау в битве.

Глава CCXXVI

Как Барка [Берке] действует храбро

Скажу вам, как Берка также отличился. Действовал он хорошо и был храбр; действовал, поистине, так, что весь свет его хвалил; но в этот день ничего из его храбрости не вышло; люди его все померли да были поранены и на землю повергнуты, и стало ему невтерпеж. А потому, когда битва продлилась до вечерни, Берка и его воины не могли больше терпеть, приходилось им оставить поле битвы.

И что вам сказать? Когда не могли они более терпеть, пустились они бежать сколько есть мочи, погоняли коней; а Алау и его воины увидели, что враг побежал, и пустились им вслед; гонят их, бьют и убивают, злодействуют так, что жалость было глядеть. Погнались немного, да и перестали, повернули к своим ставкам. Снимают вооружение, раненых омывают и перевязывают. Устали они и утомились так, что никто не хотел более биться, и все хотели отдохнуть. Утомленные и усталые отдыхают они в эту ночь; а когда утро настало, приказывает Алау, чтобы все тела, свои и вражеские, были сожжены; и тотчас же его веление исполняется.

И после того, как все это было сделано, Алау возвращается в свою сторону с теми, кто уцелел в битве. Знайте, хоть он и победил, а много у него народу погибло; но воистину у врага побито было еще больше. Погибло в этой битве столько, что кто услышит, так и не поверит.

Так-то, как вы слышали, произошла эта битва, и Алау победил.

Оставим Алау и эти дела и расскажем ясно, как вы услышите, о битве татар западных.

Глава CCXXVII

Как Тотамагу [ТудаМенгу] сделался царем западных татар

Монгутемур [Менгу-Темур] был царем татар на западе, и царство его должно было перейти к Толобуге [Тулабуга], человеку молодому; Тотамангу [Туда-Менгу] был могуществен и с помощью Ногая, другого татарского царя, взял да и убил Толобогу. Не процарствовал он долго и помер; на царство был выбран Токтай [Тохта], муж мудрый и храбрый; царствовал он и властвовал в стране Тотамангу. Случилось тем временем, два сына Толобуги, что был убит, подросли и стали храбрыми воинами. Были они и мудры, и храбры; эти два брата, что были сынами Тотамангу, снарядились с добрыми спутниками и пустились в путь ко двору Токтая. Пришли они туда и повели себя там хорошо и умно; стали оба на колени; а Токтай [Тохта] им сказал: «Добро пожаловать» и велел подняться. И как встали оба юноши, старший сказал так-то:

«Славный царь Токтай, скажу тебе, как умею, зачем мы пришли сюда; знаешь ты очень хорошо, что сыны мы того Тотамангу, кого убили Толобуга да Ногай; Толобуга помер и ничего не может сказать, а от Ногая мы требуем отчета и просим тебя, нашего справедливого господина, чтобы ты заставил его дать отчет, зачем он убил нашего отца; просим, чтобы призвал его перед себя и заставил его дать отчет в смерти нашего отца. Вот зачем пришли к твоему дворцу и молим, чтобы ты нам это сделал».

Замолк юноша и не сказал более ничего.

Глава CCXXVIII

Как Тотай [Тохта] требует у Ногая отчета в смерти Тотамагу [ТудаМенгу]

Выслушал Токтай [Тохта], что юноша ему говорил; знал он, что это правда, и отвечал так:

«Милый друг, – говорил он, – просишь ты, чтобы я потребовал отчета у Ногая; сделаю я это охотно; призовем его ко двору перед себя и поступим с ним как подобает».

Посылал тогда Токтай двух гонцов к Ногаю и приказывал ему явиться ко двору ответ держать двум сынам Тотамагу [Туда-Менгу]. Принесли гонцы эти вести Ногаю, а он посмеялся да и сказал, что не пойдет туда. Услышали гонцы такой ответ Ногая и пустились в обратный путь, приехали ко двору своего господина и рассказали ему, как наказывал Ногай, что ни за что не придет. Выслушал Токтай то, что ему наказывал Ногай и разгневался на него; сказал он так громко, что все кругом слышали:

«С Божьей помощью, – говорил он, – или Ногай придет сюда передо мной отдать отчет сынам Тотамагу, или я со всем моим народом пойду уничтожить его».

И немедля послал он двух других гонцов с такими словами, как вы услышите.

Глава CCXXIX

Как Тотай [Тохта] посылает гонцов к Ногаю

Пустились два гонца в путь и приехали ко двору Ногая. Пошли они к нему и поклонились честь честью, а Ногай им сказал: «Добро пожаловать». Заговорил тогда один гонец и сказал так:

«Славный государь, – говорил он, – наказывает тебе Токтай [Тохта], что если ты не придешь ко двору отдавать отчет сынам Тотамагу [Туда-Менгу], пойдет он на тебя со всем своим народом и учинит тебе такое зло, какое только сможет, и добру твоему, и тебе самому, а поэтому подумай, как тебе действовать, и с нами отвечай».

Услышал Ногай, что Токтай ему наказывал, разгневался и сказал гонцам так:

«Господа гонцы, – говорил он, – вернитесь к своему господину и скажите ему от меня, не боюсь я войны с ним; скажите ему еще, что если он пойдет на меня, не стану я ждать, чтобы он взошел в мою страну, пойду ему навстречу, за полпути. Вот что я наказываю и отвечаю вашему царю».

Замолк и более ничего не сказал. Выслушали гонцы слова Ногая и немедля, тотчас же пустились в путь и поскакали к своему царю. Рассказали ему все, что наказывал Ногай, что не боится он войны и пойдет к нему навстречу за полдороги. Выслушал Токтай и видит, что войны не миновать; тотчас же, немедля рассылает гонцов по разным странам, ко всем, кто ему подвластны, извещает их, чтобы готовились они идти на царя Ногая. И что вам сказать? Стал он делать большие приготовления. А с другой стороны, как узнал Ногай за верное, что Токтай собирается на него с большим войском, стал и он сильно готовиться, но не так, как Токтай; не было у него ни столько народу, ни столько силы, но был и он велик и могуществен.

Глава CCXXX

Как Тотай [Тохта] пошел на Ногая

Снарядился царь Токтай [Тохта] и поехал; пошел в поход со всеми своими воинами; вел он с собою двести тысяч конных. Скакали они без всяких приключений до тех пор, пока не приехали в славную и великую равнину Нерги. Тут он стал станом и поджидал Ногая: знал он, что и тот спешит на битву. Оба сына Тотамагу [Туда-Менгу] были здесь с добрым отрядом всадников; пришли они отомстить за смерть отца.

Но оставим Токтая и его воинов и вернемся к Ногаю и его людям. Как узнал Ногай, что Токтай пошел в поход и идет на него, не стал он медлить и со всеми своими пошел в дорогу; было у него полтораста тысяч конных, народ все храбрый и славный, много лучше воинов, что были у Токтая.

И что вам сказать? Не прошло и двух дней с тех пор, как Токтай пришел в эту равнину, а уже Ногай со всеми своими был тут и в отличном порядке расставил свой стан в десяти милях от врага. И когда стан устроился, видно было много красивых ставок из золотого сукна, много славных шатров; видно было, что стан богатого царя; а токтаев стан был не хуже и не беднее, а даже лучше и богаче; были тут удивительно богатые ставки и богатые шатры. Сошлись два царя на равнине Нерги и стали отдыхать, чтобы быть свежими и неутомленными в день битвы.

Глава CCXXXI

Что Тотай [Тохта] говорит войску

Собрал Токтай [Тохта] своих людей, созвал большой совет и говорил им так:

«Государи, – сказал он, – пришли мы сюда драться с Ногаем и его людьми, и дело то справедливое; знаете всю нашу ненависть и злобу оттого, что Ногай не хотел прийти отдавать отчет сынам Тотамагу [Туда-Мен-гу]. На нашей стороне правда, и мы должны победить, а он помрет и сгинет; и всякий из вас должен этим утешиться и крепко надеяться на победу; но все-таки, прошу вас, будьте храбры и старайтесь, сколько мочи есть, разбить и уничтожить врага».

Замолк и более ничего не сказал. Ногай, с другой стороны, собрал свой совет и говорил так:

«Дорогие братья и друзья, – сказал он, – знаете вы, во многих больших битвах, во многих больших схватках мы уже побеждали, со многими сильными людьми имели мы дело, кончалось оно хорошо для нас, и так как это правда и вы это знаете, потому должны быть уверены, что победите и в этой битве. На нашей стороне правда, а на той – зло. Хорошо вы знаете, что не государь мой приказывал мне явиться к себе ко двору отдавать отчет другим. Ничего более не хочу вам говорить; прошу каждого приготовиться хорошо действовать; отличимся в этой битве так, чтобы весь свет об этом заговорил и все всегда боялись и нас, и наших потомков».

Замолк Ногай и не сказал больше ничего. После того как оба царя сказали свои речи, немедля стали они на другой день приготовляться и вооружаться. Царь Токтай разбил свое войско на двадцать отрядов и в каждый отряд назначил хорошего начальника и предводителя. А царь Ногай разделил войско на пятнадцать отрядов: в каждом было по десяти тысяч конных, и в каждый отряд назначил доброго начальника и хорошего предводителя.

И что вам сказать? Когда оба царя хорошо вооружили и приготовили свои войска, оба пустились в путь, поскакали друг на друга, и как были друг к другу на полет стрелы, остановились тут и стали поджидать. Немного прошло времени, как забил накар и как раздался его бой, бросились они друг на друга, пуская стрелы. И видно было, как стрелы летали с той и с другой стороны; и диво, сколько их было. Кони и люди валились на землю, мертвые и смертельно раненные. Много было крику и

плача много. А как растратили стрелы, и не было ничего пускать, схватились за мечи и палицы, бросились друг на друга, раздавая удары сильные. Началась схватка сильная и жестокая; отсекались длани и руки, резались тела, рубились головы; и видно было, как на землю валились мертвые всадники или смертельно раненные. И крик, и шум, и звон мечей были таковы, что и грома Божьего не услышать. И было тут столько мертвых, как никогда ни в какой битве; но, воистину, у Токтая погибло людей больше, нежели у Ногая. У Ногая воины были лучше, нежели у Токтая. Скажу вам, по истинной правде, оба сына Тотамагу хорошо вели себя в этой битве и храбро дрались; что есть мочи старались они отомстить за смерть отца, да не вышло из этого ничего, нелегко было убить Ногая.

И что вам сказать? Жестокая и злая то была битва; не в добрый час она началась; много было на заре здоровых и сильных, и побиты были они в этой битве; много жен стали вдовами; да и неудивительно: злая то была битва. Из всех сил старался царь Токтай поддержать своих людей и спасти свою честь, и много он отличался: вел он себя так, что весь свет его прославлял. Бросался он, не боясь смерти, среди врагов; направо и налево раздавал он удары; идет и разносит людей и хватает их. И сделал он то, от чего в этот день много вреда было и другу, и врагу: врагу был вред, потому что многих он своею рукой побил; был вред и своим: видят они, что действует он храбро, мужаются и они, бегут смело на врага и гибнут и мрут оттого.

Глава CCXXXII

Как царь Ногай отличался

О царе Ногае скажу вам вот что: знайте, отличался он так, как никто ни на той, ни на другой стороне. Честь и слава битвы были его. Бросался он на врага так же смело, как лев на диких зверей. Шел, повергая их в прах и убивая. Много вреда он учинил. Бросался он туда, где видел самые сильные схватки, и разносил он людей, как мелкую скотину. Видят его люди, что действует так их господин, и стараются что есть мочи, бегут на врага с остервенением и много зла чинят.

Без лишних слов, знайте, воистину, старались сколько есть мочи спасти свою честь люди Токтая [Тохты], но не вышло ничего из этого, пришлось ведаться с воинами славными и сильными. Терпели они много и увидели, что если останутся тут, так помрут все; и как увидели, что не выдержать им больше, так и пустились бежать что есть мочи. А Ногай со своими погнался за ними, убивал их и злодействовал.

Так-то, как вы слышали, победил Ногай. Скажу вам, погибло до шестидесяти тысяч, но царь Токтай спасся, и два сына Тотамагу [Туда-Менгу] спаслись тоже.

Заключение

Итак, вы слышали все, что мы могли вам рассказать о татарах и сарацинах и их обычаях, и то же самое о других странах мира, докуда хватили наши расспросы и сведения. Но мы ничего не сказали о Великом [Черном] море и областях, что лежат вокруг него, хотя мы знаем их очень хорошо. Но мне кажется ненужным говорить о местах, которые посещаются теми, что постоянно плавают по морю, венецианцами, генуэзцами и пизанцами, и многими другими, так что каждый знает о них все, и вот поэтому-то я их пропускаю и ничего о них не говорю.

Возвращение домой троих Поло после 2 лет отсутствия

О способе, с помощью которого мы покинули двор великого хана, вы слышали в начале книги, в той главе, где мы говорили

вам о трудностях и препятствиях, которые претерпевали господа Матвей, Николай и Марко, когда они добивались разрешения великого хана на отъезд, и в той же главе рассказано о счастливом случае, что если бы не этот счастливый случай, мы никогда бы не уехали, несмотря на все старания, и никогда не вернулись бы в родную страну. Но я верю, что воля Божия была на то, чтобы мы вернулись и народ мог узнать о вещах, которые есть на свете. Потому что, согласно тому, что мы сказали во введении в начале книги, никогда не было человека, будь он христианин, сарацин, татарин или язычник, который столько бы путешествовал по свету, сколько благородный и знаменитый гражданин города Венеции, господин Марко, сын господина Николая Поло.